

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1905.

№ 22.

НОЯВРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Рѣчь, произнесенная предъ врученіемъ жезла Преосвященному Евгенію, Епископу Сумскому, Викарію Харьковской епархіи, 27-го ноября 1905 года въ Харьковскомъ Кафедральномъ соборѣ. *Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго* . . . . . 523—526
- Слово, произнесенное въ Александро-Невской церкви, г. Харькова, въ день ея храмового праздника, 30-го августа 1905 г. *Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго*. . . . . 527—533
- Рѣчь, при нареченіи во Епископа Сумскаго, Винарія Харьковской епархіи. *Архимандрита Евгенія (Бережкова)*. . . . . 534—536
- Нѣсколько словъ о такъ называемомъ Освященномъ Соборѣ при всероссійскомъ патріархѣ. (Продолженіе). *Леонида Багрецова*. . . . . 537—555
- Къ вопросу о взаимоотношеніяхъ свѣтскаго общества и духовенства. (Окончаніе). *Священника А. Юригаса* . . . . . 556—567
- Тихое пристанище. *Священника Іакова Галахова*. . . . . 568—580

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Христіанство по воззрѣніямъ Гартмана. *П. Щеглова*. . . . . 327—346
- Алексій Степановичъ Хомяковъ (Историко-психологическій очеркъ). (Обо-
наніе). *Н. Боголюбови* . . . . . 347—380

III. ИЗВѢСТІЯ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Высочайшее повелѣніе.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковской Духовной Коллегіи.—Росписаніе очереднаго проповѣдыванія слова Божія протоіереямъ и священникамъ г. Харькова и подгороднихъ селеній въ теченіе 1906 года.—Журналъ съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа 20—21 сентября 1905 г.—Отчетъ Братства Озерянской Божіей Матери (продолженіе).—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища. II. Нареченіе и хиротонія во Епископа Сумскаго, Викаріи Харьковской епархіи, ректора Владимірскаго духовной семинаріи, Архимандрита Евгенія. *Л. В—ва*.—Пастырское собраніе духовенства г. Харькова 17-го ноября, 1905 г.—*Священника П. Томина*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1905.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни епархіи, извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы влключительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

О ВЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА И РАЗУМЪ ВЪ 1906 ГОДУ.

Съ Божію помощію журналъ „Вѣра и Разумъ“ вступаетъ въ XXIII-ю годовщину своего существованія. Заявивъ себя литературнымъ органомъ Духовенства Харьковской Епархіи, онъ однако-же всегда былъ чуждъ сословной исключительности и всегда желалъ служить религіозно-просвѣтительнымъ цѣлямъ всѣхъ православныхъ читателей. Такое направленіе этому журналу дано славнымъ основателемъ его, въ Бозѣ почившимъ Архіепископомъ Амвросіемъ; оно же нашло одобреніе и просвѣщенное покровительство въ лицѣ преемниковъ его: Высокопреосвященнаго Флавіана, нынѣ Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, и Высокопреосвященнаго Арсенія, нынѣ Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Это же направленіе въ послѣднее время нашло одобрителный отзывъ и въ „Церк. Вѣдом.“, органѣ Св. Синода, гдѣ этому журналу, „по богатству и достоинству богословскихъ изслѣдованій, отясдено первое мѣсто, послѣ академическихъ журналовъ“, и гдѣ онъ названъ „солиднымъ, по преимуществу апологетическимъ журналомъ“ („Церк. Вѣдом.“ 1905 г. № 31, стр. 1299). Сохраняемъ убѣжденіе, что это же направленіе должно оставаться обязательнымъ для нашего журнала и на будущее время, и особенно теперь, при нынѣшнемъ, почти повсемѣстномъ у насъ, возбужденіи общественной мысли. Въ прѣжнее время, когда состояніе народной вѣры и развитіе народнаго самосознанія было почти у всѣхъ однообразно, нашимъ пастырямъ не приходилось бороться противъ такой массы разнообразныхъ идей, какъ это случается теперь, — и нашимъ интеллигентнымъ людямъ, желающимъ остаться вѣрными Св. Церкви, но уже встрѣчающимся со множествомъ превратныхъ сужденій или намѣренныхъ извращеній ложной науки, необходимо, какъ никогда прѣжде, предупреденіе отъ губельныхъ ошибокъ и увлеченій и выясненіе высокихъ христіанскихъ идеаловъ на строго научныхъ основаніяхъ. Теперь говорятъ даже, что самымъ низкимъ слоямъ нашего общества должны быть открыты понятія, оправдываемыя серьезною наукою. Поэтому и апологія христіанства въ наше время должна идти въ уровень съ развивающимся народнымъ самосознаніемъ и перейти границы традиціонной или традиціонно-школьной апологіи и стать строго научной и критической. Къ этому побуждается теперь наша духовная литература запросами текущей жизни, какъ никогда прѣжде. Именно этому знамени хотѣлъ бы служить и нашъ журналъ, по мѣрѣ своихъ силъ. Согласно съ этими убѣжденіями журналъ нашъ по прѣжнему будетъ состоять изъ слѣдующихъ трехъ отдѣловъ:

1. Отдѣла церковнаго, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣла философскаго. Въ него входятъ: изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи; также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени; отдѣльные случаи изъ ихъ жизни; болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ; особенно свѣтлыя мысли изъ чужбыхъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, съ особою нумераціею страницъ, будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 202 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковскихъ конторахъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магаз. Н. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гости. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы ввлючительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 руб. за 1890—1897 г., по 8 р. за 1898—1902 годы. За 1903 и 1904 г. 9 р. и за 1905 г. 10 рублей.

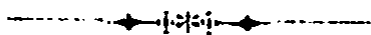
Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 140 р. съ пересылкою.

Кромъ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брептапо. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Ноября 1905 года.

Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія.

Πίστις νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 ноября 1905 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

РѢЧЬ

Высокопреосвященнаго Арсенія,

Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго,

произнесенная предъ врученіемъ жезла Преосвященному Евгенію, Епископу Оумскому, Викарію Харьковской епархіи, 27-го ноября 1905 года въ Харьковскомъ Кааедральномъ соборѣ.

Преосвященный Евгеній,
Возлюбленный о Господѣ братъ!

Привѣтствуемъ тебя съ посвященіемъ въ санъ Епископа и съ полученіемъ благодати архіерейства. Во время великаго волненія и великаго движенія ума и воли въ нашемъ отечествѣ и въ нашей Церкви судилъ тебѣ Господь принять епископскій санъ. Быстрыя перемѣны въ области гражданскаго управленія, волненія и мятежи въ массѣ народной и требованія реформъ и улучшеній въ области церковной: вотъ характеристика настоящаго времени!...

При взглядѣ на то, что дѣлается въ нашемъ отечествѣ и какія требованія предъявляются внутри нашей Церкви, объемлетъ страхъ и трепеть и невольно вызываетъ вопросъ, чѣмъ кончатся настоящія волненія и требованія?...

Мы—духовныя лица, служители у престола Божія и молитвенники предъ Богомъ въ храмѣ и келліи своей, поставлены на труды въ сторонѣ отъ шумнаго міра и, повилимому, находимся у тихой пристани подъ сводами

храма и подъ покровомъ Церкви. Прежде довольно было нашей молитвы, совершенія Богослуженія и исполненія требъ; говорю это не объ архипастыряхъ только, но и о пастыряхъ Церкви. Теперь обстоятельства перемѣнились. Новыя требованія гражданской жизни, особенныя явленія мятущейся современной народной жизни, новые законы въ области вѣры и Церкви и требованіе реформъ и улучшеній въ области церковнаго управленія и церковной школы: — все это вызываетъ насъ на особыя труды и подвиги. Намъ теперь говорятъ: келейной и церковной молитвы вашей мало, выходите на общественное служеніе, руководите обществомъ, оживите свою паству и, частнѣе, церковныя приходы, откройте двери своихъ училищъ для всѣхъ сословій и пустите вашихъ дѣтей на распутія міра и для этого примѣните вашу школу къ общимъ потребностямъ... Въ настоящее тревожное и мятежное время насъ укоряютъ, что мы молчимъ и не направляемъ народъ на правильный путь жизни, не смягчаемъ жестокіе нравы народа и не проповѣдуемъ христіанской любви. А если мы и дѣлаемъ, чего требуютъ обстоятельства, — то намъ говорятъ: не такъ дѣлаете: вы разжигаете страсти и возбуждаете вражду. Такъ, возлюбленный братъ, трудное наше время; есть надъ чѣмъ позадуматься и задать себѣ вопросъ, что дѣлать и какимъ быть?...

По преемству отъ св. Апостоловъ архипастыри и пастыри Церкви Христовой — *соль земли и свѣтъ міра*, который чѣмъ осолится если соль обуяетъ?.. Несомнѣнно, прежде всего, мы должны быть яркими свѣтильниками православія, православной Церкви и религіозно-правственной жизни: „*такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашихъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваши добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ*“. Прежде всего и главнѣе всего священнослужитель и пастырь словес-

наго стада Христова долженъ быть образомъ вѣры и благочестія, кротости, терпѣнія и воздержанія; затѣмъ — усерднымъ и благоговѣйнымъ совершителемъ богослуженія, ревностнымъ исполнителемъ уставовъ церковныхъ, неутомимымъ проповѣдникомъ слова Божія, и учителемъ нравственности, и истиннымъ пастыремъ, и духовнымъ отцомъ своей паствы, своего прихода и своихъ духовныхъ чадъ, знающимъ нужды своихъ пасомыхъ и стремящимся къ нимъ на помощь. Когда все это пастырь Церкви исполнить, то великъ будетъ авторитетъ его въ своей паствѣ и велико будетъ значеніе его въ приходѣ.

Къ сожалѣнію, нынѣ поднимаются голоса не только изъ среды мірской, но и изъ среды церковной, изъ среды самихъ пастырей церквей, о сокращеніи богослуженія, объ измѣненіи и отмѣненіи нѣкоторыхъ уставовъ Церкви. объ измѣненіи, по крайней мѣрѣ, внѣ храма, внѣшняго вида пастырей (одѣянье въ мірскую одежду), допущеніе священниковъ въ мірскія общественныя увеселительныя мѣста (театры), разрѣшеніе вдовымъ священникамъ вступать во второй бракъ, уничтоженіи иночества. или, по крайней мѣрѣ, недопущеніи монаховъ до занятія высшихъ должностей въ вѣдомствѣ духовномъ, возведеніи въ санъ епископа лицъ бѣлаго духовенства, безъ постриженія въ иночество, и даже въ брачномъ состояніи, тогда какъ послѣднее допускалось въ первое время христіанства только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда еще Церковь не организовалась совершенно и не получила полнаго благоустройства, чего она достигла во время и послѣ вселенскихъ соборовъ.

Духовенство наше нынѣ стремится къ бѣльшей свободѣ и независимости, а нѣкоторые даже желаютъ власть и права епископа свести только до посвященія въ разныя церковныя іерархическія степени. Такъ да-

леко простираются современные желанія и даже требованія современныхъ прогрессистовъ духовныхъ и мірскихъ!.. Но мы увѣрены, что, хотя будутъ произведены желательныя реформы и улучшенія,—въ средѣ церковной не будетъ допущено мірской вольности и омірщенія духовнаго сана, а напротивъ, всегда сохранится въ Церкви и ея служителяхъ характеръ духовности, благочестія, религіозности и подвижничества, что пастыри Церкви останутся навсегда *евангельскою солью* земли, архіереи по прежнему будутъ ея заправителями.

Чѣмъ труднѣе время и опаснѣе для спасенія, тѣмъ строже должны быть по отношенію къ себѣ и къ своимъ пасомымъ пастыри Церкви, а епископы, ихъ архипастыри, по отношенію къ самимъ пастырямъ. Все достояніе Церкви, ея духовныя дарованія, богослуженіе, догматы и обряды, пріобрѣтенные ею отъ Господа Іисуса Христа и апостоловъ и въ продолженіе почти двухъ тысячъ лѣтъ отъ святыхъ отцовъ и учителей, мы должны хранить неизмѣнно и неотступно, какъ драгоценное божественное сокровище, и внушать своимъ духовнымъ чадамъ хранить оное, какъ необходимую принадлежность для нашего спасенія.

Сугубая благодать архіерейства да умудритъ тебя, возлюбленный братъ, во спасеніе собственное и во спасеніе Богомъ врученной тебѣ паствы. Прими сей жезлъ; да будетъ онъ символомъ дарованной тебѣ отъ Бога власти и выраженіемъ твоего ревностнаго служенія Церкви Христовой и народу, малая частица котораго теперь ожидаетъ перваго твоего святительскаго благословенія. Аминь!

С Л О В О

Высокопреосвященнаго Арсенія, Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго¹⁾.

Въ настоящій день, братіе, св. Церковь православная празднуетъ перенесеніе честныхъ мощей св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго изъ г. Владиміра въ С.-Петербургъ. Это знаменательное событіе произошло въ 1724 г., въ царствованіе Императора Петра Великаго. Основавъ на берегахъ Невы великій и славный градъ св. Петра, благочестивѣйшій и мудрый Государь, какъ истинный христіанинъ и вѣрующій сынъ Церкви, пожелалъ освятить его перенесеніемъ многоцѣлебныхъ мощей св. Александра Невскаго и тѣмъ дать своему новому престольному городу вѣрнаго стража, молитвенника и заступника предъ Богомъ. Съ тѣхъ поръ повсемѣстно въ предѣлахъ великой Россіи,—а наипаче въ храмахъ, посвященныхъ блаженной памяти великаго князя Александра, торжественно совершается празднованіе сего великаго событія. Но съ особенною торжественностью празднество сіе совершается въ престольной столицѣ нашей, гдѣ въ этотъ день, при многочисленномъ стеченіи православнаго народа, бываетъ крестный ходъ изъ Исаакіевскаго собора въ Александро-

¹⁾ Произнесено въ Александро-Невской церкви г. Харькова, въ день ея храмоваго праздника, 30 августа 1905 года.

Невскую Лавру, гдѣ мощи св. князя Александра почи-
ваютъ и понынѣ. Но не для тогдашняго только обще-
ства и не для современныхъ только христіанъ престоль-
ной столицы событіе это важно, поучительно и назида-
тельно; оно важно и назидательно также для всѣхъ
насъ и для всѣхъ вѣрующихъ христіанъ.

И дѣйствительно, св. благовѣрный и великій князь
Александръ Невскій являетъ собою величайшій при-
мѣръ добродѣтели для нашего подражанія: его святая
жизнь, его великое и славное служеніе Церкви и оте-
честву, его безпримѣрныя гражданскія доблести—все
это такіе уроки, усвоеніе которыхъ должно составлять
задачу жизни каждаго христіанина. Но въ настоящей
разъ остановимся своимъ размышленіемъ надъ главнѣй-
шими уроками назиданія, какіе преподаетъ намъ празд-
нуемый нынѣ князь Александръ. Эти уроки: глубокая
вѣра въ Бога и надежда на Его божественное промы-
шленіе,—любовь и преданность св. православной Церкви,
—беззавѣтная любовь къ отечеству и преданность ему
и христіанское благочестіе.

Глубокая вѣра въ Бога въ лицѣ св. князя Александра
Невскаго составляетъ столь великую добродѣтель, что
сама Церковь православная усвоила ему имя благовѣр-
наго, какъ наиболѣе приличествующее ему. Своею жиз-
нію и подвигами благовѣрный князь Александръ пока-
залъ свою непоколебимую преданность волѣ Божіей и
крѣпкую надежду на Его заступленіе и помощь во время
великой отечественной опасности. Предстояла знамени-
тельная Невская битва со Шведами. Помолившись въ
храмѣ св. Софіи и получивъ благословеніе святитель-
ское, доблестный воинъ, князь Александръ, съ малою
ратью бодро пошелъ на встрѣчу многочисленному врагу
съ надеждою на Бога и со словами: „Не въ силѣ Богъ,
а въ правдѣ“. Неложная вѣра не посрамила христіан-

скаго героя.—Черезъ два года св. Александръ Невскій одержалъ славную побѣду надъ Ливонскими рыцарями, извѣстную въ исторіи надъ именемъ „Ледового побоища“. И здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни своей, благовѣрный князь возложилъ свое упованіе на Господа. Увидѣвъ враговъ на льду Чудскаго озера, Александръ поднялъ руки къ небу и громко сказалъ: „Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокоумѣреннымъ народомъ“. И Господь разсудилъ, даровавъ нашему отечеству новую славную побѣду надъ сѣвернымъ врагомъ. Даже въ станѣ враговъ Александръ Невскій показалъ себя мужественнымъ исповѣдникомъ вѣры Христовой, готовымъ положить за нее жизнь свою. Когда въ татарской ордѣ идольскіе жрецы потребовали отъ него пройти чрезъ огонь и поклониться языческимъ богамъ, князь Александръ дерзновенно отвѣтилъ хану Батю: „Тебѣ поклоняюся: Богъ бо почти тебя царствомъ, твари же (т. е. идоламъ) не поклоняюся: христіанинъ есмь и не подобаетъ ми кланяться твари; я поклоняюсь Богу, Единому въ Троицѣ славимому, сотворившему небо и землю, Ему же служу и Его же чту“. При такомъ отвѣтѣ уста хана умолкли, воздавъ должное уваженіе сему великому исповѣднику вѣры христіанской.

Другая добродѣтель, украшающая святой ликъ благовѣрнаго князя Александра, это его безграничная любовь и преданность св. православной Церкви. Какъ тѣло съ душой, такъ добродѣтель сія неразрывна съ вѣрой въ Бога. И это понятно: въ Церкви православной во всей неприкосновенности хранится вѣра Христова, въ ней сохраняются ея святыя уставы, въ ней соблюдаются обряды церковно-богослужебные. Вотъ почему Александръ Невскій, ревнуя о вѣрѣ, возревновалъ и о Церкви православной. Воспѣвая сію великую и славную добро-

дѣтель благовѣрнаго князя, св. Церковь именуеть и прославляеть его какъ „царей благочестивыхъ державу“ и „князей православныхъ похвалу“. Еще съ первыхъ дней юности своей св. благовѣрный князь крѣпко возлюбилъ Церковь святую, прибѣгая подъ ея покровъ и заступленіе во всѣхъ случаяхъ жизни своей. Онъ гнушался свѣтской жизни съ ея скоропреходящими радостями и удовольствіями и искалъ духовнаго утѣшенія въ храмѣ Божіемъ, улаждаясь гласомъ церковныхъ пѣснопѣній и дивныхъ христіанскихъ богослуженій. Онъ и самъ любилъ читать и пѣть, восхваляя Господа купно съ предстоящими во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣсняхъ духовныхъ: всенощныя бдѣнія и тайныя молитвы къ Богу въ клѣти были самымъ любимымъ занятіемъ св. князя. Душа его святая непрестанно искала поученія святыхъ отцовъ, отъ вѣка Богу благоугодившихъ: онъ зналъ житія святыхъ и погружался въ нихъ своимъ вниманіемъ, ища въ нихъ христіанскаго успокоенія и истиннаго пути ко спасенію. Зная, сколь великое утѣшеніе для христіанина ямѣтъ храмъ Божій, какъ мѣсто его молитвы, какъ мѣсто особеннаго присутствія Божія, св. благовѣрный князь непрестанно строилъ храмы Божіи по лицу русской земли и проявилъ особенную свою заботу о процвѣтаніи св. обителей. Самыя битвы непрерывныя, въ коихъ провелъ онъ все свое славное княженіе, были ничѣмъ инымъ, какъ борьбою за Церковь святую, за храмы Божіи, за обряды и уставы православныя противъ Шведовъ (1240 г.), желавшихъ утвердить въ странѣ нашей римско-католическую вѣру, или же противъ нѣмцевъ (1240 и др.), стремившихся подчинить Церковь нашу папѣ римскому. Отвергъ св. князь Александръ и всѣ мирныя предложенія иновѣрцевъ распространить въ православномъ отечествѣ нашемъ римско-католическое исповѣданіе. „Мы знаемъ истинную исторію вѣры, ска-

заль онъ посламъ папы римскаго, содержимъ то ученіе, которое преподано апостолами и вашего ученія принимать не желаемъ“. Будучи ревностнымъ поборникомъ Церкви православной, св. Александръ Невскій предъ смертію запечатлѣлъ свою любовь къ ней принятіемъ монашества съ именемъ Алексія.

А что сказать о безмѣрной и безпримѣрной любви св. благовѣрнаго князя къ отечеству? Вся его жизнь и всѣ подвиги его были запечатлѣны сею великою добродѣтелью. Св. Александръ Невскій былъ истиннымъ печальникомъ русской земли. Тяжелое время переживало тогда отечество наше: со всѣхъ сторонъ устремились тогда на него враги, ища завоеванія, обладанія и порабощенія незащищенныхъ окраинъ обширной земли. Но Господу Богу угодно было даровать землѣ русской доблестнаго князя-воина, который не только оградилъ ее отъ посягательства многочисленныхъ враговъ, но укрѣпилъ ее и благоустроилъ. Не щадя жизни своей, Александръ Невскій повсюду шелъ впереди ратей своихъ; вездѣ и всегда всѣ заботы и труды принимая на себя, онъ подавалъ великій примѣръ любви къ отечеству и подданнымъ своимъ. А какъ скорбѣлъ и плакалъ онъ за родину свою, какъ печаловался и спасалъ ее отъ грозныхъ враговъ ея на югѣ, отъ татарскаго нашествія! Не поступаясь своею честью и достоинствомъ, не унижая вѣры православной, Александръ Невскій, благодаря своей мудрости и прямотѣ, всегда умѣлъ умиловити грознаго хана и его приближенныхъ. Самъ ханъ Батый, увидѣвъ князя, добраго видомъ и душою, и познакомившись съ нимъ, сказалъ: „все, что мнѣ ни говорили о немъ, все—правда: нѣтъ князя подобнаго этому!“ И при этомъ призналъ за нимъ право именоваться великимъ княземъ земли русской. Новый ханъ относился къ Александру Невскому не менѣе благо-

склонно. Великое бѣдствіе грозило тогда Россіи: грабежъ и разореніе мирныхъ жителей, разореніе храмовъ и городовъ, гибель Новгорода и Св. Софіи—вотъ что ожидало тогда отечество наше. Но св. Александръ Невскій, неоднократно ѣздившій въ орду для умиловленія хановъ, и теперь спасъ Россію отъ грозившаго ей разоренія, и не только спасъ ее отъ новаго погрома, но еще выпросилъ не мало новыхъ льготъ ко благу подданныхъ своихъ. Поистинѣ св. благовѣрный князь былъ „ангеломъ хранителемъ“ отечества своего, „воиновъ соблюденіемъ“, „обидимыхъ заступникомъ“, „варваровъ побѣжденіемъ“. Но за то какою великою любовію своего народа пользовался онъ! Сія любовь народная къ князю Александру, эта преданность его престолу княжескому служить для насъ новымъ поучительнымъ урокомъ.

Какъ дорогъ и какъ великъ урокъ этотъ въ наше смутное время, сколь поучительны и назидательны для насъ тѣ беззавѣтныя чувства преданности и любви, какія питалъ народъ къ князю Александру! Къ сожалѣнію, не видимъ нынѣ у многихъ сей исконной добродѣтели русскаго народа, не видимъ нынѣ и тѣхъ патриотическихъ чувствъ, какія овладѣвали народомъ, объединяя его въ тяжкое время жизни отечества на борьбу съ врагами внѣшними и внутренними. Мы не будемъ вспоминать безчисленныхъ случаевъ, гдѣ ярко обнаруживалась любовь народная къ св. князю Александру. Скажемъ лишь о той глубокой народной скорби и о томъ величайшемъ отчаяніи, въ какое впала вся страна, когда скорбная вѣсть о смерти благовѣрнаго князя облетѣла наше отечество. „Дѣти мои милыя, говорилъ святитель Владимірскій своей паствѣ, закотилось солнце земли Русской, не стало великаго князя Александра 1-го“. Ужасъ велій объялъ народъ и бояръ. „Погибаемъ“,

повторяли всѣ въ глубокой скорби. Такова была любовь народная, такова была духовная связь народа съ княземъ, такова была преданность престолу княжескому.

О если бы въ наше время была сія беззавѣтная преданность Царю нашему! Помолимся! Да будетъ сіе! Помолимся, и да услышитъ насъ Господь. Да будетъ св. благовѣрный князь Александръ въ жизни нашей учителемъ вѣры и благочестія, образцомъ нравственнаго совершенства, примѣромъ преданности Церкви святой и любви къ отечеству. Будемъ усердно молиться предъ симъ угодникомъ Божиимъ, будемъ молиться, взывая купно съ Церковію: „Алекса́ндре блаженне: сего ради... моли спасти отечество твое, и державу православнаго Императора нашего Николая Александровича, и всѣхъ притекающихъ къ рацѣ мощей Твоихъ и къ иконамъ Твоимъ и вѣрно вопіющія: радуйся странѣ нашей утверждене!“ Аминь.

Р Ъ Ч Ъ

Архимандрита Евгенія (Бережкова)

при нареченіи его въ Епископа Сумскаго, Викарія Харьковской епархіи *).

Ваше Высокопреосвященство,

Богомудрые Архипастыри!

Въ настоящія, торжественнѣйшія въ моей жизни минуты, какъ и въ тотъ день, когда въ первый разъ коснулась моего слуха вѣсть объ избраніи меня на епископство во градъ Сумы, сердце мое исполнено священнаго страха и трепета. Представляется миѣ, что я никогда раньше съ такою ясностію не постигалъ смысла словъ Первоверховнаго Апостола, исторгшихся изъ глубины его сердца при чудесной ловитвѣ рыбъ на Галилейскомъ озерѣ: *изиди отъ мене, яко мужъ урьшенъ есмь, Господи* (Лк. V, 8). Никогда я не чувствовалъ такой приложимости ихъ къ себѣ, какъ въ эти минуты, когда я помышляю и о высотѣ сана святительскаго и о собственномъ недостоинствѣ моемъ. Во скорби смущается пылѣ душа моя: како буду приступать *къ престолу благодати* (Евр. IV, 16) въ высшемъ санѣ священничества; како буду правити въ дому Господнемъ (I Тим. III, 5), имѣя сердце и устнѣ нечисты; како стану въ сонмѣ святителей, которымъ ввѣрены не только овцы стада Христова, но и пастыри? Однако держа все сіе въ умѣ и сердцѣ, я въ то же время смиренно покоряюсь опредѣленію

*) Произнесена 26-го полбри 1905 года въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря, гдѣ происходило нареченіе архим. Евгенія въ Епископа Сумскаго.

Святѣйшаго Синода и благоговѣнно ожидаю того момента, когда Владыка Господь, ради моего искренняго и твердаго намѣренія быть ревностнымъ исполнителемъ предлагающаго мнѣ долга, чрезъ возложеніе Вашихъ рукъ ниспослетъ благодать Епископства, очистивъ мой духъ огнемъ благодати, нисходящимъ отъ Его пренебеснаго жертвенника. Смущаетъ меня и только что сказанное: „пріемлю и ничтоже вопреки глаголю“. Пріемлю, тогда какъ великіе подвижники благочестія, благоговѣнно устрашаясь, отказывались и въ пустыни удалялись отъ предлагаемой имъ высокой чести пастырской.

Что же руководитъ моими рѣшеніями и дѣйствіями въ этотъ важнѣйшій моментъ моей жизни?—Ей, не небреженіе о дарѣ благодати, который хочетъ мнѣ преподатися (2 Тим. I, 6), и не сознаніе крѣпости моихъ силъ и довольства ихъ къ прохожденію великаго служенія архіерейскаго, а твердая вѣра, что тако мнѣ сотвори Господь Промыслитель, Который Единъ поставляетъ Епископы въ Церкви Своей; укрѣпляетъ меня и надѣяніе многое, что Самъ Господь поможетъ мнѣ *право* правити *слово истины* (2 Тим. II, 15) и правды Его прежде всѣхъ въ себѣ, а потомъ и въ другихъ, ради Вашихъ святительскихъ молитвъ,—которыхъ, припадая къ стопамъ Вашимъ, смиренно прошу,—а также ради молитвъ многихъ саработниковъ моихъ въ дѣлѣ служенія Церкви Христовой, вмѣстѣ съ которыми буду трудиться и я подъ твоимъ мудрымъ руководствомъ, Милостивѣйшій Отецъ и Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь области Харьковской; наконецъ, не отказываюсь отъ новаго для меня служенія и потому, что времена нынѣ особенно тяжелыя и лукавыя, когда надобно послужить Господу Іисусу Христу въ Святой Его Церкви, не уклоняясь, не боясь ни какихъ трудностей, а покорно повинаясь призывающему гласу Архипастырей. Сознаніе всего этого даетъ мнѣ увѣренность видѣть въ избраніи меня соборомъ святителей, которымъ вручена отъ Господа высшая власть въ церкви Россійской, избраніе самимъ Господомъ, что въ свою очередь дастъ мнѣ дерзновеніе и къ себѣ относить слова Спасителя нашего, съ которыми Онъ обратился къ Апостоламъ, возбуждая въ нихъ мужество на борьбу съ міромъ и рѣшимость

всещѣло предать себя служенію ради спасенія чловѣковъ: *держайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. XVI, 33). У сего Побѣдителя и Владыки міра наипаче и буду искать силъ къ благоплодному прохожденію служенія, на которое Онъ посылаетъ нынѣ раба Своего.

Томится душа моя, сердце и плоть моя восторгаются (Псал. 83, 3) въ Тебѣ, Владыко Господи! Дажь внити мнѣ во дворы Твои и быть добрымъ пастыремъ стада, на немъ же имя Твое великое нарицается, вѣрно слѣдуя Твоимъ Божественнымъ заповѣдямъ и уставамъ единой, святой, соборной и апостольской церкви! Да услышу въ день оный Твой блаженный гласъ: *рабе! увиди въ радость Господа, зане былъ еси въренъ* (Мѡ. XXV, 21). Аминь.

Нѣсколько словъ о такъ называемомъ Освященномъ Соборѣ при всероссійскомъ патріархѣ.

(По поводу текущихъ событій церковно-общественной жизни Россіи).

(Продолженіе *).

Г л а в а I.

Составъ Освященнаго собора.

Предсѣдателя въ Освященномъ соборѣ. Митрополиты, архіепископы и епископы въ этомъ соборѣ. „Нарочитіи мужи“, принимавшіе участіе въ Освященномъ соборѣ. Справка о сотрудникахъ по епархіальному управленію Константинопольскаго патріарха. Духовные и свѣтскіе сотрудники русскихъ архіереевъ и патріарховъ. Отношеніе этихъ сотрудниковъ къ Освященному собору. Высшіе чины служилого класса на Освященномъ соборѣ. Значеніе разныхъ чиновъ, входившихъ въ составъ этого собора.

Опредѣленнаго, постояннаго круга членовъ Освященнаго собора въ древней Русской церкви не было. Осужденный и затѣмъ сосланный патріархомъ Никономъ, Казанскій протопопъ Іоаннъ Нероновъ просилъ царя Алексѣя Михайловича созвать „истинный“ соборъ и предлагалъ ввести въ составъ этого собора не только архіереевъ, но также и людей всякаго чина, ученыхъ и благочестивыхъ представителей отъ духовныхъ чиновъ и мірянъ. „Да споспѣшествуютъ намъ, государь, не точію словеса, но и молитвы ихъ ко исправленію православныя нашея христіанскія вѣры, да истина свѣтлѣе солнца явится“—говоритъ протопопъ относительно состава членовъ собора ¹⁾. Изъ этихъ словъ прот. Неронова можно заключать,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1905 г. № 21.

1) Матеріалы для истор. рус. архіеолог. I, стр. 66.

что въ древне-русской церкви отсутствовалъ взглядъ на кругъ дѣйствительныхъ членовъ Освященнаго собора, какъ постоянный въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ его дѣятельности. Въ дѣятельности собора могли принимать участіе всякаго чина люди, если только они усматривались полезными для дѣла. Продолжительная практика очертила, однако, опредѣленный кругъ лицъ, обычно приглашавшихся на соборъ, бывшихъ его, такъ сказать, обычными членами.

Отмѣтимъ, насколько это возможно при неустойчивости церковной практики того времени и неопредѣленности указаній памятниковъ, обычныхъ членовъ Освященнаго собора. Виды послѣдняго мы не будемъ различать, такъ какъ чрезвычайный составъ Освященнаго собора отличался отъ обычнаго, какъ уже сказано выше, только количественно, но не качественно. Представители отъ однихъ и тѣхъ же чиновъ присутствовали и въ чрезвычайномъ и обычномъ соборахъ.

Въ починовныхъ перечисленіяхъ лицъ, составлявшихъ Освященный соборъ, памятники ставятъ на первомъ мѣстѣ обыкновенно патріарха. Онъ представляется главою, предсѣдателемъ собора. За патріархомъ, въ нисходящемъ порядкѣ церковно-іерархическихъ степеней, слѣдуютъ представители другихъ чиновъ. За отсутствіемъ патріарха или болѣзнію послѣдняго предсѣдателемъ Освященнаго собора былъ или патріаршій блюститель или же старшій по кафедрѣ митрополитъ. Въ періодъ между патріаршества управленіе патріаршею областію обычно поручалось митрополиту Крутицкому.—„Крутицкіе владыки, говоритъ митрополитъ Макарій (Булгаковъ), постоянно жившіе въ Москвѣ, издавна считались помощниками и какъ бы викаріями московскаго первосвятителя“. Послѣ отреченія п. Никона отъ патріаршаго престола и удаленія изъ Москвы, правителями патріаршей области и Русской церкви являются митрополиты: Крутицкій, затѣмъ Ростовскій и опять Крутицкій. Оставляя престоль, Никонъ поручилъ „правити“ церковными дѣлами Питириму митроп. Крутицкому. Когда Никонъ, отрекшійся отъ патріаршей кафедры, узналъ въ (1659 г.), что Питиримъ совершилъ торжественное шествіе на ослати, то возмущенъ такимъ поступкомъ митрополита и написалъ объ этомъ государю

Алексѣю Михайловичу. Посланные послѣднимъ, думный дворянинъ Прокопій Елизаровъ и думный дьякъ Алмазь Ивановъ, между прочимъ, сказали Никону: „То дѣйство (разумѣется шествіе на ослати) учинилъ митрополитъ съ повелѣнія государева по прежнимъ примѣрамъ. Въ прежніе годы до патріаршества то дѣйство совершали митрополиты, а въ междупатріаршество—крутицкіе митрополиты, потому что они всегда на Москвѣ какбы намѣстники патріарховъ“. На московскомъ соборѣ въ 1620 г. патріархъ Филаетъ Никитичъ, между прочимъ, сказалъ Іоанъ, митрополиту Крутицкому, повелѣвшему пришедшихъ къ православной Церкви ляховъ только миропомазать,—„до нашего святительства шесть лѣтъ послѣ еси соборную церковь“. Въ 1664 году, за назначеніемъ митр. Пигрима на Новгородскую кафедру, блюстителемъ патріаршаго престола сдѣланъ былъ Іона, митроп. Ростовскій. Въ слѣдующемъ же году Освященный соборъ осудилъ Іону за припятіе благословенія отъ п. Никона и государь указалъ „митрополиту Іоанъ быть на митрополіи его въ Ростовѣ, а на Москвѣ блюстителемъ соборной апостольской церкви быть Павлу митрополиту Крутицкому. Послѣдній былъ блюстителемъ патріаршаго престола до 24 января 1667 г., а затѣмъ эта должность перешла къ состоявшему при Архангельскомъ соборѣ сербскому митрополиту Θεодосію ¹⁾).

Освященный соборъ, осудившій Вологодскаго архіепископа Нектарія (около 1616 г.), происходилъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Крутицкаго Іоны. Но на Освященномъ соборѣ 1619 г., когда состоялось избраніе архіепископомъ Рязанскимъ Іосифа, предсѣдателемъ былъ, вѣроятно ²⁾, митро-

¹⁾ Митр. Макарій. Исторія Рус. церкви, т. X, стр. 170; стр. 169 и слѣд. примѣч.; XII, стр. 383, 387, 497, 759; Строевъ, указан. соч., стр. 1036.

²⁾ Въ грамотѣ митр. Крутицкаго архіепископу Іосифу упоминаются участвовавшіе въ избраніи и поставленіи послѣдняго старѣйшіе русскіе митрополиты: Новгородскій и Казанскій. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что во время богослуженій, при поставленіи Іосифа, митр. Новгородскій не могъ стоять ниже м. Іоны, можно полагать, что предсѣдателемъ и Освященного собора 1619 г. былъ именно Новгородскій митрополитъ. Грамота же была выдана отъ имени м. Іоны потому, что опъ въ то время былъ мѣстоблюстителемъ патр. престола и начальникомъ патріаршей канцеляріи, гдѣ эта грамота изготовлялась.

политъ Новгородскій. Точно также во главѣ чрезвычайнаго собора 1666 года предсѣдательствовалъ Новгородскій митрополитъ ¹⁾).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда Освященный соборъ происходилъ въ присутствіи государя, послѣднему принадлежало предсѣдательское мѣсто, а иногда—и роль. Во всецѣловномъ собраніи царю подобало „предсѣдѣти и всѣхъ зрѣти“. Протопопъ І. Нероновъ, кажется, думалъ, что собраніе потеряло бы характеръ истиннаго собора, если бы его предсѣдателемъ не явился царь. Подъ предсѣдательствомъ царя происходилъ, напр., обычный Освященный соборъ, обсуждавшій (въ 1660 г.) нѣкоторыя поступки патріарха Никона. На глазахъ царя происходили соборы: 1591 г., когда было установлено празднованіе препод. Іосифу, бывшему при жизни игуменомъ Волоколамскаго монастыря, и—1654 г., когда было признана необходимость исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ царь былъ предсѣдателемъ Освященнаго собора совмѣстно съ патріархомъ или единолично. На глазахъ царя дѣйствовалъ также Освященный соборъ при избраніи архіереевъ или патріарховъ ²⁾).

За патріархомъ въ Освященномъ соборѣ—по перечисленіямъ памятниковъ—слѣдуютъ митрополиты, архіепископы и епископы. Уже по самому своему положенію архіереевъ были, такъ сказать, неоспоримыми членами Освященнаго собора. Число архіереевъ, наличныхъ членовъ Освященнаго собора, въ различныхъ случаяхъ дѣятельности послѣдняго, было неодинаково. На чрезвычайномъ Освященномъ соборѣ 1666—1667 г. присутствовали все русскіе архіереи. Но иногда патріархъ дѣй-

¹⁾ М. Макарій. Ист. Рус. ц., X, стр. 172; стр. 41; Дворц. разряды, II, стр. 322, 362; Собр. госуд. грам. и догов. III, стр. 355; Муравьевъ, Синод. Рос. съ Восток. по дѣламъ церкви, II, стр. 182; А. А. Э. III, № 380; Полн. Собр. Зак. III, стр. 71; Поповъ, Изборникъ изъ хронографовъ, стр. 428; Дѣянія соб. 1666 годъ. Матер. для ист. раск., II, стр. 62, 64.

²⁾ М. Макарій, Исторія Рус. церкви, X, 65; XII, 138, 139, 393, 450, 452; Матеріалы для ист. раскола I, 66; профес. В. О. Ключевскій, Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій памятникъ. М. 1871 г., стр. 312; профес. К. Е. Голубинскій, Исторія канонизаціи святыхъ въ Рус. церкви. Серг. Пос., 1894 г., стр. 83 и сл.; Дополнен. къ Акт. Истор. V, 98.

ествовалъ на соборѣ только съ двумя архіереями: Крутицкимъ и Архангельскимъ. Такъ было на Освященномъ соборѣ 1625 г., когда было объявлено царскому синклиту и всему народу о чудесахъ отъ принесенной въ Москву грузинцемъ Урусамбекомъ отъ персидскаго шаха Аббаса ризы Господней и поставлено „учредить въ честь ея празднованіе 27-го марта, а составленіе службы на этотъ праздникъ поручить митрополиту Сарскому Кипріяну“. Соборъ, осудившій Казанскаго протопопа І. Неронова за извѣтъ царю Алексѣю Михайловичу на патріарха Никона, имѣлъ только одного члена-архіерея—митрополита Крутицкаго ¹⁾. Но извѣстенъ случай дѣятельности Освященнаго собора при совершенномъ отсутствіи въ немъ, кромѣ конечно предсѣдателя, членовъ архіереевъ. Такой соборъ происходилъ въ 1618 г., подъ предсѣдательствомъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола митр. Іоны. Соборъ не столько обсуждалъ, сдѣланныя архимандритомъ Троице-Сергіевой Лавры Діонисіемъ и его сотрудиниками исправленія въ Потребникѣ, сколько судилъ исправителей. Составъ этого собора, по житію препод. Діонисія, былъ таковъ: митрополитъ Іона съ прочими „прелучившимися на Москвѣ властями, архимандритомъ Чудовскимъ Аврааміемъ съ товарищами“. А такими „товарищами“ архим. Авраамія были, по словамъ помощн. Діонисія, старца Арсенія, другіе архимандриты и протопопы. Объ отсутствіи на этомъ соборѣ архіереевъ-членовъ можно судить на основаніи и слѣдующихъ словъ составителя житія препод. Діонисія. „Иванъ попъ, говорится здѣсь про другого помощника архим. Діонисія по исправленію богослужебныхъ книгъ—Насѣдку, на соборѣ митрополиту Іонѣ и архимандритамъ и честнымъ протопопамъ спирающимъ очи слизами запрыскалъ, и то имъ стало честнымъ людямъ въ досаду“ ²⁾.

Положеніе архіереевъ, какъ членовъ Освященнаго собора,

¹⁾ Присутствовавшій на этомъ соборѣ митрополитъ Ростовскій Іона былъ лицомъ, причастнымъ къ дѣлу и давалъ свидѣтельскія показанія.

²⁾ М. Макарій, указ. соч., XII, 643. 127; X, 183; XI, 65. Дворц. Разряд., II. 785 и сл. Матер. для истор. раск. I, 45; II, 49 и сл.; Житіе препод. Діонисія, изд. 2, стр. 24. Архим. Леонидъ (Кавелинъ), Свидѣнія о слазисяхъ. рукоп. Моск. дух. акад., вып. II, стр. 215. Поповъ, указ. сочин., 427.

было, насколько извѣстно, прочное. Всѣ архіереи, находившіеся въ предѣлахъ всероссійскаго патріархата или только „прилучишися“ въ Москвѣ, обычно приглашались на Освященный соборъ. Они были, такъ сказать, самозначимыми членами Освященнаго собора. Даже тѣ архіереи, на которыхъ тяготѣла какая либо вина, вѣроятно, не лишались права участія въ дѣятельности собора. По крайней мѣрѣ памятники не даютъ права утверждать, что епископы не могли участвовать въ Освященномъ соборѣ въ промежутокъ между обвиненіемъ ихъ и осужденіемъ. Что же касается до низшихъ духовныхъ чиновъ, принимавшихъ участіе въ Освященномъ соборѣ, то положеніе ихъ было менѣе прочно: отъ усмотрѣнія первоіерарха или царя зависѣло приглашеніе ихъ на этотъ соборъ. Въ одной замѣткѣ чина поставленія, отъ XVII вѣка, говорится, что къ участію въ Освященномъ соборѣ патріархомъ призываются: архіереи „и ихъ же изволить того освященнаго собора“. Въ большинствѣ случаевъ членами собора были настоятели монастырей и протопопы. Они преимущественно были тѣми „нарочитыми мужами“, которые на соборѣ были представителями отъ низшихъ духовныхъ чиновъ. На соборѣ 1666 г. были, кромѣ архіереевъ, и „отъ прочихъ духовныхъ чиновъ нарочитіи мужи, архимандрити и игумени и протопопы“.

Число этихъ „нарочитыхъ мужей“, принимавшихъ участіе въ Освященномъ соборѣ, было различно. Иногда патріархъ совершенно устранялъ представителей низшихъ духовныхъ чиновъ отъ присутствія въ Освященномъ соборѣ. Такъ въ 1520 г., патріархъ Филаретъ, „поговоря“ только съ архіереями: Іоною, митрополитомъ Крутицкимъ, и Арсеніемъ, архіепископомъ Суздальскимъ (Архангельскимъ), вслѣлъ переосвятить перестроенный храмъ во имя св. Варлаама, ранѣе освященный по благословенію запрещеннаго архіепископа Нектарія. Въ большинствѣ случаевъ, однако же, настоятели монастырей удостоивались приглашенія въ Освященный соборъ.—Для чрезвычайнаго собора являлись въ Москву настоятели знатнѣйшихъ и провинціальныхъ монастырей, въ обычномъ же Освященномъ соборѣ участвовали б. ч. настоятели Московскихъ монастырей и настоятели другихъ монастырей, случайно находившіеся въ

Москвѣ. Опредѣлить точно число членовъ Освященнаго собора изъ монастырскихъ настоятелей невозможно. Самое бѣльшее количество ихъ было на соборѣ при учрежденіи на Руси патриаршества. Въ то время „ва соборе, и на избраніи и на поставленіи патриарше и на всемъ соборномъ уложенъе“ было 42 настоятеля русскихъ монастырей. На Освященномъ соборѣ, судившимъ п. Никона, присутствовало „архимандритовъ русскихъ монастырей—30 и игуменовъ—9“. Освященный соборъ 1677 г. имѣлъ только одного архимандрита Чудова монастыря, а соборъ 1690 г. имѣлъ трехъ „начальныхъ“ архимандритовъ: Троицкаго-Сергіева, Владимірскаго Рождественскаго и Московскаго Чудова монастырей. Но можно думать, что наибольшее число русскихъ монастырскихъ настоятелей, принимавшихъ участіе въ Освященномъ соборѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ его дѣятельности, было—46.—Съѣзжавшіеся въ Москву настоятели монастырей, принимали участіе здѣсь въ богослуженіяхъ и приглашались къ патриарху на совѣщанія или къ царю на трапезу. При этомъ проявлялось своего рода мѣстничество: одни изъ настоятелей не хотѣли сидѣть или стоять ниже другихъ. Въ видахъ устраниенія споровъ, патр. Іосифъ составилъ особое росписаніе, — „Лѣствицу властемъ“, — и указалъ каждому изъ монастырскихъ настоятелей, по относительной важности самыхъ монастырей, свое мѣсто. Здѣсь же были указаны мѣста и архіереямъ ¹⁾. Въ этой „Лѣствицѣ“

¹⁾ Русскіе архіерея поставлены въ „Лѣствицѣ“—въ такомъ порядкѣ: *митрополиты*: новгородскій, казанскій, ростовскій, сарскій; *архиепископы*: вологодскій, суздальскій, рязанскій, тверскій, астраханскій, сибирскій, всковскій; *епископы* коломенскій. Настоятели монастырей—въ такомъ: *архимандриты*: троце-сергіева монастыри, рождественскаго владимірскаго, чудова, ново-спасскаго, юрьевскаго, новгородскаго, симоновскаго, свіацкаго, андроніенскаго, преображенскаго казанскаго, янатекаго костромскаго, печерскаго нижегородскаго, хутынскаго новгородскаго; *игумены* кирилло-бѣлозерскаго монастыря; *архимандриты*: горницкаго переславскаго, лужецкаго можайскаго, богоявленскаго ростовскаго; *игумены*: богоявленскаго костромскаго, богоявленскаго изъ за ветошнаго риду; *архимандритъ* спасскаго ярославскаго монастыря; *игумены*: панфутіевскаго боровскаго, іосифоволоколамскаго; *архимандритъ* спасскаго суздальскаго; *игумены*: соловецкаго желтоводскаго уженскаго; *архимандриты*: спасскаго рязанскаго, каменнаго вологодскаго, отроча тверскаго, возмидкаго волоколамскаго, даниловскаго переславскаго; *игумены*: ферапонтовскаго бѣлозерскаго, борисоглѣбскаго ростовскаго *архимандритъ* солотчинскаго рязанскаго; *игумены*: прилуцкаго волгодскаго, бол-

перечисляются 46 настоятелей главнѣйшихъ монастырей. Въ дѣйствительности, однакоже, число членовъ Освященнаго собора изъ монастырскихъ настоятелей никогда не доходило до названной цифры ¹⁾).

Памятники даютъ право думать, что настоятели монастырей являлись въ Освященный соборъ иногда не одни, а вмѣстѣ съ такъ называемыми соборными старцами, членами монастырскаго собора. Подъ грамотою объ учрежденіи патріаршества на Руси подписалось 10 соборныхъ старцевъ, бывшихъ „на соборе, и на избраніи, и на поставленіи патріарше и на всемъ соборномъ уложенъ“. Соборные старцы входили въ составъ и Освященнаго собора (1600), разсматривавшаго житіе и службу преподобному Корнилію, Комельскому чудотворцу ²⁾).

Иногда на Освященномъ соборѣ присутствовали и иноземныя духовныя лица, находившіяся въ Москвѣ или нарочито сюда приглашавшіяся. На соборѣ 1589 года присутствовали патр. Константинопольскій Іеремія, митрополитъ Монемазіскій (или Мальвазіскій) Іероѳей и архіепископъ Эласонскій Арсеній. Вмѣстѣ съ ними присутствовали на этомъ соборѣ греческіе архимандриты, игумены, священно-иноки и „честные“ монахи. На соборѣ 1654 года присутствовалъ Сербскій митр. Михаилъ. На соборѣ 1655 года присутствовали патріархи: Антиохійскій Макарій и Сербскій Гавріилъ. Патріархъ Макарій присутствовалъ и на соборѣ 1656 г. Здѣсь же были митрополиты: Никейскій Григорій и Молдавскій Гедеонъ II. На Освященномъ соборѣ 1666 г. присутствовали, кромѣ русскихъ архіереевъ, также и „иностран-

дина дорогобужскаго, викицкаго новгородскаго, луховскаго новгородскаго, сторожескаго звенигородскаго, павлова вологодскаго, глушицкаго вологодскаго, волынскаго, корпнѣвскаго вологодскаго, някитскаго чериславскаго, колоцкаго можайскаго и угрѣнскаго“. „Лѣстница властемъ“ напечатана архим. Досвоеемъ въ Опис. Соловецк. монаст. III, стр. 263—267. См. М. Макарія, указан. сочин. XI, стр. 87—88.

¹⁾ Матеріалы для истор. раскола, II, 170. Читенія въ Общ. истор. и древн. Рос., 1871 г. кн. IV, стр. 46. Акты Историческ. IV, с. I. Собраніе госуд. грам. и догов. II, с. 99.

²⁾ Собр. Госуд. грам. и договор. II, 98. М. Макарія, указан. соч. X, 227. А. А. Э. III, 279 Проф. Е. Е. Голубинскаго, Исторія канонизаціи святыхъ, стр. 86 и др.

ниъ, въ то время прилучившіяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ“. Здѣсь, между прочимъ, были: митрополиты: Пансій Газскій, Григорій Никейскій, Козьма Амасійскій, Аѳанасій Иконійскій, Филоеѣ Трапезунтскій, Теофанъ Хіосскій; архіеп. Ананія Синайскій, Манасія Погонійскій; архим. Матеей Александрійской церкви, архим. Діонисій Святгорецъ, Венедиктъ протоспикель и Леонтій игуменъ Александрійской церкви ¹⁾).

Другіе „нарочитые мужи“ низшихъ духовныхъ чиновъ—протопопы замѣтны въ Освященномъ соборѣ менѣе настоятелей монастырей. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что представители блага духовенства въ древней Руси вообще не пользовались тѣмъ уваженіемъ, какимъ пользовались представители духовенства чернаго. Вспомнимъ, что владыка Новгородскій Іоакимъ, переговора съ архимандритами и „увѣряя отъ божественнаго Цисанія, что іеромонахъ мірскаго чина іерея честию превосходитъ, наипаче же игуменская честь надъ мірскими болши есть“, на вопросъ игуменовъ Новгородскихъ монастырей: какія мѣста занимать имъ при богослуженіяхъ, постановилъ (въ 1673 г.): игуменамъ знатныхъ монастырей стоять выше протопопа кафедральнаго, а другимъ игуменамъ—выше рядовыхъ протопоповъ. Приглашеніе протопоповъ на соборъ зависѣло отъ усмотрѣнія патріарха. Общее указаніе на обычай приглашенія протопоповъ на соборныя засѣданія можно видѣть въ житіи протопопа Аввакума. Въ этомъ житіи патріархъ Никонъ упрекается въ томъ, что сдѣлавшись патріархомъ, „не сталъ и въ крестовую пускать“, другими словами не сталъ приглашать проповѣдниковъ къ участию въ соборныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ обычно въ патріаршей крестовой палатѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ памятники поименно перечисляютъ протопоповъ, участниковъ Освященнаго собора. Въ Освященномъ соборѣ, учредившемъ въ 1657 г. двѣ новыя епархіи въ Русской церкви, принимали

¹⁾ М. Макарій, указ. соч., X, 32; XII, 175, 211 и сл. 515 и сл., 682, 700, 701; Карамзинъ, Истор. Государства Россійскаго. С.-Петербург. 1824 г., т. X, стр. 118. Прямчанія, стр. 62; Собр. госуд. грам. и догов. II, 96; Дѣли. соб. 1666 г. Собр. матер. для ист. раск. II, 170 и сл. Арсеній, еписк. Псковскій и Пархонскій, Исслѣдованія и Монографіи по исторіи Молдавской церкви, С.-Петербург. 1904 г., стр. 52.

участіе пять московскихъ протопоповъ, перечисляемыхъ и въ памятникахъ этого собора. Поименно перечисляются и 12 московскихъ протопоповъ, участвовавшихъ въ соборномъ судѣ надъ патр. Никономъ. Но въ большинствѣ случаевъ поименнаго перечисленія протопоповъ, участниковъ Освященнаго собора, не бываетъ. Опредѣлившій порядокъ провозженія воскресныхъ и праздничныхъ дней, Освященный соборъ 1647 г. состоялъ, между прочимъ, и изъ протопоповъ и другихъ лицъ, о которыхъ починовныя перечисленія говорятъ—„и весь Освященный соборъ“. Изъ числа протопоповъ членами Освященнаго собора были собственно протопопы московскіе. По крайней мѣрѣ не извѣстны случаи вызова въ Москву для соборной дѣятельности провинціальныхъ протопоповъ. Однако и послѣдніе, во время своихъ пріѣздовъ въ Москву, приглашались иногда къ участию въ Освященномъ соборѣ. Въ 1653 г., напр., патріархъ Никонъ, при участіи Освященнаго собора, судилъ (въ іюлѣ мѣс.) Муромскаго протопопа Логгина за хуленіе св. иконъ. Послѣ этого собора протопопъ Нероновъ вмѣстѣ съ Ярославскимъ протопопомъ Ермиломъ, ссылаясь на Ростовскаго митрополита Іону, донесли царскому духовнику Стефану (Вонифатьеву) и самому государю, что Никонъ на соборѣ похулялъ царя. Очевидно этотъ Ярославскій протопопъ, знавшій объ оскорбительныхъ для царя словахъ п. Никона, присутствовалъ на соборѣ 1653 г. Но извѣстны случаи, когда протопопы совсѣмъ не приглашались къ участию въ Освященномъ соборѣ. Соборъ 1677 г., напр., сдѣлавшій предварительныя постановленія объ исключеніи Анны Кашинской изъ лика святыхъ православной Русской церкви, состоялъ только изъ архіереевъ и архимандрита московскаго Чудова монастыря ¹⁾.

Кромѣ вышеуказанныхъ, въ составъ Освященнаго собора входили и другія лица, о которыхъ починовныя перечисленія говорятъ: „и иные премногіе освященнаго чина люди иноки и обѣльцы“, или „къ симъ же священники и діаконы мнози,

¹⁾ Матер. для ист. раск. I, 10. 42. 44. 234 и сл.; II, 170; А. Ист. IV, 503. V, 337; А. А. Э. IV, 32; М. Макарій, указ. соч., XII, 127. Чтен. въ общ. ист. в древн. рос., 1871 г., кн. IV, I, 46. проф. Голубинскаго, Исторія канонизація, стр. 113 и сл.

елико ихъ случися быти“. Можно предполагать, что указан-
ныя починовныя перечисленія, точно такъ же какъ и выраже-
ніе — „и весь освященный соборъ“, имѣютъ въ виду сотрудни-
ковъ архіерейскихъ по епархіальному управленію и вообще
приближенныхъ къ патріарху и архіереямъ духовныхъ лицъ.
На это наводятъ насъ слѣдующія соображенія.

Самой древней и вмѣстѣ съ тѣмъ идеальной формою епар-
хіальнаго устройства была, какъ извѣстно, епископально об-
щинная. Затѣмъ изъ этой примитивной формы развилась (съ
IV в.) епископально-клерикальная. Эта послѣдняя форма яв-
ляется особенно въ законченномъ видѣ въ церкви Константи-
нопольскаго патріархата и существовала во всей своей силѣ
до паденія политической независимости Греціи. При еписко-
пально-общинной формѣ епархіальнаго устройства сотрудни-
ками епископовъ по управленію церковію были пресвитеры и
діаконы. Съ введеніемъ же епископально-клерикальной формы,
благодаря осложненію епархіальныхъ учрежденій, начинаятъ
постепенно образовываться штаты епархіальныхъ чиновниковъ,
завѣдующихъ отдѣльными отраслями управленія и имѣющихъ
при себѣ канцеляріи—секреты или приказы. Чины эти раздѣ-
лялись на шесть или девять пятирицъ. Лица, принадлежавшія
къ первой пятирицѣ, такъ называемыя „ἐξωχτάχοι“, имѣли
особенное значеніе во всемъ патріаршемъ управленіи. Такими
церковными чиновниками были: хартофілаксъ, великій экономъ,
великій сакелларій, великій скевофілаксъ, сакеллій, протѣдикъ.
Эти духовные сотрудники Константинопольскаго патріарха
и принимали участіе въ дѣятельности патріаршаго Синода. Осо-
бенно большое значеніе въ этомъ Синодѣ имѣлъ хартофілаксъ.
Онъ былъ, такъ сказать, секретаремъ Синода, давалъ заклю-
ченіе по всѣмъ церковнымъ вопросамъ и, по требованію Си-
нода, представлялъ всѣ необходимыя справки ¹⁾.

Русскій митрополитъ и архіереи первыхъ вѣковъ русской
церковной исторіи также имѣли сотрудниковъ по епархіаль-
ному управленію. Такими сотрудниками были члены каеод-

¹⁾ См. профес. Заозерскаго, указ. соч., стр. 91 и сл. 142 и сл. 149 и сл.
Профес. Н. О. Каптерова, «Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси»,
М. 1874 г., стр. 3 и сл.

раднаго причта и вообще „крылось“. „Крылось“—это древній соборъ пресвитеровъ, составлявшій совѣтъ епископа въ дѣлѣ суда и управленія. Члены клироса не имѣли въ своемъ завѣдываніи опредѣленныхъ отраслей епархіальнаго управленія, они совмѣстно исполняли различныя епархіальныя порученія своего архіерея. Весьма вѣроятно, что члены клироса, по крайней мѣрѣ митрополичьяго, принимали нѣкоторое участіе и въ дѣлахъ соборныхъ. Затѣмъ, кромѣ собственно членовъ клира, съ теченіемъ времени при архіереяхъ явились и постоянныя должности. Таковыми были намѣстники и десятильники. Такой порядокъ дѣлъ въ епархіальномъ управленіи продолжался до перенесенія митрополичьей каѳедры изъ Кіева въ Москву и до тѣхъ поръ, пока митрополиты стали избираться изъ русскихъ.—Лѣтоисецъ, рассказавъ о замѣнѣ княземъ Владиміромъ денежнаго штрафа смертною казвью, продолжаетъ: „и рѣша“ ему „епископи и старци: рать многа: еже вира, то на оружьи и на копнхъ буди“. Подъ старцами, присовѣтовавшими вмѣстѣ съ епископами возстановить (для разбойниковъ) денежной штрафъ, можно въ данномъ случаѣ разумѣть каѳедральныхъ священниковъ, называвшихся иногда старѣйшими. Названныя духовныя лица, всѣ или нѣкоторыя, составлявшія духовный архіерейскій совѣтъ или соборъ, сопровождали древне-русскаго архіерея при его выходахъ и выѣздахъ. Съ этими лицами, съ этимъ духовнымъ совѣтомъ, архіерей разрѣшала нѣкоторые вопросы по епархіальному управленію.—Извѣстно, напр., что въ 1555 г. вел. князь и митрополитъ отпустили въ епархію архіепископа Казанскаго Гурія „съ его архимандриты и съ его освященнымъ соборомъ“. По благословенію, далѣе, митрополита Новгородскаго Никона (въ 1650 г.) и „яже о немъ священнаго собора“ установлено было празднество образу Оригитріи. Весьма вѣроятно, что сопровождавшія епархіальныхъ архіереевъ духовныя лица, присутствовали вмѣстѣ съ ними и на засѣданіяхъ патріаршаго Освященнаго собора.—На засѣданіяхъ Освященнаго собора 1653 г., когда происходилъ разборъ дѣла объ оскорбленіи протоп. Пероновымъ патр. Никона, присутствовалъ патріаршій протодіаконъ Григорій съ совѣтниками,—вѣроятно съ мона-

хами патріаршаго дома или членами соборнаго Успенскаго причта. На этомъ же соборѣ были вышеупомянутый Іона, митрополитъ Ростовскій съ Ярославскимъ протопопомъ Ермиломъ и старцемъ Авакіемъ ¹⁾).

Присутствовали на Освященномъ соборѣ и свѣтскія лица. Это было вполне естественнымъ, если имѣть въ виду обстановку и лицъ, постоянно окружавшихъ древне-русскаго архіерея, а позднѣе—патріарха. Начиная со времени св. Алексія, митропол. Московскаго († 1377 г.), на службу къ митрополитамъ поступаютъ знатныя боярскіе роды, а также и другіе свѣтскіе служилые люди ¹⁾. Въ церковной администраціи образуется цѣлый штатъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ. Этотъ штатъ существовалъ даже въ XVIII столѣтіи, несмотря на то, что соборы 1667 и 1675 гг. постановили всѣ должности по епархіальному управленію замѣщать исключительно духовными лицами. Какъ появленіе института свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, такъ и его долгое существованіе, а затѣмъ упадокъ и смерть обусловливались тогдашней русскою государственной и церковной жизнью.—„Въ древней Руси, говоритъ профес. Н. О. Каптеревъ, еще съ XV вѣка, если не ранѣе, существовалъ у всѣхъ архіереевъ довольно сильно развитый институтъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, избиравшихся изъ цѣлыхъ родовъ служилыхъ людей, которые жили

¹⁾ Профес. Е. Е. Голубинскій, Исторія рус. церкви, Т. I. П. I., стр. 323 и сл. Полн. Собр. Лѣт. I, 54. Акты Историческ. IV, 503; А. А. Эксп. I, 258. 437. Акты Юрид. с. 399. Дворц. Разряд. II, 785; Рус. Ист. Библ. II, 552; Истор. рос. іерарх. IV, 292. Опис. рукоп. сборн. Императ. публ. библ., Вычкова, вып. I, 23. Акты, опис. до юрид. быта Россіи, I, 274. Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. 2, XV, стр. 116. Опис. славянск. рукоп. Московск. Синодал. библіотеки, №№ 1. 234. 366. М. Макарій, указ. соч. XII, 128 и др., профес. Каптеревъ, указан. соч., стр. 8 и сл.

²⁾ Свѣтскіе архіерейскіе чиновники существовали и ранѣе XIV стол. у некоторыхъ епархіальныхъ архіереевъ. Напр., у владыки Новгородскаго существовали свѣтскіе служилые люди, вѣроятно, еще въ XII стол. Были такіе служилые люди и при митрополитахъ, ранѣе свят. Алоесія. Но только онъ *первый* началъ принимать къ себѣ на службу знатныя боярскіе роды и сталъ учреждать изъ нихъ при своемъ дворѣ тѣже чины, какіе были въ то время и у князя. При св. Алексѣѣ получила начало свѣтская церковная администрація въ митрополіи. См. подробности объ этомъ въ изслѣдов. профес. Каптерева, „Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси“. Стр. 11 и сл.

при архіерейскомъ домѣ, вмѣли въ своемъ пользованіи архіерейскія земли и несли при архіереѣ разныя службы, отъ которыхъ они и кормились. Изъ нихъ избирались архіерейскіе бояре, дьяки, десятильники, тіуны, праветчики и доводчики: приставы или недѣльщики, дворецкіе, волостели, прикащики, стольники, кравчіе, конюшіе и пр., такъ какъ архіерейскій домъ и все архіерейское управленіе устроены были тогда по образцу княжескаго двора и управленія, при чемъ свѣтскіе архіерейскіе чиновники обладали очень обширными полномочіями и правами во всѣхъ дѣлахъ епархіальнаго управленія... Когда потомъ у великихъ князей и царей московскихъ явились разныя „приказы“, какъ правительственныя учрежденія, то по ихъ образцу патріархъ Филаретъ Никитичъ устроилъ такіе же „приказы“ и въ патріаршемъ управленіи, а такъ же и въ управленіи епархіальныхъ архіереевъ. Большинствомъ архіерейскихъ приказовъ вѣдали свѣтскіе чиновники. Изъ нихъ самыми важнѣйшими и вліятелнѣйшими въ архіерейскомъ управленіи были бояре, дворецкіе и дьяки“. Необходимость привлеченія этихъ и другихъ свѣтскихъ чиновниковъ къ епархіальному управленію обусловливалась главнымъ образомъ обширностью архіерейскихъ земельныхъ владѣній, а затѣмъ положеніемъ, въ которомъ находилось тогда приходское духовенство въ отношеніи къ епархіальнымъ архіереямъ. По поводу перваго г. Капгеревъ замѣчаетъ: „Возможность со стороны нашихъ архіереевъ управлять духовенствомъ при посредствѣ своихъ дворовыхъ служилыхъ людей, что несомнѣнно явно и рѣзко противорѣчитъ канонически точно опредѣленному характеру отношеній архипастыря къ подвѣдомственному ему духовенству, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что наши архіеры, сдѣлавшись богатыми землевладѣльцами, устроивши свой дворъ и управленіе землями по образцу княжескому, призвавши къ себѣ на службу вольныхъ служилыхъ людей,—и въ свое епархіальное управленіе внесли частновладѣльческой характеръ, стали плохо различать свое частное отъ епархіальнаго, а потому, вопреки церковнымъ канонамъ, стали управлять своими епархіями въ томъ же духѣ и чрезъ тѣхъ же лицъ, въ какомъ духѣ и чрезъ какихъ лицъ они управляли своимъ дво-

ромъ и имѣніями“. Сосредоточить епархіальное финансовое управленіе въ рукахъ свѣтскихъ чиновниковъ архіереи считали за лучшее потому, что такіе чиновники могли являться болѣе надежными блюстителями архіерейскихъ денежныхъ интересовъ, чѣмъ выборные изъ самого же „тяглаго“ духовенства. Бояре имѣли „огромное вліяніе“ на все вообще архіерейское епархіальное управленіе. Съ XV в. они были раздѣлены на двѣ категоріи: собственно бояръ и дѣтей боярскихъ. Первые занимали только самыя высшія должности при архіерейскихъ дворахъ. Важнѣйшею обязанностію бояръ сдѣлалось: постоянное присутствіе при архіереѣ, разбирательство и рѣшеніе, по указанію архіерея, всѣхъ дѣлъ, поступавшихъ къ нему, помимо низшихъ инстанцій. Въ частности, со времени Стоглаваго собора, они являются хранителями архіерейскихъ указовъ относительно епархіальнаго управленія, представителями суднаго отдѣленія при архіереяхъ, чрезъ посредство бояръ сносились съ архіереями царскіе приказы по различнымъ вопросамъ. Затѣмъ дворецкіе были управителями всѣхъ архіерейскихъ домовъ, земель и имѣній, надзирателями надъ всѣми архіерейскими служилыми людьми (боярскими дѣтьми, прислугою, ремесленниками и пр.) и судьями надъ всѣми лицами, жившими на этихъ земляхъ. Дьяки же были, такъ сказать, секретарями архіерейскихъ управленій, „присяжными знатоками законовъ и всякихъ письменныхъ дѣлъ“. Съ учрежденіемъ патриаршихъ приказовъ, на дьяковъ, засѣдавшихъ здѣсь вмѣстѣ съ боярами, легло все письменное производство приказовъ. Безъ ихъ подписи ни одна бумага не получала оффиціального характера и безъ ихъ „дѣятельнаго, и часто руководящаго, участія, по словамъ профес. Каптерева, не дѣлалось ни одно сколько-нибудь важное дѣло“. До Стоглаваго собора эти вліятельнѣйшіе архіерейскіе чиновники назначались архіереями однолично, а затѣмъ, со времени этого собора, свѣтскимъ правительствомъ. На обычай епархіальныхъ архіереевъ ввѣрять нѣкоторыя отрасли управленія свѣтскимъ чиновникамъ указывалъ въ 1503 г. ростовскій священникъ Георгій Скрипица. Въ своемъ посланіи отцамъ московскаго Освященнаго собора, по поводу изданнаго ими суроваго опредѣленія о вдовомъ духовенствѣ, объясняя

причины безпорядковъ въ жизни духовенства, Скрипица, между прочимъ, писалъ: „Господа мои, рассудите, отъ кого то зло стало въ нашей землѣ? не отъ вашего ли нерадѣнія и небреженія, что вы злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Господа священноначальницы! вы ни сами, ни черезъ избранныхъ священниковъ не наблюдаете за духовенствомъ, не посылаете ихъ въ города и села испытывать, какъ кто пасеть Церковь Божію; но надзираете за священниками по царскому чину, чрезъ бояръ, дворецкихъ, ведѣльщиковъ, тіуновъ, доводчиковъ, ради своихъ прибытковъ, а не по достоянію святительскому. Вамъ бы, господа наши, достойтъ пасти церковь чрезъ священниковъ богобоязненныхъ, а не мірскимъ воинствомъ“. Слѣдуетъ, однакоже, замѣтить, что этотъ штатъ свѣтскихъ чиновниковъ не устранялъ духовныхъ лицъ отъ участія въ епархіальномъ управленіи. Строго духовными дѣлами епархіи патріархъ и вообще архіереи завѣдывали при посредствѣ духовныхъ же лицъ. Что касается до вопроса о присутствіи свѣтскихъ патріаршихъ чиновниковъ на Освященномъ соборѣ, то никакихъ положительныхъ данныхъ для его рѣшенія не имѣется. Но, повторяемъ, весьма естественно предположить, что высшіе изъ этихъ чиновниковъ присутствовали на соборѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда соборныя засѣданія происходили въ патріаршей крестовой палатѣ. Особенно естественно предположить это въ отношеніи патріаршаго дьяка, ибо изъ его рукъ выходили патріаршія грамоты ¹⁾.

Но несомнѣнно на Освященномъ соборѣ присутствовали

¹⁾ Профес. П. О. Кангеревъ, „Власть патріаршья и архіерейская въ древней Руси“, Богосл. Вѣсти. 1905 г. № 4, стр. 683 и сл. № 5, стр. 49 и сл. О свѣтскихъ архіер. чиновн. см. также въ упомянутомъ изслѣд. проф. Кантерева: «Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси». М. 1874 г. Стр. 7—59, и др. Его же, «Сужденія больш. моск. соб. 1667 г. о власти царск. и патр.» Богосл. Вѣсти. 1892 г. № 8, стр. 183—185. Читенія въ Общ. истор. и древн., 1848 г. кн. VI, отд. 4, стр. 48; М. Макарій, указ. соч., VIII, стр. 193 и сл. VI, 124 и сл.; Акты Юрид. с. 399; Акты Историч. III, стр. 286. IV, стр. 250, 503, 516, 562 и мн. др. А. А. Э. I, 258. III, сс. 327, 337; IV, 147. См. также очеркъ: „Къ вопросу о пошлинахъ при рукоположеніи и канонической подати“. Гродна, 1901 г.

ивогда высшіе чины служилаго класса. Царя во всѣхъ его выѣздахъ и выходахъ обычно сопровождали его сотрудники по государственному управленію. Присутствуя на соборахъ, онъ тѣмъ самымъ вводилъ сюда и окружавшихъ его лицъ. Когда Освященный соборъ происходилъ въ царскихъ палатахъ, на глазахъ царя, то на засѣданіяхъ присутствовалъ и царскій синклитъ или боярская дума. Освященный соборъ 1654 г., разсуждавшій о нововводныхъ чинахъ въ русской церковно-богослужебной практикѣ, дѣйствовалъ въ царской палатѣ въ присутствіи царя и синклита. На нѣкоторыхъ засѣданіяхъ (1. 3. 4. 5. 6 и 7 засѣд.) собора по дѣлу п. Никона присутствовали, кромѣ патріарховъ и прочихъ духовныхъ властей, также самъ царь и его бояре, окольные и думные люди. На пятомъ засѣданіи, напр., присутствовали, судя по современной записи: восемь бояръ, одиннадцать окольныхъ, девять думныхъ дворянъ и пять думныхъ дьяковъ. На седьмомъ засѣданіи дають показанія, между прочимъ, окольныхъ Богданъ Матв. Стрѣшневъ и думный дьякъ Алмазь Ивановъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ члены синклита присутствовали на Освященномъ соборѣ и тогда, когда послѣдній происходилъ внѣ царскихъ палатъ. На восьмомъ засѣданіи, напр., по дѣлу п. Никона, происходившемъ въ патріаршей крестовой палатѣ, присутствовали и „отъ пресвѣтлѣйшаго скинтродержца князіе и бояре“. Здѣсь были бояры: князь Никита Одоевскій, князь Григорій Черкасскій, князь Юрій Долгорукій, князь Иванъ Воротынский, думный дворянинъ Елеазаровъ, стольникъ князь Петръ Прозаровскій и мн. др. Синклитъ присутствовалъ также и на Освященныхъ соборахъ при избраніи патріарховъ и назначеніи епархіальныхъ владыкъ. На соборѣ 1672 г. присутствовали: „бояринъ и оружейничей Богданъ Матвѣевичъ Хигрово, да думный діакъ Маріонъ Ивановъ“. Они сказали царскій указъ властямъ, собравшимся для избранія патріарха. Думные люди обычно подавали свои голоса, когда Освященный соборъ разрѣшалъ тѣ или иные церковные вопросы, затрогивавшіе и государственные интересы. Предлагая, напр., важные церковные вопросы на разрѣшеніе

Стоглаваго собора, царь приглашалъ для обсужденія ихъ не только святителей, но и своихъ бояръ ¹⁾).

Итакъ Освященный соборъ составлялся обыкновенно изъ архіереевъ, монастырскихъ властей, (архимандритовъ, игуменовъ, строителей, соборныхъ старцевъ), протопоповъ и другихъ духовныхъ лицъ, близко стоявшихъ къ древне-русскимъ архіереямъ и принимавшимъ участіе въ церковномъ управленіи. Къ подачѣ голосовъ допускались въ потребныхъ случаяхъ, вѣроятно, и свѣтскіе, по крайней мѣрѣ, высшіе архіерейскіе чиновники и несомнѣнно—служилые думные люди. По временамъ присутствовалъ на Освященномъ соборѣ и царь. По желанію царя, патріарха, или по требованію обстоятельствъ, присутствовали на Освященномъ соборѣ и иноземныя, прилучавшіяся или нарочито вызываемыя, духовныя лица.

Что касается до значенія въ Освященномъ соборѣ, входившихъ въ составъ послѣдняго, различныхъ чиновъ, то, конечно, наибольшее вліяніе имѣли: царь и патріархъ. Это значеніе патріарха и царя обуславливалось самымъ ихъ положеніемъ, а не тѣмъ только, что они предсѣдательствовали на соборахъ. Каково было, далѣе, значеніе митрополита, какъ предсѣдателя, трудно рѣшить, за отсутствіемъ для этого данныхъ. Архіереи иногда одни подавали голоса по тому или иному вопросу, затрогивавшемуся на соборныхъ засѣданіяхъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ затребовались мнѣнія и другихъ членовъ Освященнаго собора. Точно также и соборныя опредѣленія иногда подписывались одними только архіереями, но иногда—скрѣплялись подписями и высшихъ духовныхъ чиновъ. Значеніе голосовъ, подаваемыхъ низшими духовными чинами опредѣлялось предсѣдателемъ: послѣдній могъ принимать ихъ во вниманіе, могъ и не дѣлать этого. Случаевъ несогласія кого либо изъ архіереевъ съ общимъ мнѣніемъ Освященнаго собора почти неизвѣстно. Ссылаться, какъ на примѣръ выраженія такого несогласія,—на тотъ фактъ, что нѣкоторые русскіе архіереи, въ частности, Павелъ Крутицкій и Иларіонъ Рязанскій отказывались подписать (въ

¹⁾ М. Макарій, указ. соч., XII, 686. 689. 692. 696. 700. 723 и др.; VI, 228; А. Ист. IV, 2; Дополн. къ А. Ист. VI, 235. Матер. для исторіи раск. I, 235. II 176; Собр. госуд. грам. и договор. VI, 184; Стоглавъ, Каз. 1862 г., с. 221. 309

1667 г.) актъ о низложеніи п. Никона, нельзя. Этотъ отказъ относился не къ самому постановленію собора о п. Никонѣ, а, какъ мы увидимъ далѣе, обуславливался вопросомъ объ отношеніи патріаршей и царской власти. Въ 1654 г. епископъ Коломенскій и Каширскій Павелъ остался при особомъ мнѣніи относительно поклоновъ. Подъ соборнымъ уложеніемъ онъ подписался такъ: „Смиранный епископъ Павелъ коломенскій и каширскій; а что говорилъ на святѣмъ соборе о поклонехъ, и тотъ уставъ харатейной во оправданіе положилъ здѣ, а другой писмянной“. Своею подписью подъ актомъ собора, говоритъ по этому поводу митр. Макарій, „Павелъ неоспоримо засвидѣтельствовалъ свое согласіе съ уложеніемъ собора, а прибавкою къ своей подписи ясно выразилъ, въ чемъ одномъ онъ не соглашался съ прочими отцами собора, противъ чего говорилъ на соборѣ“. Какъ на случай несогласія низшихъ духовныхъ чиновъ съ мнѣніемъ собора, можно указать на поступокъ пр. Неронова (въ 1653 г.), заступившагося за своего сторонника Муромскаго протопопа Логгина. Думные люди, точно такъ же, какъ и низшіе духовные чины и, вѣроятно, высшіе свѣтскіе архіерейскіе чиновники, имѣли значеніе совѣщательныхъ голосовъ ¹⁾).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію вѣдомства Освященнаго собора.

Леонидъ Багрецовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ М. Макарій, указ. соч. XII, 130. 145 и сл. 358 и сл. 376, 494 и сл.; проф. Кистеревъ, „Сужденія Большаго Московскаго Собора 1667 г. о власти царской и патріаршей“. Богосл. Вѣсти. 1892 г., № 10, стр. 46 и сл.; Матер. для ист. раск. I, 235. Собр. госуд. грам. и догов. IV, 184.

Къ вопросу о взаимоотношеніяхъ свѣтскаго общества и духовенства.

(Окончаніе *).

III.

Ненормальное положеніе современнаго религіозно-правственнаго обученія и воспитанія въ средней общеобразовательной школѣ.—Неопредѣленное положеніе законоучителя въ средней школѣ.—Какъ смотритъ многіе педагоги, яже высшаго ранга, на средства и задачи религіознаго образованія.—Почему дѣловыя первыи оказываютъ мало религіозно-воспитательнаго пліянія на учащихся.—Насущная необходимость возвышенія религіозно-правственнаго воспитанія въ школѣ.

Относительно учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, а главнымъ образомъ тѣхъ, при которыхъ имѣются домовыя церкви, нужно поговорить подробнѣе, такъ какъ болѣе естественнаго положенія, чѣмъ какое занимаютъ законоучители — настоятели домовыхъ церквей при учебныхъ заведеніяхъ, для священника и придумать трудно. Жалобы на ненормальное положеніе законоучителей въ учебныхъ заведеніяхъ раздаются изъ устъ и учениковъ и родителей и учебного начальства и самихъ законоучителей. Всѣ эти жалобы сводятся къ тому, что священникъ законоучитель, по идеѣ своего высокаго служенія, долженъ являться „учителемъ по преимуществу“, что онъ долженъ занимать „первенствующее среди учащихся мѣсто въ учебномъ заведеніи“ (изъ рѣчи Попечителя Оренбургскаго уч. округа), но на дѣлѣ этого нѣтъ, на самомъ дѣлѣ законоучитель-священникъ, въ силу современнаго админи-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 21 за 1905 г.

стративнаго строя школы и нѣкоторыхъ другихъ условій долженъ превращаться въ обыкновеннаго чиновника, въ наемника, а не пастыря.

И можно ли всегда винить священника за то, что онъ, угашаетъ духъ“, что изъ пастыря своего стада—учебнаго заведенія, онъ дѣлается пасомымъ, на примѣръ, директора? Не легко и очень не легко бросить въ него этотъ камень осужденія, если вникнуть въ то двусмысленное положеніе, въ которое онъ иногда поставляется. Возьмемъ для примѣра его преподавательскую дѣятельность. Съ одной стороны, по закону, законоучитель является обыкновеннымъ учителемъ въ школѣ, не отличающемся отъ другихъ своихъ коллегъ: онъ долженъ пройти съ учениками известную программу по предмету, называемому Закономъ Божіимъ, оцѣнить познанія учениковъ въ этомъ предметѣ цифровыми отмѣтками, уроки законоучителя посѣщаются различными ревизорами—чиновниками, которые оцѣниваютъ не только познанія учениковъ и преподавательскія способности законоучителя, но даже религіозное направленіе послѣдняго, высшій надзоръ за каковымъ принадлежитъ лишь епископу. Съ другой стороны, раздаются голоса, что двоекъ по Закону Божію не должно быть, что отмѣтокъ и вовсе не должно ставить по этому предмету, что преподаваніе Закона Божія должно состоять въ свободной бесѣдѣ духовнаго отца съ дѣтьми. Вотъ какъ выражается объ этомъ К. П. Побѣдоносцевъ; „Есть въ школѣ законоучитель, есть программа, есть баллъ, показатель знанія—с *semper bene*. Результаты такой постановки ученія по истинѣ чудовищны. Я видалъ учебники, въ конхъ по пунктамъ означено, что требуется для спасенія души человѣка—и экзаменаторъ сбавляетъ цифру балла тому, кто не можетъ припомнить всѣхъ пунктовъ... Гдѣ тутъ разумъ? Гдѣ нравственность?“¹⁾ Эти высокоавторитетныя и справедливыя слова направлены, очевидно, не противъ того или другого законоучителя, а противъ того строя школы, который создаетъ подобныя явленія. И пусть попробуетъ законоучитель преподавать по влеченію

¹⁾ Ученіе и учитель. М. 1901, стр. 28.

своего пастырскаго сердца и опыта, не исполнять оффициальной программы, не ставить отмытокъ, по крайней мѣрѣ двоекъ—его могутъ обвинить въ томъ, что онъ „распускаетъ“ учениковъ, онъ можетъ лишиться мѣста и хлѣба, какъ не желающій исполнять законовъ, дѣйствующихъ относительно учебныхъ заведеній. Съ другой стороны, если законоучитель, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній съ начальствомъ, вздумаетъ строго придерживаться закона, его обвинятъ въ формализмѣ, бездушности, недостаточномъ вліяніи на учениковъ въ строгости и чрезмѣрной требовательности... И повелѣнъ законоучитель постепенно угашаетъ духъ, начинаетъ вступать въ различныя, нежелательныя дѣла, компромиссы, начинаетъ, вообще, придерживаться того мудраго житейскаго изреченія, которое гласитъ: „держи носъ по вѣтру—и все пойдетъ какъ по маслу“.

Но почему такія двойственныя требованія предъявляются именно къ законоучителю, а не также ко всякому другому учителю, почему именно законоучителя ставятъ межъ двухъ огней? Это происходитъ оттого, что во взглядѣ на законоучителя смѣшивается понятіе о немъ, какъ учителѣ—воспитателѣ, съ понятіемъ о немъ, какъ духовномъ отцѣ учениковъ и совершителѣ богослуженій и таинствъ. Такое смѣшеніе указанныхъ понятій царитъ въ головахъ даже педагоговъ—начальниковъ. Намъ извѣстенъ инспекторъ П—ской гимназій, чело-вѣкъ, правда, невысокой педагогической пробы, который пресерьезно совѣтовалъ законоучителю ставить двойки по Закону Божію одному ученику, не посѣщавшему богослуженій въ гимназическомъ храмѣ, до тѣхъ поръ, пока этотъ ученикъ не станетъ являться въ гимназическій храмъ. Если это могъ совѣтовать инспекторъ, то можетъ того же самаго уже требовать директоръ—начальникъ учебнаго заведенія. Значитъ, опять „держи носъ по вѣтру“. Другой примѣръ. Директоръ N. реальнаго училища выражалъ неудовольствіе по поводу того, что законоучитель читаетъ на урокахъ евангеліе: директоръ видѣлъ въ этомъ опасность для чистоты вѣры учениковъ, такъ какъ евангеліе—де во многихъ случаяхъ требуетъ поясненій, а разъясненія эти могутъ быть неправильны, заключать въ

себѣ ересь. Очевидно, у этого директора дѣйствовала ревность „не по разуму“, онъ руководствовался въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, тѣмъ простонароднымъ повѣрьемъ, которое запрещаетъ читать Библию, находя, что прочитавшій Библию отъ начала до конца долженъ сойти съ ума.

Этой же неясности и путаницы понятій не избѣжалъ, кажется, даже такой видный педагогическій дѣятель, убѣжденный сторонникъ церковно-религіознаго образованія въ средней школѣ, какъ Н. Ч. Заіончковскій, попечитель Оренбургскаго учебнаго округа. При первомъ представленіи ему служащихъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ города Оренбурга, онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Отцы законоучители, къ вамъ обращаю слово. Вы—учители по преимуществу, вы—проповѣдники божественнаго ученія, дѣйственаго самою по себѣ на человѣческую душу, по природѣ христіанку; вы знаете эту душу, раскрывающуюся передъ вами на исповѣди; вы имѣете великую божественную благодать, полученную вами въ таинствѣ священства. Въ силу всего этого, а не какихъ либо внѣшнихъ средствъ, въ родѣ начальственныхъ распоряженій и предписаній, займите сами первенствующее среди учащихъ мѣсто въ учебномъ заведеніи“¹⁾. Взглядъ этотъ намъ кажется не отъ міра сего, или, лучше сказать, неприложимымъ къ міру сему, къ современной школьной дѣйствительности и потому нѣсколько наивнымъ. Требовать, чтобы „въ силу всего этого, а не какихъ либо внѣшнихъ средствъ, въ родѣ начальственныхъ распоряженій и предписаній“, законоучители заняли сами первенствующее среди учащихъ мѣсто въ учебномъ заведеніи²⁾, значитъ не считаться съ дѣйствительностью, значитъ требовать невозможнаго. И въ самомъ дѣлѣ, если на службѣ оставить только тѣхъ законоучителей, которые способны сами собою занять первое мѣсто въ учащей

¹⁾ См. Церк. Вѣдом. 1904 г. № 26, стр. 949

²⁾ При современномъ положеніи вещей показалось бы педагогической ересью требованіе, чтобы законоучители имѣли одинаковыя съ прочими своими сослуживцами шансы быть назначенными въ инспекторы и директора учебнаго заведенія. Случаи такихъ чрезвычайныхъ рѣдкихъ назначеній имѣли мѣсто, насколько намъ извѣстно, лишь въ Варшавскомъ уч. округѣ (въ Холмской гимназій и Варшавскомъ университетѣ).

коллегіи, то что будутъ дѣлать другіе законоучители, не обладающіе этимъ даромъ,—а таковыхъ вѣдь большинство? Очевидно большинство учебныхъ заведеній останется безъ законоучителей.

Съ другой стороны, въ приведенныхъ словахъ высокопочтеннаго педагога проглядываетъ та мысль, которая высказывается многими, именно, что религія относится къ области сердца, что вѣра христіанская должна усвоиться преимущественно чувствомъ, что главная обязанность законоучителя должна состоять въ нравственномъ воздѣйствіи на учащихся, въ развитіи у нихъ благочестиваго настроенія, и что, поѣтому, научное вложеніе и разсудочное усвоеніе истинъ вѣры въ школѣ не должно имѣть мѣста. Но мнѣніе это не выдерживаетъ критики. Если этотъ шаткій принципъ, этотъ мистическій взглядъ положить въ основу религіознаго воспитанія, то чувство, не сдерживаемое логической мыслию, [можетъ проявиться въ самыхъ непривлекательныхъ формахъ, какъ это мы видимъ, на примѣръ, во многихъ мистическихъ сектахъ. Впрочемъ, подробно доказывать несостоятельность вышеуказаннаго взгляда не будемъ; желающіе могутъ подробнѣе прочитать объ этомъ въ статьѣ А. Сапожникова: „о желательной постановкѣ Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“¹⁾. Здѣсь отмѣтимъ только то, что весьма желательно и прямо таки необходимо, наоборотъ, усилить преподаваніе Закона Божія, увеличить во всѣхъ классахъ количество уроковъ по Закону Божию, ввести преподаваніе въ двухъ старшихъ классахъ основнаго богословія (апологетики)²⁾, что особенно необходимо теперь, послѣ Высочайшаго указа отъ 17-го апрѣля с. г. о вѣротерпимости.

Что не только высшіе начальники—чиновники педагогическаго вѣдомства, но и лица, стоящія непосредственно у педагогическаго дѣла, заражены вышеприведеннымъ взглядомъ, подтвержденіемъ этому можетъ служить слѣдующій фактъ. Одинъ законоучитель, находя полезнымъ для учениковъ стар-

¹⁾ Страникъ, 1903 г. январь, стр. 71 сл.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у А. Сапожникова, Страникъ, 1903 г. февраль, стр. 197 сл.

шихъ классовъ писаніе домашнихъ сочиненій по Закону Божію, предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе педагогическаго совѣта гимназій. И—*horribile dictu*—нѣкоторые члены совѣта, во главѣ съ директоромъ, серьезно возражали и доказывали, что писать сочиненія по Закону Божію—опасно, что это значитъ плодить ереси. Такое же мнѣніе высказалъ одинъ изъ высшихъ чиновъ управленія К—скимъ учебнымъ округомъ (недавно скончавшійся). Что особенно непонятно здѣсь, говорилъ намъ о. законоучитель, вызвавшій это смущеніе и волненіе среди крѣпкоголовыхъ педагоговъ, эти „благонамѣренные“ педагоги—начальники, ревнители чистоты вѣры, оказывается, сами когда то получили среднее образованіе въ духовной школѣ, сами писали сочиненія на богословскія темы—и, несмотря на все это, оказались зараженными религіознымъ мракобѣсіемъ, оказались *plus catholiques que le pape—même*. Прошелъ годъ съ небольшимъ послѣ этого предложенія законоучителя, какъ послѣдовало распоряженіе изъ центрального управленія Министерствъ Народнаго Просвѣщенія и Финансовъ о томъ, чтобы въ среднеучебныхъ заведеніяхъ указанныхъ Министерствъ, въ цѣляхъ болѣе глубокаго и сознательнаго усвоенія учениками истинъ вѣры и нравственности, о.о. законоучители, между прочимъ, давали ученикамъ темы для писанія домашнихъ сочиненій по Закону Божію. Указанное распоряженіе, послѣдовавшее недавно, въ текущемъ учебномъ году, безъ сомнѣнія, чрезвычайно поразило своимъ „либерализмомъ“ вышеуказанныхъ педагоговъ—шкульмейстеровъ, которые смотрятъ на религіозные запросы учащагося юношества сквозь такъ называемые казенные очки, сквозь очки чиновника, и дѣятельность законоучителя оцѣниваютъ и одобряютъ или тогда, когда послѣдній требуетъ, чтобы ученики науку жизни заучивали только по книжкѣ, отсюда досюда, и чтобы не смѣли „разсуждать“, или тогда, когда онъ—законоучитель, на урокахъ Закона Божія занимается съ учениками всякими посторонними разговорами, къ Закону Божію отношенія не имѣющими. Намъ извѣстны директоры, благополучно здравствующие, которые являются типичными представителями той и другой „школы“.

Вопросъ о домовыхъ церквахъ при учебныхъ заведеніяхъ въ настоящее время является, по нашему мнѣнію, особенно острымъ вопросомъ. Вообще, должно сказать, что изъ всѣхъ правъ законоучителя наиболѣе попираются его права и преимущества духовнаго отца и совершителя богослуженій. Это мы объясняемъ тѣмъ, что въ уставахъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія разсматриваемыя права священниковъ въ подробностяхъ не указаны и не разъяснены. Существуетъ только одинъ такой ясно выраженный пунктъ устава, въ которомъ сказано: „Время богослуженій назначается директоромъ по соглашенію съ законоучителемъ“. Впрочемъ, и этотъ пунктъ, ясный смыслъ котораго понятенъ всякому, подвергался кривотолкованію однимъ старичкомъ—директоромъ и теперь здравствующемъ въ должности директора въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, которому почему то казалось, что здѣсь идетъ рѣчь о продолжительности богослуженій. И вотъ онъ составилъ росписаніе богослуженій для „своей“ церкви, въ какомъ росписаніи помѣщалась и слѣдующая графа: „продолжительность богослуженій“. Для литургіи онъ назначилъ одинъ часъ, для всенощнаго бдѣнія (безразлично, подъ великіе праздники или по субботамъ)—одинъ часъ десять минутъ и т. д. Если священникъ затягивалъ богослуженіе, слѣдовалъ выговоръ отъ директора. Вотъ почему, въ виду такой неясности и неопредѣленности дѣйствующихъ правилъ, начальникамъ учебныхъ заведеній легко возмнить себя полновластными хозяевами, епископами по отношенію къ священнику—законоучителю ¹⁾—и иногда они жестоко оскорбляютъ религіозное чувство и здравый смыслъ.

По этому поводу одинъ опытный директоръ, человекъ высоко-религіозный (теперь занимающій видный постъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія) говорилъ намъ приблизительно слѣдующія слова: „Есть какое то самообольщеніе, когда на храмы при учебныхъ заведеніяхъ смотрятъ такъ, что они всегда и вездѣ являются самой лучшей школой религіознаго

¹⁾ Даже понечители нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ, напримѣръ Кіевского, считаютъ излишнимъ извѣщать и сноситься съ епископами въ такихъ, напримѣръ, случаяхъ, какъ перемѣщеніе законоучителей—настоятелей домовыхъ церквей.

воспитавія, самыми вѣрными проводниками въ сердца и умы юношей божественнаго ученія. По идеѣ—это такъ должно быть, на дѣлѣ—этого нѣтъ, и прежде всего потому, что не только священникъ—строитель таинъ Божіихъ, но и храмъ учебнаго заведенія, даже, если хотите, вся церковная обстановка и церковная обрядность—зависятъ отъ директора: такая странная власть дава имъ, какъ хозяевамъ учебнаго заведенія. Поэтому не удивляйтесь, когда видите и слышите въ каждомъ поступкѣ и словѣ нѣкоторыхъ директоровъ классическое: „sic volo, sic jubeo; sit pro ratione voluntas“, или наше родное русское: „не смѣть свое сужденіе имѣть“. О другихъ ненормальныхъ явленіяхъ, имѣющихъ мѣсто въ домовыхъ церквахъ, я уже не говорю“.

Въ этихъ словахъ краски не сгущены, въ нихъ весьма много жизненной правды. Намъ извѣстенъ директоръ одной гимназіи, который, не будучи въ состояніи удержать спокойствіе и дисциплину среди учениковъ во время пѣнія послѣдней отпустительной богослужебной молитвы („Благочестивѣйшаго“...), не сумѣлъ придумать лучшаго средства прекращенія безпорядка (оборачиванья назадъ, лицомъ къ выходящему изъ храма народу, топавья погамн, оживленныхъ разговоровъ между собою и т. д.); какъ распорядиться, чтобы во время пѣнія этой [отпустительной молитвы] всѣ ученики становились на колѣпа. Само собой понятно, что чуткая дѣтская душа увидѣла въ этомъ распоряженіи фальшь, сразу сообразила, что этотъ нововведенный церковный обрядъ не согласуется съ духомъ церковнаго устава и съ тѣми объясненіями, которыя были даны по этому вопросу на урокахъ законоучителя, ученики поняли, что церковный обрядъ—колѣнопреклоненіе примѣняется здѣсь, какъ дисциплинарная мѣра наказанія—и вотъ въ результатѣ получилась „забастовка“ въ церкви старшихъ учениковъ, каковая забастовка была затѣмъ вѣнена въ вину законоучителю. Еще болѣе странный обрядъ придумалъ директоръ одной глухой провинціальной гимназіи, именно, заставилъ „своего“ батюшку на маломъ входѣ на литургіи подносить къ нему для лобызанія евангеліе. Къ чести священни-

ковъ—законоучителей этой гимназiи нужно сказать, что ихъ перемѣнилось тамъ довольно много, пока, наковецъ, не былъ найденъ подходящий, т. е. согласившійся, изъ-за куска хлѣба, а можетъ быть просто изъ-за своего спокойствiя, играть церковной обрядностью.

Еще примѣръ изъ этой же области. Въ одной гимназiи въ цѣляхъ привлеченiя посторонней публики въ церковь, былъ заведенъ обычай раздавать просфоры всѣмъ постороннимъ лицамъ, присутствовавшимъ въ гимназическомъ храмѣ за литургiей, для чего церковь изъ своихъ скудныхъ средствъ прiобрѣтала для каждой литургiи отъ 25 до 50 и больше просфоръ. Для той же цѣли привлеченiя въ храмъ публики, собственно женщiнъ, гимназическiй церковный староста завелъ въ церковномъ притворѣ (на площадкѣ лѣстницы, при входѣ въ храмъ) зеркало, гребни, духи, булавки, пудру и еще нѣкоторые предметы косметики. Послѣдствiемъ такой заботливости о „молящихся“ было то, что гимназическая церковь прослыла во всемъ городѣ, какъ самая „амурная“ церковь. Когда вновь назначенный въ эту гимназiю законоучитель замѣтилъ это, а также другое безобразное явленiе—что преподаватели гимназiи, считая неудобнымъ и стѣнительнымъ для себя отправляться послѣ литургiи домой съ впрошенной просфорой и потому тайкомъ бросали эти просфоры на печку въ учительской комнатѣ, то онъ—законоучитель прекратилъ эти беспорядки, приказавши удалить изъ церковнаго притвора туалетныя средства, а просфоры сталъ высылать изъ алтаря только директору, инспектору и церковному старостѣ. Но не поздоровилось батюшкѣ отъ этого: ему было свыше указано на его неуживчивость, своеволие и непокорность пачальству.

Много подобнаго рода фактовъ можно бы еще привести, но пока довольно объ этомъ. Вопросъ о религiозно-нравственномъ воспитанiи и образованiи, въ связи съ вопросомъ о законоучительствѣ въ нашей средней школѣ, является столь важнымъ и жизненнымъ, что мы надѣемся въ скоромъ времени поговорить на эту тему по существу дѣла—обстоятельнѣе и разпостороннѣе. Здѣсь же замѣтимъ только то, что душа рус-

скаго человѣка болить, когда видить, что въ нашемъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, несмотря на частыя смѣны министровъ и направленій, не смотря на совершающіяся тамъ реформы, не слышно, чтобы кто нибудь подалъ авторитетный и сильный голосъ за необходимость разрѣшенія того насущнаго и основного вопроса воспитанія, о которомъ въ послѣдніе годы всѣ кричатъ: „дайте нашимъ дѣтямъ развитія не столько ума, столько твердой и доброй воли“! И въ самомъ дѣлѣ, кто не жалуется на дряблость воли, на расшатанность дисциплины среди учащихъся, на учающіеся случаи самоубійства, на отсутствіе глубокихъ запросовъ вѣры и нравственности, что мы наблюдаемъ среди учащагося юношества особенно въ настоящіе скорбные дни! Безъ сомнѣнія, въ этихъ недостаткахъ виновата не только семья, но также наша педагогія, наша школа. Всѣмъ педагогамъ, думается, памятенъ циркуляръ министра Г. Зенгера (1903 г.), констатирующій упадокъ дисциплины въ школахъ; весьма умѣренное еще изображеніе въ этомъ циркулярѣ распушенности школы „можетъ повергнуть въ ужасъ cadaго культурнаго человѣка“ (изъ рѣчи Н. Ч. Заіончковскаго, попечителя Оренбургскаго уч. округа) и покрыть краскою стыда лицо русскаго человѣка. И не звучало ли предупрежденіе, пророчество въ Высочайшихъ словахъ, сазанныхъ въ рескриптѣ на имя Министра Народнаго Просвѣщенія Г. Зенгера, отъ 10 іюня 1902 года? Вотъ эти слова: „Прежде всего подтверждаю Мое требованіе, чтобы въ школахъ съ образованіемъ юношества соединялось воспитаніе его въ духѣ вѣры... Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними курсовыми знаніями, несродненный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна“. Эти слова Государя Императора должны найтн живой откликъ въ сердцахъ всѣхъ педагоговъ и заставить ихъ, наконецъ, отвести въ школы надлежащее — первенствующее, какъ того требуетъ и ходъ нашей культурной исторіи, мѣсто религіозно-нравственному воспитанію юношества и не только на бумагѣ, но въ живой практикѣ школы.

IV.

Заключение.—Что говоритъ наша исторія по вопросу о взаимоотношеніи духовенства и свѣтскаго общества: участіе духовенства въ общественной жизни Россіи прежде и теперь.

Указывая на эти ненормальности и недостатки общества и школы въ ихъ отношеніяхъ къ религіознымъ запросамъ современности и къ духовенству, мы далеки отъ огульнаго обвиненія всего нашего общества и школы въ безрелигіозности и предубѣжденіи прогивъ духовенства. Нѣтъ, выставляя на видъ указанныя отрицательныя явленія, мы хотимъ послужить дѣлу сближенія между свѣтскимъ обществомъ и духовенствомъ, такъ какъ мы вѣримъ и знаемъ, что прежде чѣмъ лѣчить раны, нужно сначала осмотрѣть—и внимательно—эти раны... Какъ бы кто ни смотрѣлъ на этотъ вопросъ, для образованнаго русскаго человѣка не составляетъ тайны то положеніе нашей исторіи, что православная русская церковная іерархія, отъ дней равноапостольскаго Просвѣтителя Руси, во всѣ періоды русской исторической жизни призывались государственною властью къ участію въ обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ государственно—общественныхъ дѣлъ. Великіе московскіе послы въ 1610 году говорили польскому королю: „Изначала у насъ, въ русскомъ царствѣ, такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ и съ ними о важныхъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали“¹⁾. Представительство Церкви не только присутствуетъ на всѣхъ земскихъ соборахъ, но и принимаетъ участіе во всѣхъ сферахъ ихъ дѣятельности. Впрочемъ, такъ обстояло дѣло только до времени Петра Великаго. За послѣдніе же 200 лѣтъ между свѣтской интеллигенціей и духовенствомъ „образовалась такая пропастъ недоразумѣній, которую невозможно преодолѣть единичными попытками сближенія отдѣльныхъ личностей съ той или другой стороны. Того, что создалось путемъ продолжительнаго историческаго процесса, нельзя измѣнить однимъ

¹⁾ Церковный Вѣстникъ, 1905 г., № 5, стр. 1.

добрыми пожеланіями. Необходима систематическая реакція, направленная на разрушеніе уродливаго результата, созданнаго исторіей“¹⁾. Вотъ почему истинно русскій человѣкъ долженъ радостно привѣтствовать не такъ давно послѣдовавшее приглашеніе Кіевскимъ генераль-губернаторомъ духовенства Юго-Западнаго края принять участіе въ земской работѣ, между прочимъ, въ дѣлѣ насажденія здравыхъ понятій среди крестьянъ о лучшихъ, болѣе раціональныхъ способахъ земледѣлія. Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ. Многошумящіе земцы не догадались, однако, давнымъ давно сдѣлать это... Духъ этого многознаменательнаго приглашенія само духовенство, кажется, не поняло, что видно изъ отвѣта Волынскаго епископа Автонія генераль-губернатору Клейгельсу, напечатаннаго въ официальномъ синодальномъ органѣ „Церковныя Вѣдомости“.

Что необходимость болѣе тѣснаго единенія между свѣтскимъ обществомъ и духовенствомъ живо чувствуется и сознается въ широкихъ кругахъ населенія нашего отечества, это видно, между прочимъ, изъ факта возникновенія за послѣдніе годы разныхъ содружествъ молодежи для цѣлей нравственнаго просвѣщенія, законоучительскихъ собраній, обществъ или комиссій религіозно-нравственныхъ чтеній для интеллигенціи и т. п. Послѣдняго рода чтенія, существующія во многихъ городахъ, привлекаютъ весьма много слушателей изъ интеллигенціи, будятъ многіе дремлющіе религіозныя запросы души, вносятъ освѣжающую атмосферу даже въ обычныя домашніе разговоры семьи. И намъ кажется, что рефераты членовъ указанныхъ обществъ могли бы съ пользою выходить въ свѣтъ въ видѣ спеціальнаго періодическаго изданія; въ подписчикахъ на него недостатка не было бы: помнится, что на „Новый Путь“ въ свое время многіе подписывались исключительно изъ-за протоколовъ религіозно-философскихъ собраній. Слышно, что подобныя религіозно-философскія чтенія для интеллигенціи въ настоящее время организуются по всѣмъ большимъ городамъ имперіи. И въ добрый часъ! Подайте голодающимъ этого насущнаго хлѣба!

Священникъ А. Юрикasz.

¹⁾ Церк. Вѣсти. 1905 г., № 3, стр. 74.

ТИХОЕ ПРИСТАНИЩЕ.

Годъ съ небольшимъ тому назадъ въ нашей духовной журналистикѣ загорѣлся споръ по вопросу объ иноческой жизни. Говорили много и долго о томъ, что такое монашество, о сущности монашескихъ обѣтовъ, о томъ, слѣдуетъ-ли монаху, затворяясь въ кельѣ, думать только о внутреннемъ совершенствованіи и собственномъ спасеніи, или, напротивъ, слѣдуетъ отдаться добрымъ дѣламъ, потрудиться для міра. За первое исключительно духовное дѣланіе, созерцательную жизнь и внутреннее усовершенствованіе голосовъ было немного, кажется только одинъ, но голосъ этотъ былъ сильный, говорилъ очень убѣдительно и съ успѣхомъ отражалъ враговъ, т. е. представителей другого лагеря, склонявшихся въ сторону „обмирщенія монашества. Мѣсто, гдѣ зародились эти споры,—самый святой уголокъ нашей родины, тамъ, гдѣ колыбель великорусскаго православнаго иночества. Когда я читалъ полемику, мнѣ казалось, что противники имѣютъ предъ собою что то реальное, задѣвающее за живое, бросающееся на глаза. Не можетъ быть, чтобы такой горячій споръ завязался безъ всякаго повода, изъ одного принципа. Споры объ отвлеченныхъ предметахъ не достигаютъ той степени страстности, какую позволили себѣ полемисты на страницахъ Богословскаго Вѣстника и Душеполезнаго чтенія. Споры копчились ничѣмъ, вопросъ остался открытымъ, враги не примирились. Каждый остался при своемъ мнѣніи. А вѣдь гдѣнибудь должна же быть правда?

Судьба привела меня жить въ г. Т. вблизи одной небогатой и ничѣмъ особеннымъ незамѣчательной женской обители. Прямо

противъ моего дома длинная каменная стѣна, окрашенная въ желтую краску. Изъ-за стѣны поднимаются крыши деревянныхъ построекъ и одинъ двухъ-этажный каменный корпусъ. Окна верхняго этажа выше ограды и смотрятъ на улицу. Окна небольшія, но я никогда не видалъ, чтобы они отворялись даже въ лѣтнюю жаркую пору.

Пойдемте за ограду. Внутри монастыря на открытомъ мѣстѣ два храма, а по сторонамъ много домовъ. Постройки все небольшія деревянныя. Только одинъ корпусъ изъ камня. Даже игуменская келія и та деревянная, хотя по размѣрамъ довольно большая. Всѣ дома жмутся по сторонамъ, оставляя открытымъ мѣсто вокругъ храмовъ. По количеству келій видно, что обитательницъ монастыря довольно. А по тому, какъ тѣсно онѣ стоятъ, какъ быстро застраивается каждое пустое мѣстечко, можно думать, что въ искательницахъ преподобнаго житія недостатка нѣтъ.

Живя вблизи, я невольно наблюдалъ монастырскую жизнь. Случалось слышать, спрививать, случалось даже бывать въ кельяхъ по дѣлу. Кто вѣсть отъ челоуѣкъ яже въ челоуѣцѣ. Богъ одинъ видитъ сердце челоуѣка. Но поскольку внѣшняя жизнь и поведеніе говорятъ о внутреннемъ мірѣ души, о желаніяхъ и упованіяхъ, объ интересахъ и запросахъ, могу смѣло сказать, что жизнь за оградой монастыря полна того особеннаго смысла, который присущъ христіанскому подвижничеству. Скажу, что видѣлъ и знаю, и не имѣю нужды ни хвалить, ни порицать.

Самая главная отличительная черта жизни въ монастырѣ это постоянный цѣлодневный трудъ, непрерывное „дѣланіе“. Когда ни войдешь за монастырскую ограду, тамъ ни гдѣ не увидишь людей. Домовъ много, а людей нѣтъ,—таково первое впечатлѣніе, какое вы получаете, войдя въ монастырь. Изрѣдка пройдетъ монахиня или послушница и всегда торопливыми шагами. Увидя васъ, поклонится низко—низко и быстро пройдетъ мимо. Едва разслышишь обычное монастырское „благословите“, вмѣсто мірскаго „здравствуйте“. Куда-же дѣвались люди, гдѣ обитательницы? Онѣ всѣ сидятъ по кельямъ и всегда за работой. Старшіе имѣютъ свое дѣло, младшіе—свое; у мо-

нахинь—однѣ обязанности, у послушницъ другія. Трудъ всеобщій, начиная съ самыхъ почтенныхъ старицъ до послѣдней пюкини, доящей монастырское стадо. Трудъ безъ сомнѣнія разный, по разному возрасту, сану и положенію сестеръ, но всетаки трудъ, а не бездѣлье. Между многими сложилось убѣжденіе, что монастыри плодятъ иногда тунеядцевъ. Можетъ быть, но только не женскіе. По крайней мѣрѣ, не тотъ, о которомъ рѣчь. Здѣсь нѣтъ зажиточныхъ, богатыхъ инокинь, принесшихъ сюда богатство отъ міра. Но нѣтъ здѣсь и нищихъ. Есть бѣдныя, ничего не имѣющіе, но честныя, работающіе, несущіе данное послушаніе, трудомъ и подвигомъ заслуживающіе себѣ покой и уваженіе на старость.

Въ большинствѣ случаевъ за ограду монастыря попадаютъ такъ. Какая нибудь женщина, вдова или старая дѣва, имѣющая рублей 200—300, просится въ число сестеръ. По заведенному порядку на свой капиталъ она покупаетъ келью, т. е. одну комнату въ 3—4 квадратныхъ сажени и владѣетъ ею пожизненно. Ей даютъ извѣстное „послушаніе“, смотря по ея знанію, опыту, умѣнью. „Послушаніе—это трудъ, приносимый жилищею въ ползу монастыря. Если вновь поступившая напр. грамотна, ей даютъ чтеніе псалтиря два—три часа въ сутки (извѣстно, что въ монастыряхъ, особенно женскихъ, ведется неусынное заупокойное чтеніе псалтиря вмѣстѣ съ поминовеніемъ умершихъ). Остальное время она посвящаетъ труду на себя. Безъ этого труда она не можетъ существовать. Отъ монастыря она получаетъ только трапезу, скудную и въ большинствѣ случаевъ самую постную пищу. Остальное она должна заработать сама. Она должна сама покупать дрова для отопленія кельи, шить себѣ платье и обувь, имѣть свой чай, сахаръ, бѣлый хлѣбъ, словомъ удовлетворять тысячу личныхъ мелкихъ нуждъ. Всего это монастырь не даетъ и все это нужно заработать. При ежедневныхъ вечернихъ, утреннихъ, обѣднихъ, выстаивать которые считаетъ долгомъ каждая монахиня—(вѣдь для этого она и пошла въ монастырь, чтобы быть ближе къ Богу, безпрепятственно посѣщать храмъ)—на бездѣлье времени рѣшительно нѣтъ. По окончаніи долгой службы нужно работать. Загляните въ любую келью, когда нѣтъ службы церковной, и

увидите, что здѣсь не мѣсто праздности. Здѣсь шьютъ, вяжутъ, вышивають, пишутъ иконы, исполняютъ разные заказы. Рѣдко—рѣдко вы увидите монахиню, не имѣющую занятій. Но, если она свободна, она читаетъ или ей читаютъ душеполезную книгу. Ничего не дѣлають только старыя—престарыя женщины. У нихъ на плечахъ 70—80 лѣтъ. Ихъ оставили силы: руки не работаютъ, ноги ни ходятъ, зрѣніе плохо. Въ свое время онѣ послужили другимъ, поработали на себя. Теперь имѣють право на покой, отдохновеніе отъ земныхъ трудовъ. Онѣ ждутъ не дождутся, когда душа оставитъ бренное тѣло; ждутъ смерти какъ желаннаго покоя отъ трудовъ, отъ соблазновъ, отъ немощей тѣлесныхъ, отъ борьбы духа съ влотию. Много эти старушки потрудились въ жизни и устали въ борьбѣ...

А молодыя силы работаютъ. Работаютъ въ пекарнѣ, въ швейной, въ пріютѣ и школѣ, въ саду и огородѣ, овинѣ, на дворѣ. Живскій монастырь—это въ полномъ смыслѣ муравейникъ. Подойдите къ муравьиной кучѣ въ лѣсу и посмотрите, есть ли хоть одинъ муравей безъ работы. Такъ и въ женскомъ монастырѣ. Здѣсь трудятся всѣ отъ первой до самой послѣдней. Я не знаю даже, кто-бы тутъ могъ оставаться безъ дѣла, при видѣ общей работы. Примѣръ заразителенъ. Можетъ быть которая сестра и полѣзнула-бы у себя дома, а здѣсь нельзя. Совѣстно. Здѣсь отдыхаютъ только въ праздникъ, и то послѣ того какъ выстоятъ церковную службу часа три наканунѣ, да столько же въ самый праздникъ.

II.

Замѣчательны въ женскомъ монастырѣ чистота и порядокъ. Всѣ и каждая порознь знаютъ свое дѣло и ведутъ его съ полнымъ усердіемъ. Куда ни поглядишь, нигдѣ не увидишь работы чужихъ рукъ. На всемъ лежитъ печать заботливости, вниманія, усердія. Дворъ монастыря чистъ, въ какое время сюда ни заглянешь. Насажены цвѣтнички, деревца подрѣзаны, дорожки усыпаны пескомъ, или вымощены. Вездѣ все гладко, опрятно, уютно, чисто. Въ кельяхъ идеальная чистота,

а на чистоту храмовъ обращается самое строгое вниманіе. Боже сохрани, чтобы здѣсь завелась грязь, пыль, паутина, чтобы гдѣ-нибудь было нечисто, невыметено, потускнѣло, обветшало, изорвалсѣ. Ничего такого нѣтъ. Все, что нужно мыть, всегда вымыто, чему нужно блестѣть—блеститъ, что должно быть хранимо—бережется такъ, какъ самая дорогая вещь. Въ монастырскихъ храмахъ полы всегда чисты, одежды прибраны, все мѣдное блеститъ какъ золото, всякая вещь лежитъ на своемъ мѣстѣ. Приставленные къ храму монахи ревниво исполняютъ свои обязанности. По всему видно, что они любятъ свое дѣло и отдаются ему вполне. Они любятъ благолѣпіе дома Божія, знаютъ ему цѣну. Для нихъ храмъ все. Не даромъ они и поселились къ нему поближе; чтобы опъ осѣнялъ ихъ своимъ золотымъ крестомъ, хранилъ отъ земныхъ привязанностей, возносилъ умъ къ небесному.

Я люблю бывать въ монастырскомъ храмѣ осенью и зимой за утреннимъ богослуженіемъ когда еще темно. Будній день. Ровно въ 5 часовъ утра первый ударъ колокола. Взойдешь въ монастырь и видишь: изъ всѣхъ келлій темныя фігуры направляются къ храму, исчезая за отворенной дверью. Въ храмѣ полумракъ. Только нѣсколько лампадъ зажжено предъ иконостасомъ. Оглянешься кругомъ. Служба еще не началась, а фігуры, закутанныя въ черное, уже наполняютъ всѣ углы, проходы, излюбленные, привычныя мѣста. Фігуры кланяются, молятся, вздыхаютъ. Слышенъ тихій шепотъ монахинь приставленныхъ къ храму.

Служба началась, истовая, неторопливая, благоговѣйная. Читаютъ посрединѣ церкви и, нужно сказать, хорошо читаютъ. Каждое слово слышно. Въ уставѣ ничего не пропустятъ. Поютъ немного однообразно, высокими женскими голосами, но опять-же поютъ неторопливо, раздѣльно, не закрывая звуками словъ и содержанія пѣсни церковной. Поютъ Господи разумно и читаютъ разумно. Ни шуму, ни лишняго движенія, ни торопливости, ни путаницы. Какъ все это неприятно поражаетъ въ нѣкоторыхъ приходскихъ храмахъ. Но здѣсь безпорядковъ нѣтъ.

Служба идетъ. Кругомъ тишина, нарушаемая только голосомъ чтницы. Неслышными шагами пройдетъ сестра свѣщница, поставитъ или поправитъ свѣчу, и опять тихо. Монахини молятся. Хорошо они молятся—усердно, благоговѣнно, съ такою вѣрою и надеждою, какихъ дай Богъ всякому. Онѣ смирились предъ Всевышнимъ, оставили радости жизни, не знаютъ тѣхъ удовольствій, безъ которыхъ намъ жизнь кажется невысказанною. Это ихъ жертва Богу. Они принесли ее и просятъ о помилованіи, отпущеніи грѣховъ; просятъ царства небеснаго вмѣсто земного. Ей, Боже, услышь ихъ молитву!

Нѣкоторыя монахини, постарше, кому угодно дадутъ примѣръ молитвы, кого угодно приведутъ въ умиленіе. Въ полумракѣ рѣзко выдѣляются ихъ блѣдныя какъ-бы восковыя худощавыя лица. Выраженіе строгое, серьезное, глаза смотрятъ впередъ на иконы. Крестное знаменіе и поклоны земные совершаются часто. Грѣшный человѣкъ, иной разъ подумаешь: что это онѣ такъ молятся, развѣ есть у нихъ какіе грѣхи?—Богъ одинъ знаетъ объ этомъ. Слышно только какъ губы ихъ шепчутъ молитву, а голова припала къ церковному полу.

Въ монастырѣ, о которомъ рѣчь, нѣтъ послѣдовательницъ самаго совершеннаго „ангельскаго житія“, такъ называемыхъ схимницъ. Но изъ тѣхъ, которыя приняли „великій постригъ“, не мало очей достойныхъ старицъ, которыя не опускаютъ ни одной церковной службы, выполняютъ келейныя правила цѣлкомъ, отказались отъ вкушенія скоромной пищи навсегда, употребляютъ пищу въ количествѣ весьма маломъ. Неудивительно, если такія старицы пользуются общимъ почетомъ и вызываютъ подражанія. О томъ, какъ постятся въ монастырѣ, сообщу, что мнѣ передавали люди близко стоящіе къ монастырю. Послѣ совершенія великаго пострига монахиня остается въ храмѣ на пять сутокъ. Ей отводятъ закрытое мѣсто близь алтаря. Ставятъ аналой съ Евангеліемъ и распятіемъ, а въ руку даютъ свѣчу. День и ночь проводитъ женщина въ храмѣ одна, съ однимъ только Христомъ, Которому увѣстилась. Пищею служитъ одна просфора въ день. Подвижница не можетъ лечь, она можетъ только сѣсть на стулъ и подремать,

когда физическая потребность возьметъ верхъ надъ духомъ. Кто не знаетъ всѣхъ этихъ условій постриженія, тотъ пожалуй не повѣритъ. А между тѣмъ это такъ. Послѣ пятидневнаго пребыванія въ храмѣ, нѣкоторыя сами собою не могутъ даже идти. Ихъ ведутъ подъ руки едва живыхъ, но свѣтлыхъ и радостныхъ. Пребываніе съ Богомъ не прошло для нихъ даромъ. Но не легко достается такая побѣда.

За стѣнами женскаго монастыря рѣшаютъ и не могутъ рѣшить женскій вопросъ. А здѣсь онъ рѣшенъ. Здѣсь женщины знаютъ что дѣлать и какъ быть. Главное, чтобы Бога помнить и сохранять женскую честь. А потомъ трудятся на общую пользу, другъ друга тяготы носить. А это очень важно: другъ за друга, а Богъ за всѣхъ. Въ мірѣ женщины добиваются одинаковыхъ правъ съ мужчиною, хотятъ быть отъ нихъ независимыми, ищутъ общественной службы. Въ женскомъ монастырѣ, гдѣ главная забота не о правахъ, а о душѣ, притязанія мірскихъ женщинъ кажутся жалкими и смѣшными. Здѣсь женщины ушли отъ мужчинъ и живутъ независимо. Все дѣлается руками женщинъ. Самоуправленіе женское: мужской опеки нѣтъ. Мірская женщина въ понескахъ за дѣломъ, готова отказаться отъ своихъ материнскихъ инстинктовъ; здѣсь отказались отъ материнства въ интересахъ высшихъ духовныхъ, чтобы имѣть свободу духа надъ плотію, не видѣтъ препятствій въ стремленіи къ небесному жениху. Здѣсь прекрасно понимаютъ, что свобода, которую ищутъ мірскія женщины, очень опасная вещь, одна изъ тѣхъ прелестей, которыми стѣсняется истинная свобода. Въ мірской свободѣ одинъ шагъ до суеты, до глубокаго паденія. Не даромъ апостоль сказалъ: „Къ свободѣ вы призваны, христіане—братья, только чтобы свобода ваша не сдѣлалась поводомъ къ угожденію плоти“...

Существуютъ рассказы мѣстныхъ остролововъ, что въ монастырѣ не все бываетъ гладко. Рассказываютъ, будто случались примѣры ухода изъ монастыря. Злые языки вспоминаютъ какіе-то случаи „паденій“. Не знаю, когда это было. Восьмой годъ живу и восьмой годъ ничего не слышу подобнаго. Сдается

миѣ, что это гнусная клевета, одна изъ тѣхъ сплетень, которыми живетъ уѣздный городъ. Но если-бы что нибудь подобное и было,—что-жъ изъ того? И на солнцѣ есть пятна. А въ монастырѣ живутъ не ангелы. Нужно принять во вниманіе, что въ монастырѣ больше 400 человѣкъ сестеръ. Было-бы удивительнѣе, если-бы при такомъ составѣ, никогда и ни съ кѣмъ не случилось никакого грѣха. Если-же въ такомъ количествѣ людей съ разными склонностями, волею, характеромъ, даже физиологическими особенностями (не забудьте, что подъ монашескимъ клобукомъ въ головѣ рождаются всякія мысли, и подъ черной рясой бьется тоже человѣческое сердце),—если при всемъ этомъ здѣсь не случается ничего особеннаго цѣлыми десятками лѣтъ,—ужь это одно говоритъ о многомъ.

Я возвращаюсь къ тому-же, о чемъ говорилъ. Если-бы есѣ женщины рѣшали свой женскій вопросъ въ такомъ-же смыслѣ какъ сестры монастыря,—кромѣ исключительныхъ обѣтовъ дѣвства и монашества, которыхъ пусть вмѣститъ тотъ, кто можетъ,—они были-бы счастливы. Труда здѣсь сколько угодно, а что нѣтъ многихъ сомнительнаго достоинства удовольствій и той свободы, которая ведетъ женщину на край гибели,—стоитъ-ли о нихъ жалѣть?

Прекрасно поставлена въ монастырѣ дисциплина. Она въ полномъ смыслѣ желѣзная, не смотря на то, что въ женскихъ рукахъ. Повиновеніе во всемъ матушкѣ игуменіи по истинѣ замѣчательное. Ея слово—законъ, ея неудовольствіе вызываетъ слезы раскаянія, гнѣвъ матушки страшенъ. Безъ благословенія матушки никакое дѣло не дѣлается. Монахиня безъ благословенія не можетъ выйти за стѣны монастыря. Сестры дѣлятся на старшихъ и младшихъ. Подчиненіе и непрекословное послушаніе младшихъ старшимъ—основныя требованія монастырскаго общежитія. Кто хочетъ жить по своей волѣ, тому въ монастырѣ мѣста нѣтъ. На первыхъ порахъ здѣсь никто не думаетъ и не спрашиваетъ „о правахъ“, сначала надо узнать обязанности и умѣть отправлять ихъ. Надо умѣть всѣмъ угодить, услужить, помочь, исполнять, соглашаться, повиноваться. Безусловное повиновеніе считается въ монастырѣ

главной добродѣтелью и первой ступеню къ настоящему монашескому житію и подвигамъ. Не отъ того-ли въ монастырѣ никогда не бываетъ безпорядковъ, все идетъ стройно, тихо и смиренно. Многіе скажутъ, что это стѣсненіе свободы воли. Напротивъ. Всѣ отлично знаютъ монастырскую жизнь, правила и требованія. И хотя сюда никто не заманиваетъ, однако отъ желающихъ вѣтъ отбою. А кто приходитъ сюда добровольно,—тотъ самъ согласенъ стѣснять свою волю. Впрочемъ, по отношенію къ монастырю въ словѣ стѣсненіе кроется одно недоразумѣніе. Монашескіе подвиги берутся по доброй волѣ безъ всякаго принужденія. Всѣ, кто готовится къ постриженію, отлично знаютъ ихъ трудность. Сюда приходятъ люди лѣчить свою больную волю, закалять ее въ извѣстномъ направленіи. Какое-же тутъ стѣсненіе. Тутъ, напротивъ, лѣченіе больной человѣческой воли, ея воспитаніе. Въ этомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать всѣ монашескія отреченія. Тутъ вѣтъ ничего похожего на іезуитизмъ. Здѣсь не вырабатываются служители извѣстной идеи какъ въ католицизмѣ, слѣпые исполнители чужой воли, доходящіе до пресловутаго девиза „цѣль оправдываетъ средства“. Наши женскіе монастыри чужды какой нибудь пропаганды въ житейскомъ смыслѣ. Они созданы и существуютъ въ цѣляхъ пропаганды Евангельскаго идеала „аще хочещи совершенъ быти“... Это одна изъ попытокъ идти путемъ Христовымъ, добровольно взявъ крестъ свой и помня, что нго Христово благо и бремя легко. И нужно сказать, что женщины умѣютъ идти путемъ Христовымъ.

III.

Какъ относится монастырь къ внѣшнему міру, замѣтно ли вліяніе его на окружающую среду?

Если имѣть въ виду извѣстную часть нашего общества, которая пренебрежительно относится къ явленіямъ христіанскаго аскетизма, вовсе не интересуется религіозной жизнью и не задается вопросами о будущемъ,—стараясь создать себѣ земное счастье,—то конечно вліяніе монастыря мало замѣтно.

Но вообще говоря, въ средѣ церковной жизни монастырь пользуется не малымъ вліяніемъ. Всѣ, кто хочетъ послушать неторопливую, истовую, службу и видѣть кругомъ себя серьезные, благочестивыя лица, идутъ въ монастырскій храмъ, который по праздникамъ (нерѣдко и въ будни) полонъ молящихся разныхъ званій.

Замѣчательными симпатіями пользуется монастырь со стороны простого народа. Необходимо сказать, что изъ сестеръ монастыря большинство крестьянки. Можетъ быть и это обстоятельство привлекаетъ сюда лишнихъ богомольцевъ, но не одно оно завоевало симпатію крестьянскаго населенія. Крестьяне очень любятъ всѣхъ тѣхъ, кто молится искренно, величественно, отъ всей души, гдѣ служба Божія совершается какъ слѣдуетъ, по уставу. Простые люди съ большимъ уваженіемъ относятся къ сестрамъ монастыря, которыя никакого баловства себѣ не позволяютъ, никому зла не дѣлаютъ, а живутъ честно, по Божьи, молятся, постятся, трудятся для спасенія души. Симпатіи народа рѣдко бываютъ ошибочны. Крестьяне любятъ женскій монастырь и за то, что тамъ хорошо Богу молятся и за то, что живутъ хорошо, усердны, трудолюбивы, кротки, услужливы.

Съ большимъ почтеніемъ смотрятъ на монастырь и горожане. Всѣмъ любо, что въ монастырѣ матушка (игуменія) высоко держитъ свой престижъ, управляетъ твердою рукою и ведетъ все монастырское хозяйство въ полномъ порядкѣ.

Городскія дамы нерѣдко заглядываютъ сюда, чтобы поглядѣть и поучиться рукодѣлію, которое въ нѣкоторыхъ видахъ (вышиванье шелкомъ, золотомъ, гладью и т. п.) достигло здѣсь высокой степени совершенства. Многія городскія семейства отдаютъ своихъ дѣвочекъ въ имѣющійся при монастырѣ пріютъ и школу.

Объ пріютѣ надо сказать отдѣльно. Это одинъ изъ видовъ соприкосновенія монастыря съ внѣшнимъ міромъ. Пріютъ оборудованъ прекрасно, а находящаяся тутъ-же школа дѣйствуетъ очень успѣшно. Такъ какъ пріютъ находится внутри монастыря, то всѣ служащіе и учащіе въ немъ изъ мона-

стырскихъ сестеръ. Учительницы опытны въ своемъ дѣлѣ. Преподаваніе всѣхъ предметовъ поставлено очень хорошо. Изъ окончившихъ курсъ въ приютской школѣ многія дѣвицы съ успѣхомъ выдерживаютъ экзаменъ на званіе учительницы церковно-приходской школы.

Всѣхъ дѣвочекъ въ приютѣ до 70. Заняты всѣ мѣста и многимъ просителямъ отказано. Монастырь на свой счетъ содержитъ половину (около 40 дѣвочекъ), кормитъ ихъ, одѣваетъ, обуваетъ, обучаетъ. Остальные пансіонерки. Плата умѣренная. Отъ желающихъ нѣтъ отбою, не смотря на существованіе въ городѣ другихъ школъ и даже полной восьми-классной гимназій. Матушкѣ—игуменѣ, подѣ контролемъ и отвѣтственностью которой находится приютъ, много дѣла съ нимъ, но она не унываетъ. Она сдѣлала больше того. Въ двухъ мѣстахъ уѣзда монастырю принадлежатъ небольшіе участки земли. Они застроены. На одномъ имѣется даже церковь. Здѣсь ведется полное монастырское хозяйство: сѣется хлѣбъ, снимается трава, пасется монастырскій скотъ. Все хозяйство ведется наличными силами монастыря и ведется образцово. Этимъ также подается прекрасный примѣръ умѣлаго веденія полевого хозяйства окружающему населенію. Но рѣчь моя клонится собственно не къ этому. Я хочу сказать, что въ обѣихъ монастырскихъ дачахъ устроено по хорошей церковно-приходской школѣ. И обѣ школы процвѣтаютъ. Учащихся много. Дѣло идетъ хорошо. Учительницами состоятъ окончившія курсъ въ приютѣ монастыря съ правами учительницы. Окружающее населеніе очень довольно школами и ученьемъ. Особенно нравится крестьянамъ то, что въ школѣ хорошо обучаютъ церковному пѣнію, а дѣвочекъ рукодѣлію. Таково отношеніе монастыря къ внѣшнему міру. Я не говорю ужъ о томъ, что многія сестры идутъ въ сидѣлки къ неизлѣчимо больнымъ (разумѣется, когда ихъ о томъ просятъ), что монастырь первый отозвался на военныя нужды и послалъ партію бѣлья въ мѣстный Комитетъ Краснаго Креста, что многія сестры отъ своихъ заработковъ удѣляютъ кое-что и роднымъ. Вѣроятно, существуетъ еще не мало пунктовъ, гдѣ сопри-

касаются міръ и женскій монастырь, но мнѣ они неизвѣстны. Проживъ семь лѣтъ въ сосѣдствѣ съ N монастыремъ, я считаю долгомъ вслухъ заявить о томъ, что знаю. Только теперь мнѣ стали понятны частыя разрѣшенія Св. Синода на открытіе женскихъ монастырскихъ общинъ то тамъ, то здѣсь.

Удивительно живучее учрежденіе—женскій монастырь. Сколько ни приходилось мнѣ слышать о нихъ, вездѣ они процвѣтаютъ. Даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, медвѣжьихъ углахъ, вновь открытыя женскія общины растутъ и множатся. Русскія простыя женщины, крестьянки-страдалицы, воспѣтыя за свои муки поэтомъ Некрасовымъ, толпами идутъ туда, въ эти тихія пристанища, гдѣ молитва смѣняется трудомъ, а трудъ молитвою, гдѣ нѣтъ неправды въ отношеніяхъ между людьми, гдѣ никто не попраетъ ихъ человѣческихъ правъ...

Частое открытіе новыхъ женскихъ монастырскихъ общинъ и процвѣтанье старыхъ въ нашъ скептической вѣкъ, когда женщина бросается въ разныя стороны въ поискахъ разумнаго труда и жизни полной смысла, явленіе очень знаменательное. Оно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Въ мужской половинѣ человѣческаго рода религіозная вѣра часто убываетъ. О женской этого вообще сказать нельзя. За нѣкоторыми печальными исключеніями, женщина даже вкусившая мірской науки, сердцемъ остается вѣрною религіи и не порываетъ связи съ церковію. Не сбывается-ли во всѣхъ такихъ явленіяхъ слово покойнаго архіепископа Никанора, что женщины на своихъ плечахъ вынесутъ христіанство...

Но я возвращаюсь къ тому, съ чего началъ статью. Если бы жизнь въ монастыряхъ текла правильнымъ путемъ, такъ, какъ заповѣдано, и какъ исполняется женскою монастырскою половиною, возможенъ-ли былъ-бы самый споръ о монашествѣ? Возможна-ли была-бы та [принципіальная рознь въ разсужденіи объ обѣтахъ ипочества, которая однихъ привела къ очень узкому взгляду на монашескій идеаль (келейное правило, непрестанная молитва Іисусова,—самоуглубленіе, самоусовершенствованіе), а другихъ, напротивъ, къ очень широкимъ тре-

бываніямъ полнаго обмірщенія монашества въ служеніи ближ-
нему. Кто наблюдалъ жизнь монастырскихъ женскихъ общинъ,
тотъ едва-ли станетъ спорить о сущности монашескихъ обѣ-
товъ. Тутъ всего довольно: созерцанія и дѣятельности, аске-
тизма и добрыхъ дѣлъ, уединенія и самаго широкаго общенія
съ ближними. Одно необходимо вызываетъ другое. И молитва
Иисусова не остается мертвымъ звукомъ. Не слѣдуетъ забывать
словъ Христовыхъ: *„не всякъ малолай Ми, Господи, Господи,
онидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего,
иже есть на небесахъ“*.

Священникъ Іаковъ Галаховъ.

Христіанство по воззрѣніямъ Гартмана.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя Эдуарда Гартмана давно уже пользуется широкой известностью не только на Западѣ, но и у насъ въ Россіи. Было время, когда имъ увлекались какъ моднымъ философомъ, прочитавъ котораго значило оказаться вполне на уровнѣ вѣка и въ курсѣ самыхъ сложныхъ метафизическихъ умозрѣній. Интересъ къ Гартману не охладѣлъ совершенно и теперь. Тѣмъ не менѣе въ нашей философской литературѣ ему удѣлено вниманія гораздо менѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Если перечислить всѣ сочиненія, посвященныя спеціально философіи Гартмана, изъ которыхъ большинство притомъ имѣетъ характеръ небольшихъ журнальныхъ статей, то ихъ наберется всего только около десяти. Между тѣмъ, многочисленныя и разнообразныя по характеру содержанія произведенія германскаго философа могли бы дать благодарный и обильный матеріалъ обширному критическому изслѣдованію.

Если въ вашей отечественной философской литературѣ все же отведено нѣкоторое мѣсто критикѣ философскихъ воззрѣній Гартмана, то религіозныя его воззрѣнія еще никѣмъ не были затронуты въ печати (если не считать посвященнаго имъ краткаго очерка прот. Буткевича, напечатаннаго въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“), и только ждутъ спеціального изслѣдователя—критика. Наша статья представляетъ посильный опытъ критическаго обзорѣнія сужденій Гартмана прежде всего о христіанствѣ ¹⁾).

¹⁾ Религіознымъ попросамъ въ тѣсномъ смыслѣ посвящены слѣдующія, главнымъ образомъ, сочиненія Гартмана. 1) Die Selbstersetzung des Christenthums

I.

Изложеніе сужденій Гартмана о христіанствѣ.

Своей „религіей Духа“ увлекавшій нѣкогда многихъ, философъ Гартманъ хочетъ дать человѣчеству такое религіозное міровоззрѣніе, которое вполне удовлетворяло бы всѣмъ запросамъ и требованіямъ человѣческаго духа въ послѣднихъ фазисахъ его развитія. Для того, чтобы показать, какъ человѣчество чисто естественнымъ путемъ дошло до основныхъ положеній „религіи Духа“, философъ пытается нарисовать сложную картину возникновенія и процесса развитія религіознаго сознанія въ человѣчествѣ и приходитъ къ тому заключенію, что всѣ исторически извѣстныя религіозныя системы теперь должны быть разсматриваемы только какъ строительныя камни для цѣльнаго зданія новой универсальной „религіи будущаго“. Ходъ развитія религіознаго сознанія человѣчества, по Гартману, таковъ. Первую ступень его составляетъ—*натурализмъ*, въ формѣ натуралистическаго геногеизма, когда люди еще не умѣли различать въ „божественномъ“ ни един-

und die Religion der Zukunft, 2) Die Krisis des Christenthums in der moderen Theologie, 3) Das religiose Bewusstsein der Menschheit im Stufengange seiner Entwicklung и 4) Die Religion des Geistes.

Первое изъ указанныхъ сочиненій представляетъ изъ себя сравнительно краткую брошюру, написанную въ цѣляхъ популяризаціи Гартманомъ своихъ сужденій о христіанствѣ и религіи вообще; будучи популярнымъ въ собственномъ смыслѣ и написанное бойкимъ и смѣлымъ языкомъ, оно выдержало множество изданій.

Второе сочиненіе имѣетъ своимъ содержаніемъ критику спекулятивнаго протестантизма въ лицѣ трехъ наиболее характерныхъ, его представителей: проф. богословія въ Цюрихѣ Видермана, берлинскаго проф. богословія Пфлейдерера и проф. богословія въ Іенѣ Линсіуса. Считаю себя въ нѣкоторыхъ вопросахъ единomyсленнымъ съ названными богословами, Гартманъ указываетъ здѣсь пункты своего согласія и разногласія съ ними.

Два послѣднихъ сочиненія составляютъ двѣ части одного обширнаго труда „Философія религіи“. Первая часть носитъ историко-критическій характеръ, будучи посвящена вопросамъ о происхожденіи и развитіи религіознаго сознанія въ человѣчествѣ до христіанства включительно. Во второй части философъ пытается изложить цѣльную религіозную систему, которая, по его мнѣнію, могла бы быть годной для образованной части современнаго человѣчества и послужить фундаментомъ для построенія универсальной религіи будущаго.

ства, ни множественности, когда они считали тождественной сущность всѣхъ натуральныхъ боговъ и въ каждомъ богѣ чтили просто божественное, какъ таковое, божество. Видоизмѣняясь и развиваясь въ религіозныхъ системахъ грековъ, римлянъ и германцевъ, натурализмъ замѣняется далѣе *супранатурализмомъ*, уже не сливающимъ божественное съ природой, а выставляющимъ его, какъ высшаго господствующаго въ ней Духа. Супранатурализмъ въ свою очередь развивается исторически въ двухъ формахъ: какъ абстрактный *монизмъ* браманизма и буддизма и какъ *теизмъ* главнымъ образомъ іудейства. Теизмъ—религія іудеевъ спачала носитъ характеръ „примитивнаго монотеизма“, преобразованнаго послѣ на почвѣ натуралистическаго генотеизма древняго Израиля пророками; далѣе онъ развивается въ религію закона, или религію гетерономіи въ моисеизмѣ дополняемаго кодекса законовъ и въ моисеизмѣ первыхъ по возвращеніи изъ плѣна поколѣній, затѣмъ—въ іудейство въ собственномъ смыслѣ, когда монотеизмъ одухотворяется и универсализируется, и, наконецъ, заканчивается попытками преобразовать религію закона, выразившимися въ ученіяхъ Гиллела, ессейства, Іоанна Крестителя, Иисуса изъ Назарета и іудео-христіанства, къ чему по существу примыкаетъ и исламъ. Такимъ путемъ, по Гартману, религіозное сознаніе пришло къ *христіанству*, которое, явившись въ первое время въ формѣ „тритеистическаго генотеизма“, должно считать настоящими своими основателями Павла и Іоанна, а не Иисуса изъ Назарета.

Такъ какъ насъ занимаютъ, главнымъ образомъ, сужденія Гартмана о христіанствѣ, то на болѣе подробномъ ихъ изложеніи мы пока и остановимся. Христіанство, по мысли философа, есть несущественное видоизмѣненіе іудейства. Вотъ почему онъ и называетъ подлинное христіанство іудео-христіанствомъ. Іудео-христіанство есть то направленіе въ юдаизмѣ, которое явилось подлѣ саддукейства, фарисейства и ессейства, хотя таковое названіе больше соотвѣтствуетъ павлиническому христіанству, заставившему ортодоксальныхъ іудеевъ стать въ оппозицію къ новому іудео-христіанскому теченію юдаизма. Это послѣднее можно охарактеризовать какъ религію бѣдныхъ

и духовно и матеріально. Оно носитъ на себѣ черты ученія Гиллела, саддукеевъ, фарисеевъ и особенно ессеевъ. Изъ среды послѣднихъ вышелъ Іоаннъ Креститель, который, популяризируя ученіе замкнутаго въ себѣ ессейства, началъ проповѣдывать о близости Царства Божія и пришествіи Мессіи. Его будто бы ученикъ Іисусъ изъ Назарета пошелъ по намѣченному имъ пути и отчасти повторилъ его проповѣдь, отчасти-же привнесъ и нѣкоторые свои элементы. вмѣстѣ съ Гиллеломъ іудео-христіанство возвышаетъ духъ закона надъ его буквою и изъ всѣхъ добродѣтелей цѣнитъ въ особенности смиреніе и кротость и отвергаетъ вмѣстѣ съ саддукеями „преданія человѣческія“ (Мѡ. 9, 10—12; 15, 3, 6; 23, 4). Оно по іудейски вѣруетъ въ Бога Авраама, Исаака и Іакова (Лук. 10, 26) и, короче говоря, признаетъ всю іудейскую законную праведность за единственное условіе спасенія, выдвигая на первое мѣсто іудейскія заповѣди любви къ Богу и ближнимъ (Мѡ. 19, 19; Лук. 10, 25—28). Чисто по фарисейски оно учитъ о вагражденіи за добрыя дѣла въ этой и будущей жизни (Мѡ. 6, 1—6, 16—18; Лук. 14, 12—14), съ той только разницею, что своей проповѣдью о приближеніи Царства Божія и вѣчной, несоизмѣримой съ заслугами, награды сообщаетъ большую силу стремленію къ покаянію и праведности (Мѡ. 7, 24—27. 5, 12; 11, 30). Ортодоксально-фарисейскими были также въ немъ почитаніе молитвы и поста и ученіе о самомъ Царствѣ Божіемъ съ тѣмъ лишь различіемъ, что границы между здѣшнимъ и будущимъ идеальными Царствами здѣсь проводились еще менѣе ясно, чѣмъ въ фарисействѣ (Мѡ. 7, 21—23; 25. 34). Царство Божіе существуетъ по нему уже теперь, какъ іудейская теократія, хотя только еще въ смыслѣ истиннаго Сіона, или идеальнаго іудейскаго общества святыхъ, идеально предвосхищающаго будущее царство славы (Лук. 17, 21; Мѡ. 13, 24—33). Ессейскими являются здѣсь отрицаніе семьи и оставленіе ея въ цѣляхъ достиженія вѣчной жизни (Мѡ. 19, 29), отреченіе отъ собственности (Лк. 14, 33), коммунизмъ іудео-христіанскихъ общинъ (Дѣян. 2, 44—45), презрѣніе къ деньгамъ, непризнаніе обязанности уплаты подати, отвращеніе ко всякаго рода торговлѣ (Мѡ. 10, 7—10; 10, 8—9; 22, 17—22;

17, 25—26; 21, 12—13) и пр. Блаженны бѣдныя и голодающіе, горе богатымъ и сытымъ“! (Лк. 6, 20—21, 24—25)—такъ велъ плебейстическій коммунизмъ къ апоѳеозѣ нищеты и осужденію частной собственности. То, что было въ ученіи іудео-христіанства лишнимъ, сравнительно съ ессеизмомъ,—это пренебреженіе къ труду, противорѣчащему, по вѣрованію іудео-христіанъ, надеждамъ на отеческія щедроты и намѣренія божественной воли (Мѳ. 6, 8, 24—34; 7, 7); и неуваженіе чужой собственности, что внушало образованнымъ іудеямъ антипатію къ іудео-христіанскому направленію.

Въ отношеніи къ религіозному принципу іудейства—гетерономіи, или господству откровеннаго закона іудео-христіанство было также согласнымъ съ названными направленіями іудейства и одинаково съ ними признавало Царство Божіе только въ смыслѣ національно-іудейской теократіи. Самъ Христосъ ограничивалъ, Свою миссію только чадами Израиля (Мѳ. 15, 24) и хотя исцѣлялъ вѣрующихъ язычниковъ, однако не принималъ ихъ въ общество Своихъ учениковъ (Мѳ. 15, 27—28. Такимъ образомъ іудео-христіанство представляетъ изъ себя религію закона, долженствующую привести къ оправданію при помощи евангелія. Но такъ какъ послѣднее, подобно прежнимъ средствамъ, не могло привести къ оправданію, то іудео-христіанство центръ тяжести своего ученія перенесло на оправданіе посредничествомъ современнаго ему праздника Іисуса изъ Назарета,—умершаго, воскресшаго и вознесшагося на небо пророка. Для усвоенія Его оправданія надо быть іудеемъ,—находиться въ близкомъ общеніи съ Нимъ и питать вѣру и любовь къ Воскресшему, что находило символическое выраженіе для себя въ ессеизмской братской трапезѣ—при вкушеніи хлѣба и вина. Тѣмъ не менѣе никто будто бы не думалъ считать Христа Мессіей при его жизни и даже послѣ Его смерти Іисусъ считался человѣческой личностью, предугавшею будущаго Мессію. вмѣстѣ съ вѣрой въ Мессію, какъ судію міра, такой взглядъ на Іисуса породилъ въ іудео-христіанской общинѣ ожиданія вторичнаго пришествія Іисуса, какъ Мессіи, который вспомнить своихъ и наградитъ ихъ.

Какъ-же самъ Христосъ смотрѣлъ на Себя и Свою миссію?

На этотъ вопросъ Гартманъ даетъ намъ такого рода отвѣтъ который выдѣляется даже изъ ряда другихъ рационалистическихъ доктринъ своими крайностями, но, какъ увидимъ на своемъ мѣстѣ, вполне несостоятельными. „Иисусъ, какъ благоговѣнно пишетъ Гартманъ, былъ не болѣе какъ простымъ іудеемъ. Его образованіе было національно-іудейскимъ, и Его никогда не интересовала (за исключеніемъ вліянія эссеиста) чужая культура. Онъ жилъ и умеръ въ кругу возрѣпій Своего времени и Своего народа и раздѣлялъ какъ мнѣнія перваго, такъ и національныя обѣтованія послѣдняго. Его дѣятельность совершалась будто бы вполне по шаблону національнаго іудейскаго пророка. „Ученіе Іисуса не заключало въ себѣ ничего такого, что Онъ не заимствовалъ бы изъ талмудическаго образованія Своего времени; даже Его притчи отчасти заимствованы изъ талмуда. Положительная заслуга Его учительской дѣятельности лежитъ не въ томъ, что Онъ научилъ чему-либо новому или существовавшему элементамъ придавъ — какое-либо иное значеніе; но въ томъ, что традиціи школы Онъ вынесъ на открытую улицу для назиданія бѣднымъ и нуждающимся и, выбравъ лучшіе перлы талмудическаго ученія, изложилъ ихъ въ образной, соотвѣтствовавшей народному наивному представленію формѣ. Новое-же, что принесъ Іисусъ, теперь имѣетъ значеніе „сухого прошлогодняго листа“. Что Христосъ не считалъ Себя ни Божественной личностью, ни посредникомъ въ смыслѣ ап. Іоанна, ни Искупителемъ въ раввинскомъ смыслѣ, ни безгрѣшнымъ этическимъ первообразомъ—это будто бы понятно само собою; очевидно также и то, что Онъ не видѣлъ въ Себѣ ни провозвѣстника новаго религіознаго ученія, ни основателя новой религіи. Онъ вѣрилъ въ Себя, какъ въ избраннаго Богомъ пророка и только будто бы впоследствии, подъ вліяніемъ окружавшихъ Его экзальтированныхъ лицъ, началъ считать Себя Мессіей. Считать центральнымъ пунктомъ въ проповѣди Христа ученіе о любви, развитое Іоанномъ, исторично, такъ какъ Его мораль основывается на эгоистическомъ оправданіи наименьшаго ущерба и большей выгоды, какъ это и соотвѣтствовало всего болѣе сознанію Его современниковъ. Говоря о личномъ

вліяніи Христа на современниковъ, Гартманъ разсуждаетъ: трудно опредѣлить, что дѣлаетъ личность очаровательной въ глазахъ тѣхъ, которые приходятъ съ ней въ соприкосновеніе; если недостаточно пера поэта для изображенія этого „таинственнаго вѣчто“, то прозаикъ обладаетъ еще меньшей возможностью сдѣлать это; можно исчислить всѣ достойныя уваженія свойства человѣка, и однако-же останется неспрякосновеннымъ тотъ невыразимый остатокъ, который производитъ по истинѣ электризующее и чарующее дѣйствіе на окружающихъ. Такое-же неопредѣленное личное вліяніе долженъ былъ оказывать и Іисусъ, какъ свидѣтельствуется о томъ энтузіазмъ многихъ Его послѣдователей; и это воодушевленіе народа сдѣлало Его „изъ Савла Павломъ“. Христосъ допускалъ вѣру въ Себя, какъ въ Мессію только въ силу необходимости, вынужденный къ тому народомъ, не желая вредить разладомъ съ послѣднимъ дѣйственности Своего евангелія (Мр. 14, 60, 64; 15, 2). Вѣра въ мессіанство Христа должна была повести за собой вѣру въ предуказанное пророками изліяніе на всѣхъ Св. Духа; вѣра въ вознесеніе Іисуса была необходимымъ слѣдствіемъ вѣры въ тѣлесное воскресеніе Умершаго; вѣра же въ воскресеніе была единственнымъ условіемъ, при которомъ могла казаться дѣйственной крестная смерть Христа и которое давало при томъ ручательство въ воскресеніе всѣхъ праведниковъ (1 Кор. 15, 12—23). Если бы, по мысли Гартмана, по смерти современнаго Іоанну Крестителю поколѣнія, опытъ доказалъ несправедливость проповѣди этого человѣка (о близости Царства Божія) и если-бы смерть и воскресеніе Іисуса не подали Павлу случайнаго повода къ построенію на этихъ фактахъ антиіудейской міровой религіи, то іудео христіанское направленіе, которое нельзя назвать даже сектой іудейской, умерло-бы само собой и могло-бы фигурировать только въ качествѣ одного изъ историческихъ случайныхъ явленій. Непредвидѣнное и какъ-бы случайное содѣйствіе успѣхамъ христіанства оказали принявшіе христіанскую вѣру и обезпечившіе тѣмъ самымъ дальнѣйшее ея существованіе. Какъ же, спрашивается теперь, если не Христосъ, а его ученики—Павель и Іоаннъ были основателями

христіанства, на фактахъ смерти и воскресенія Іисуса была построена новая религія?

Самая совершенная въ теологическомъ смыслѣ религія изъ всѣхъ религій закона—это іудейство, достигшее крайняго своего развитія въ первое послѣ христіанское столѣтіе. Это было самое благоприятное время для того, чтобы принципъ этой религіи тогда палъ самъ собою, и онъ, дѣйствительно, потерялъ свое значеніе, благодаря фарисею Савлу, или Павлу. Павелъ былъ фарисеемъ въ полномъ смыслѣ слова; но какъ человекъ возвышеннаго духа, онъ не могъ не видѣть противорѣчій фарисейской системы и не могъ не замѣчать того, что еврейскій монотеизмъ только потому не прививался азычникамъ, что послѣдніе встрѣчали препятствіе для себя въ іудейскомъ законѣ. Чувствуя, что скрупулезное исполненіе закона не въ состояніи привести къ праведности и наблюдая постоянно жизнь іудео-христіанъ вѣровавшихъ въ воскресеніе и второе пришествіе Іисуса, онъ естественно могъ притти къ вѣрѣ въ мессіанство Іисуса и ждалъ только чувственаго удостовѣренія своей вѣры; послѣднее Павелъ, склонный къ визионерству, скоро нашелъ въ пустынѣ, вслѣдствіе, вѣроятно, какой-то пустынной лихорадки—въ видѣніи Іисуса, въ чемъ нашла для себя выраженіе его душевная борьба (Дѣян. 9, 3—8). Фактъ воскресенія служилъ для него ручательствомъ мессіанства Іисуса, съ одной стороны и съ другой—справедливости мессіанскаго значенія заступающей примирительной смерти страждущаго раба Божія, согласно ученію пророковъ (Ис. 53 гл.) Ученіе и жизнь Іисуса для него не имѣли особаго значенія и онъ не шелъ за свѣдѣніями объ Іисусѣ къ враждебнымъ по отношенію къ нему ученикамъ Іисуса, такъ какъ мнилъ себя получившимъ откровеніе отъ самого Іисуса. Для него было важно, что Іисусъ Своею смертію и Своимъ воскресеніемъ далъ ему матеріалъ для провозглашенія новаго евангелія, нисколько не помышляя о томъ, проповѣдывалъ ли его Самъ Іисусъ, или нѣтъ. Ему хотѣлось вывести слѣдствіе изъ факта смерти Іисуса, и такимъ слѣдствіемъ оказалось упраздненіе закона (Гл. 3, 21; 2, 21). Но такое заключеніе, очевидно, ложно, такъ какъ смерть Мессіи, понимаемая въ

смыслѣ благодатной помощи въ дѣлѣ оправданія закономъ, будто бы никакъ не даетъ повода къ неисплевенію закона. Поэтому въ посланіи къ Римл. Павелъ выходитъ уже не изъ смерти Мессіи, а изъ мысли о бесполезности и даже вредности закона въ дѣлѣ достиженія оправданія. Вопреки іудео-христіанству, видѣвшему въ законѣ благодать и благословеніе, онъ смотритъ на него, какъ на соблазнъ, ведущій ко грѣху и смерти (Гл. 3, 19). Но и такое положеніе было несостоятельнымъ, такъ какъ, отрицая прямое значеніе закона, Павелъ, однако, приписываетъ ему косвенное значеніе подготовителя и побудителя къ принятію благодати искупленія (Рм. 5, 20; 7, 13). Поэтому-то позднѣйшее христіанство, не рѣшаясь отвергнуть откровеннаго закона, въ посланіи къ Евр. придаетъ ему символическое значеніе.

Значеніе ученія Павла заключается въ томъ, что онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ гетерономіи и выставляетъ, хотя и несовсѣмъ ясно, идею автономіи. Но и онъ, проповѣдая религію свободы во Христѣ (Гл. 4, 31), все таки не порываетъ связи съ закономъ и такой непоследовательностью даетъ позднѣйшему христіанству поводъ снова придти къ гетерономіи, только въ другой формѣ „новаго закона“. Павелъ не замѣчалъ, что съ уничтоженіемъ закона не можетъ быть и рѣчи объ оправданіи чрезъ вѣру и дѣла, объ удовлетвореніи правосудія Божія, какъ необходимомъ условіи полученія благодати. Кромѣ того, мысль объ удовлетвореніи одного за всѣхъ, іудея за язычниковъ вызываетъ повня трудности, такъ какъ іудейское ученіе объ общей коллективной винѣ всѣхъ не могло имѣть какого-либо значенія для язычниковъ. Тогда Павлу ничего не оставалось сдѣлать, какъ сослаться на грѣхопаденіе Адама, имѣющее будто бы послѣдствія для всѣхъ, и построить аналогію спасенія всѣхъ людей смертію одного—Мессіи, долженствующаго спасти всѣхъ отъ коллективной вины и объективнаго могущества зла, олицетвореннаго въ діаволѣ. Несостоятельно ученіе Павла будто бы еще и потому, что смерть одного, даже невиннаго, не можетъ быть удовлетвореніемъ правды Божіей за многихъ. Павелъ никогда не считалъ Иисуса Богомъ, но только перворожденнымъ

Сыномъ Божиимъ, въ противоположность всѣмъ, имѣющимъ достигнуть богоусыновленія послѣ чрезъ воскресеніе (1 Кор. 15, 20; Кл. 1, 18). Но Иисусъ, не отличавшійся по существу отъ другихъ людей, не могъ сдѣлаться [всеобщимъ] Икупителемъ. Вотъ почему въ посл. Колос. Онъ, подобно филоновскому Логосу, изображается уже перворожденнымъ твари, реальнымъ посредникомъ при твореніи (Кл. 1, 15—17) и обладающимъ полнотой Божества—*πλήρωμα τῆς θεότητος* (Кл. 1, 19); а въ посланіи къ Еф. это „*πλήρωμα*“ понимается даже практически, именно Христосъ этой полнотой Божества исполняетъ Свою общину, какъ организмъ (Еф. 1, 23). Въ евангелии же Іоанна Мемра или Логосъ, замѣтванный Павломъ отъ іудейства, изображается воплотившимся въ Иисуса и называется не только человѣкомъ, но и Богомъ (Іоан. 1, 1), хотя и вторымъ, подчиненнымъ Богомъ на подобіе филоновскаго Логоса. Самъ Іоаннъ хорошо сознавалъ, что и его Христосъ такъ-же мало можетъ быть спасителемъ человѣчества, какъ и павлиническій, и центромъ своего ученія поставляетъ уже не искупительную смерть Иисуса, а Его посредничество, и въ Его жизни видитъ откровеніе любви и истины. Послѣдующее христіанство воспользовалось главнымъ образомъ ученіемъ Павла и логически вывело изъ него, что Иисусъ долженъ быть и истиннымъ Богомъ, и истиннымъ человѣкомъ. Необходимыми условіями для усвенія искупительныхъ заслугъ Христовой смерти, которой приписывается побѣда надъ грѣхомъ и смертью, оно считаетъ вѣру и дѣла, не замѣчая того, что не всякій способенъ увѣровать во Христа, что объ оправданіи дѣлами закона послѣ отмыты послѣдняго, не можетъ быть рѣчи и что, наконецъ, грѣхъ и смерть продолжаютъ все же царствовать въ мірѣ. Проповѣдуя самое тѣсное сліянiе со Христомъ, Павелъ учитъ, что бытіе Христа въ человѣкѣ сообщаетъ ему, съ одной стороны, жизнь, такъ какъ Христосъ—совершеннѣйшій представитель Духа, а съ другой—свободу, потому что Христосъ въ данномъ случаѣ является положительнымъ принципомъ освященія въ противоположность отвергнутому закону (2 Кор. 3, 17). Содержаніе новаго закона составляютъ вѣра, понимаемая въ смыслѣ личнаго мистическаго сліянiя со Хри-

стомъ, и любовь, полагаемая въ основу всякой христіанской любви (Гл. 5, 6; 1 К 13, 13).

Намѣченныя Павломъ положенія вполне развились и обосновались Иоаннъ, положивъ въ основу христіанства ученіе о любви въ ея троякомъ видѣ: любви ко Христу, любви къ Богу и любви къ ближнимъ,—и приписавъ все это ученіе Самому Іисусу. Религія любви, поскольку она покоится исключительно на до-вѣрчивой любви ко Христу, развивается въ дуализмъ чадъ Божіихъ и чадъ діавола, сильно напоминающій будто бы дуализмъ персидской религіи. Но всякая христіанская любовь покоится на любви ко Христу, а любовь на вѣрѣ въ ученіе объ искупленіи; въ силу этого вѣра пріобрѣтаетъ преимущественное значеніе и становится основаніемъ всей христіанской мистики и этики; а такъ какъ объ искупленіи учить, главнымъ образомъ, Павелъ, то его посланія по преимуществу и поставяются въ основу дальнѣйшаго церковнаго ученія. Такъ извращаетъ Гартманъ послѣдовательный ходъ историческаго развитія христіанства.

Мы подошли теперь къ тому пункту христіанскаго ученія, гдѣ, по мнѣнію Гартмана, можно пайти точку отпавленія и для построенія религіи будущаго—это христіанскій догматъ Троичности. Постараемся въ главныхъ чертахъ представить ходъ относящихся сюда его разсужденій.

Павель, какъ полагаетъ Гартманъ, хорошо понималъ, что Христось, какъ личность, будто бы не можетъ быть новымъ принципомъ новой жизни, такъ какъ одна личность не можетъ одновременно обитать въ другихъ личностяхъ, что требуется, однако, понятіемъ мистическаго единенія; вотъ почему онъ пришелъ къ тому выводу, что для достиженія мистическаго единства со Христомъ нуженъ имманентный принципъ, которымъ можетъ быть не Самъ Христось, но только безличный Духъ Христовъ. Этотъ имманентный принципъ—Духъ, посившій въ В. З. имена Премудрости и Слова, въ Н. З. является съ новыми именами и выполняетъ то же дѣло, что и въ В. З., именно дѣло посредничества—тамъ между людьми и личнымъ Богомъ здѣсь—между людьми и личнымъ Христомъ. Павлиническій Духъ еще безличенъ, но замѣнившій Его Иоанновскій Логось

занимаетъ уже среднюю между личнымъ и безличнымъ началами и отождествляется съ предсуществоующимъ Христомъ, чего будто бы вѣтъ у Павла. Но когда Іоанновскій Логосъ былъ возвышенъ до степени второго Лица Божественнаго, то необходимо должно было явиться строгое различіе богоподобнаго личнаго Логоса и безличнаго Духа; мало того, в Духъ, разъ онъ называется Духомъ Христовымъ, а Христу приписывается полвота Божества, является третьимъ Лицомъ подлѣ Отца и Сына, хотя Его ипостасированіе и не достигло полной опредѣленности. Такъ, по Гартману, совершался процессъ ипостасированія Божества въ трехъ Лицахъ Отца, Сына и Духа. Понятіе Бога, по нему, первоначально носило натуралистическій характеръ и только постепенно приобрѣло затѣмъ характеръ спиритуалистическій; преимущества же спиритуализма предъ натурализмомъ тогда, по мнѣнію Гартмана, не могли выразить иначе и лучше, какъ приписавъ Божеству личность. Когда монотеизмъ понятіемъ трансцендентной личности Божества отодвинулъ на задній планъ естественную имманентность Бога, тогда явилась потребность перекинуть мостъ между Богомъ и человекомъ, и посредникомъ между Богомъ и человекомъ сталъ Христосъ. Но когда и Самъ Христосъ былъ возвышенъ до степени Божества, тогда опять должна была почувствоваться нужда въ посредничествѣ между личнымъ трансцендентнымъ Христомъ и человекомъ, и такое посредничество, дѣйствительно, было олицетворено въ Лицѣ Св. Духа. Личный Богъ, такимъ образомъ, всегда выставляетъ условіемъ личное посредничество, а личное посредничество, будетъ ли оно представляться однимъ лицомъ, или же цѣлой общиной, напр. Церковью, въ свою очередь будетъ предполагать другихъ личныхъ посредниковъ и т. д. до безкопечности. „Богъ Отецъ въ Троицѣ представляетъ прошлое христіанства, т. е. іудейство, Богъ Сынъ—его настоящее и Богъ Духъ—его будущее“. Христіанская Троица сама по себѣ будто бы полна противорѣчій, но исторически является необходимой переходной ступенью отъ теизма къ будущей религіи—„конкретному монизму“, однако ее надо понимать, по Гартману, не въ смыслѣ трехъ самосознательныхъ лицъ, а въ смыслѣ „тритеистическаго гено-

теизма“, бывшего по своему историческому происхожденію непроизвольной реакціей политеистическаго монотеизма арійскихъ народовъ противъ абстрактнаго монотеизма семитовъ-іудеевъ. Если понимать христіанскую Троицу съ точки зрѣнія монотеизма, то будетъ безразличнымъ, къ какому Лицу ни обращаться съ молитвой; такое пониманіе подтверждается и церковнымъ ученіемъ, приписывающимъ свойства одного Лица также и другимъ Лицамъ Троицы. Впрочемъ, по христіанскому ученію, дѣло искупленія совершено не Богомъ, какъ таковымъ, но только воплотившимся Богомъ или Бого-человѣкомъ, вслѣдствіе чего Христосъ занимаетъ въ немъ центральное мѣсто, и христіанская религія можетъ быть названа религіей Сына, въ противоположность іудейству, какъ религіи Отца, такъ какъ тройственный монотеизмъ не можетъ уже нынѣ быть признанъ состоятельнымъ, то необходимо придти къ унитаризму—не Отца или Сына, но непременно Духа, такъ какъ только этотъ послѣдній удовлетворяетъ требованіямъ и имманентности, поскольку Онъ одновременно можетъ обитать во многихъ индивидуумахъ,—и трансцендентности, поскольку имманентнымъ обитаніемъ не исчерпывается Его безконечность. Духъ направляетъ развитіе религіознаго сознанія человѣчества; Онъ—принципъ новой религіозно нравственной жизни, уничтожающій господство грѣха надъ естественнымъ человѣкомъ, осуществляющій религіозное отношеніе богосынства и примиряющій человека съ Богомъ; Онъ—субъективный принципъ искупленія, спасающій отъ разлада отчужденное отъ Бога религіозное сознаніе.

Христосъ не представляетъ какой-то самостоятельной Личности и дѣйствующаго принципа искупленія. Онъ лишь конкретный личный примѣръ, идеальный прообразъ искупленія, идея, которая должна была не однажды когда-то только реализоваться, но вездѣ и всегда въ каждомъ религіозномъ человѣкѣ. Такой идеалъ является для насъ недостижимымъ; тѣмъ не менѣе онъ долженъ быть цѣлью нашихъ стремленій, такъ какъ приблизительно можетъ быть осуществимъ. Главная ошибка церковнаго ученія состоитъ въ томъ, что оно отождествляетъ идеальный типъ съ принципомъ искупленія и осуще-

ствителемъ послѣдняго считаетъ историческую личность умершаго и воскресшаго Христа. Между тѣмъ идея богочеловѣчества еще никогда не была осуществлена вполне, что соответствуетъ и христіанскому воззрѣнію, по которому богочеловѣчество здѣсь—на землѣ находится только еще въ зародышѣ, въ потенціи. Если же человѣкъ переноситъ свой взоръ въ загробную жизнь, то это объясняется недостаткомъ полной вѣры въ реальномъ обладаніи Божественнымъ, яснаго сознанія имманентности Духа, что въ свою очередь зависитъ отъ поставленія на мѣсто имманентнаго Духа личнаго Бога и личнаго Христа,—перваго, какъ объекта религіознаго отношенія, второго—какъ принципа искупленія. Даже значеніе Христа, какъ первообраза ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что Онъ указываетъ только цѣль, а не путь спасенія, между тѣмъ какъ послѣдній въ практическомъ отношеніи гораздо важнѣе первой. Какъ на мѣсто Бога—Сына, какъ принципа, исключительно вступаетъ Богъ—Духъ, такъ и мѣсто Бога—Сына, какъ единичнаго типическаго осуществленія имманентнаго отношенія занимаетъ универсальная конкретная реализація послѣдняго во всѣхъ людяхъ.

Мы указали въ общихъ чертахъ: въ какомъ отношеніи, по Гартману, стоитъ христіанство къ іудейству и какъ постепенно слагалась система христіанскаго вѣроученія на первыхъ порахъ его возникновенія и развитія. Прослѣдимъ теперь вмѣстѣ съ нимъ историческій процессъ обратнаго движенія, г. е. какъ выражается Гартманъ, „саморазложенія“ христіанства.

Смертельный ударъ (западному) христіанству, какъ полагаютъ Гартманъ, былъ нанесенъ реформаціей въ лицѣ, главнымъ образомъ, протестантизма, однако, протестантизмъ былъ скорѣе „погребателемъ“, чѣмъ убійцей западнаго христіанства. Христіанство умерло еще прежде, чѣмъ окончательно убила его реформація. Оживленіе католицизма при появленіи его противника было только „искусственной гальванизаціей“ внутри уже мертваго трупа“. Жизнь католичества со времени реформаціи носитъ только видимость жизни; культурное движеніе со временъ реформаціи выносится исключительно на плечахъ протестантизма, такъ какъ католическіе народы духовно уже

мертвы; они сдѣлались бы давно *carut mortuum* исторіи, если бы географически не соприкасались съ угрожающими ему постоянно протестантами. Протестантизмъ, такимъ образомъ, нашелъ христіанскую идею уже трупомъ; но въ то время, какъ католицизмъ старается сохранить трупъ въ видѣ муміи съ видимостью жизни, исторической задачей протестантизма стало „отсѣченіе у трупа члена за членомъ“ и доведеніе цикла развитія христіанской идеи до его послѣднихъ результатовъ. Выполняя по отношенію къ христіанской догматикѣ задачу только отрицательную, разрушительную, протестантизмъ въ то же время даетъ и вѣчто новое въ практическомъ отношеніи; только и это новое, положительное не есть что-либо христіанское; устранивъ всякое посредничество между Богомъ и людьми въ видѣ Церкви, папы, духовника, протестантизмъ никакъ не хочетъ порвать связи съ моральнымъ принципомъ гетерономіи, выражающимся въ догматахъ о Троицности Лиць; тѣмъ не менѣе фактически онъ приходитъ къ совершенно инымъ результатамъ. Такъ какъ протестантъ не можетъ непосредственно получать откровенія Божественной воли, то опирается на Писаніе, по масштабамъ для его пониманія поставляетъ свою совѣсть, которая является высшимъ и единственнымъ судіею въ моральныхъ вопросахъ; иначе говоря, нравственная автономія здѣсь вытѣсняетъ гетерономию. Протестантизмъ дѣлается, такимъ образомъ, будто бы величайшимъ благодѣтелемъ народа, возвышая его отъ рабства закона до нравственного самоопредѣленія, и его воспитателемъ въ надлежащемъ пользованіи свободой. Но разсматриваемый съ исторической точки зрѣнія, онъ есть не иное что, какъ переходная стадія отъ подлиннаго, уже мертваго христіанства, къ новѣйшимъ культурнымъ идеямъ, діаметрально противоположнымъ христіанству, и, какъ таковой, онъ и самъ полонъ противорѣчій со дня своего рожденія до самой своей смерти, такъ что всю жизнь мучится надъ примиреніемъ противорѣчій, по природѣ непримиримыхъ.

„Либеральный“ протестантизмъ исчерпалъ протестантскій принципъ до самыхъ послѣднихъ выводовъ и дошелъ до того, что лишилъ христіанство подлиннаго христіанскаго содержа-

вія; поэтому онъ никакъ не можетъ называться христіанскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣютъ либеральные протестанты называть себя христіанами, помимо того основанія, что ихъ крестили и конфирмовали? Не вѣра-ли во Христа является такимъ правомъ? Но въ христіанскаго Бога одинаково вѣруютъ іудеи и (язычники) магометане; равнымъ образомъ, послѣдніе признаютъ и Христа за мудраго, добродѣтельнаго и заслужившаго преимущественную любовь Божію пророка. Либеральные протестанты не вѣрятъ въ Іисуса ни въ смыслѣ Лютера и Тома Аквината, ни въ смыслѣ Павла, Іоанна и Петра, ни всего менѣе въ смыслѣ вѣры въ Себя Самого Іисуса, какъ Мессію. Вѣровать же во Христа, какъ основателя христіанской религіи, какъ уже сказано выше, будто бы не исторично. Но этого еще мало. Либеральный протестантизмъ пришелъ къ полной безрелигіозности. Онъ вѣритъ только въ такое откровеніе, носителями котораго являются новаторы—геніи; отвергнувъ сверхъестественное Откровеніе, онъ еще держится теологіи; но и эта послѣдняя имѣетъ только видимость теологіи. Онъ учитъ о безсмертіи сознательнаго индивидуальнаго духа и безконечномъ его совершенствованіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ поставяетъ условіемъ, чтобы мы не особенно полагались на это сомнительное потустороннее бытіе. Онъ говоритъ о нравственной свободѣ и благомъ Промыслѣ Божіемъ, но въ то-же время требуетъ, чтобы мы вмѣстѣ съ новѣйшимъ естествовѣдѣніемъ вѣрили въ міровое развитіе по неизмѣннымъ законамъ природы. Взамѣнъ христіанскаго вѣроученія либеральный протестантизмъ даетъ метафизику теизма, но, желая избѣжать гетерономіи, онъ проповѣдуетъ въ то-же время независимость морали отъ метафизики и думаетъ обосновать ее на моральныхъ склонностяхъ и влеченіяхъ. Даже тотъ пунктъ христіанскаго міровоззрѣнія, изъ котораго беретъ начало и всякая религія, именно пессимистическое настроеніе, оставленъ либеральнымъ протестантизмомъ, который живетъ въ языческомъ міровоззрѣніи и оптимистическомъ услажденіи,—міровоззрѣніи, всего менѣе благопріятствующемъ религіи. Всего сказаннаго достаточно для того, чтобы оправдать упрекъ либераль-

ному протестантизму въ безрелигіозности, въ смыслѣ безрелигіозности его основнаго принципа.

Въ чемъ-же лежитъ, по Гартману, причина неизбежнаго само-разложенія христіанства? Объясняется оно тѣмъ, что христіанство будто бы цитаетъ глубокую антипатію не только къ наукѣ, но и къ культурѣ всякаго рода. Если-же, несмотря на такую глубокую неприязнь религіи къ наукѣ, она тѣмъ не менѣе вступаетъ съ нею въ брачный союзъ и даже рождаетъ дитя-теологію, то это просто вынужденная необходимость, какъ-бы объятія (Umarmung) со стороны женской половины религіи, чѣмъ пользуется она какъ средствомъ для извлеченія наибольшей для себя выгоды, въ то время какъ своему супругу (наукѣ) поручаетъ быть адвокатомъ въ борьбѣ съ ея внѣшними врагами и противниками. Христіанство покорило римскую культуру только потому, что нашло ее уже излишней, мертвой; покоривъ-же, оно оказалось неспособнымъ преобразовать ее и только сохранило ее до нашего времени въ видѣ „нѣкоего, какъ бы поставленнаго въ спиртъ препарата“. Къ занятію науками оно было побуждаемо исключительно іерархическими интересами; такъ напр., путемъ изученія мертвой латинской рѣчи и классической литературы оно хотѣло сообщить единство церковному управленію и возвысить іерархію. Не по любви средне-вѣковое христіанство занималось классиками; напротивъ, оно всегда смотрѣло на языческія сочиненія, какъ на неизбежное зло, какъ на дьявольскія произведенія, „которыя можно брать въ руки только съ крестнымъ знаменіемъ и страхомъ за спасеніе душъ“. Дальнѣйшій ходъ исторіи показалъ, какъ основателемъ былъ страхъ подлиннаго христіанства предъ языческимъ классицизмомъ, это тогда именно, когда послѣдовало возрожденіе послѣдняго. Теперь уже нельзя смотрѣть на религію, какъ на нѣкоторый придатокъ къ извѣстному міровоззрѣнію; она органически связана съ нимъ и оторвать ее отъ материнской почвы—значитъ имѣть въ ней только мертвый ампутированный членъ мертваго организма.

То же самое нужно сказать и объ отношеніи христіанства къ искусству. Допущеніе искусства въ религіозный культъ никогда не было чѣмъ-либо инымъ, какъ мірской приманкой

(Lockspeise) для массы тѣхъ, которые нуждаются въ искусственныхъ средствахъ возбужденія въ нихъ (правственности) набожности. Нынѣ уже нѣтъ живого христіанскаго искусства; оно уступило мѣсто быстро развивающемуся свѣтскому искусству, что говоритъ еще разъ за нехристіанскій характеръ нашего времени.

Что касается міровоззрѣній, лежащихъ въ основѣ христіанства и новѣйшаго сознанія то они будто бы также несомнѣнны между собою. Въ теоретическомъ отношеніи христіанство носитъ характеръ антропоморфизма и антропатизма, въ практическомъ—черты гетерономной морали; и то и другое противно современному самосознанію, отрицающему личнаго сознательнаго Бога и слѣпое Ему подчиненіе. Указанныя противорѣчія хорошо сознаютъ спекулятивные богословы, и одинъ изъ нихъ—гегельянецъ Бидерманъ въ своей „Христіанской догматикѣ“ имѣлъ мужество указать на противорѣчіе личности Бога съ Его абсолютностью и открыто склониться на сторону пантеизма; но при этомъ онъ тщетно старается убѣдить насъ, будто взятыя имъ изъ нѣмецкой философіи идеи принадлежать—христіанству. Понятно, что такой богословъ осужденъ играть роль „бѣлой вороны“ среди христіанскихъ богослововъ. Впрочемъ, взгляды Бидермана съ нѣкоторыми видоизмѣненіями раздѣляются еще Ифлейдереромъ и Липсіусомъ.

Всѣ разсужденія нашего автора приводятъ его къ такого рода заключенію, что не о преобразованіи религіи должна идти теперь рѣчь, а о построеніи новой религіи, при этомъ онъ, однако, неоднократно оговаривается, что самъ онъ далеко отъ претензіи быть законоположителемъ новой религіи, Наука должна трудиться надъ подготовленіемъ строительнаго матеріала для новой религіи будущаго.

Но какому-же пути должно идти, по Гартману, образованіе религіи будущаго?

Христіанство съ его ученіемъ о Троицѣ можно считать первой, хотя и неудачной попыткой синтеза арійскаго и семитическаго религіознаго сознанія; оно все-же осталось болѣе близкимъ къ семитизму, изъ котораго и возникло. Теперь

же начинаетъ предлагать свои требованія арійскій духъ устами нѣмецкой философіи въ формѣ пантеизма или спиритуалистическаго монизма. Гегель съ своимъ ученіемъ о „воплотившемся Логосѣ Іоанна“, выражающемъ собой идею единосущія чело-вѣка съ Божествомъ, примыкаетъ, хотя и безсознательно, къ индійской философіи. Шопенгауэръ возстановляетъ этику, пессимизмъ и нирвану буддизма. Дальвѣйшая задача нѣмецкой философіи состоитъ въ томъ, чтобы среднеазиатскія религіозныя идеи соединить въ одно цѣлое съ идеями новѣйшей культуры и цѣнными элементами христіанства и составить, такимъ образомъ, новое міровозрѣніе, которое подготовило-бы почву для развитія новой религіи на мѣсто уже будто-бы обреченной на смерть религіи христіанской. Тогда будетъ устраненъ недостатокъ общій всѣмъ существовавшимъ до сего времени религіознымъ системамъ, именно склонность выдавать извѣстную религію за абсолютную истину, исключаящую возможность существованія другихъ религій.

Если въ заключеніи нашего изложенія возрѣвній Гартмана на христіанство свести его сужденія къ нѣсколькимъ общимъ положеніямъ, то получатся слѣдующіе выводы?

1) Христіанство, какъ абсолютная религія, не выдерживаетъ будто-бы критики ни съ исторической, ни съ философско-научной точки зрѣнія; оно является естественнымъ продуктомъ историческаго развитія религіознаго сознанія чело-вѣчества и противорѣчитъ будто бы научному и культурному сознанію настоящаго времени.

2) Являясь теистической религіей, оно необходимо должно признавать личнаго Бога и личнаго посредника въ чело-вѣческомъ спасеніи и поставлять непроходимую пропасть между Богомъ и чело-вѣкомъ, по существу тождественными?

3) Призывая личнаго Бога, далекаго отъ чело-вѣка и субстанціально отличнаго отъ Него, и принимая за абсолютную истину ученіе Христа, оно, естественно, въ нравственномъ отношеніи должно исходить изъ гетерономныхъ, а не автономныхъ началъ.

4) Наконецъ, христіанская религія, по складу своего міровозрѣнія пренебрегающая будто-бы всѣми отношеніями здѣш-

ней жизни, переносить всѣ свои надежды въ трансцендентную область загробнаго существованія и не указываетъ средствъ и возможности достигнуть реальнаго искупленія въ здѣшней жизни. Все, что есть цѣннаго въ христіанской религіи, не принадлежитъ всецѣло только ей одной, но свой корень имѣетъ или въ предшествовавшихъ религіяхъ, какъ напр. пессимизмъ, глубже развитый въ индійской религіи, или-же родственно съ позднѣйшими философскими системами, хотя бы напр. въ отношеніи идеи богочеловѣчества, нашедшей болѣе подробное раскрытіе для себя въ нѣмецкой философіи и трудахъ представителей спекулятивнаго протестантизма послѣдняго времени.

Такъ Гартманъ обнаружилъ будто-бы мнимую несовмѣстность—христіанскихъ идей съ уровнемъ религіознаго и культурнаго сознанія современнаго человѣчества. Конечно, философія можетъ и даже должна быть свободной и независимой; но и она не должна переходить за границы справедливаго, т. е., не должна извращать или отвергать несомнѣнныя истины, добытыя другими науками. Гартманъ именно и впадаетъ въ эту погрѣшность, какъ это мы увидимъ изъ дальнѣйшихъ разсужденій.

II. Щеловъ.

(Продолженіе будетъ).

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

(ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ) ¹⁾.

(Окончаніе *).

Въ минуты вдохновенія воспламенное воображеніе уноситъ поэта, Алексѣя Степановича Хомякова, въ далекія горнія сферы. Тамъ оно счастливо и радостно рѣшетъ среди идеальныхъ образовъ. Но наступаетъ минута отрезвленія—и что же? Быстро уносится, какъ грезы и мечты, этотъ волшебный міръ, который казался такимъ свѣтлымъ, чистымъ, высокимъ, и человѣкъ остается съ опустошенной душой одинокимъ среди міра грубой, житейской прозы. Что же дали человѣку его идеальныя порывы, его любовь ко всему высокому и прекрасному? Только муки сердца, одни внутреннія терзанія. Человѣкъ увидалъ всю низменность и пошлость настоящаго, дѣйствительнаго міра, а между тѣмъ среди него онъ и долженъ необходимо влачить свою жизнь. Не будь поэтому любви къ идеалу,

„Довольный свѣтомъ и судьбою,
Я могъ бы жизненной стезей
Влачиться къ цѣли роковой.
Съ непробужденною душою
Я могъ бы радости съ толпою раздѣлять,
Я могъ бы рвать земныя розы,
Я могъ бы лить земныя слезы

---

¹⁾ Источникомъ и главнымъ пособіемъ при составленіи настоящаго очерка служили „Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова“. Изд. 2. Москва 1878 и изд. 3. Москва. 1900; Завитневичъ, А. С. Хомяковъ. (Труды Кіевской Духовной Академіи. 1898—1901).

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“. № 21, за 1905 г.

И счастью въ жизни довѣрять...
 Но ты пришла. Съ улыбкою презрѣнья
 На смертныхъ родъ взирала ты,
 На ихъ желанья, наслажденья,
 На ихъ бессильные труды.
 Ты мнѣ съ восторгомъ, другъ коварный,
 Являла новый мѣръ вдали
 И путь высокій, лучезарный
 Надъ смутнымъ сумракомъ земли.
 Тамъ все прекрасное, чѣмъ сердце восхищалось,
 Тамъ все высокое, чѣмъ духъ питался мой,
 Въ вѣндахъ безсмертія являлось
 И въ слѣдъ манило за собой.
 И ты звала. Ты сладко напѣвала
 О незабвенной старинѣ,
 Вѣнды и славу обѣщала,
 Безсмертіе обѣщала мнѣ.
 И я повѣрилъ. Обаянный
 Волшебнымъ звукомъ словъ твоихъ,
 Я презрѣлъ Вакха даръ румяный
 И чашу радостей земныхъ.
 Но что-жь? Скажи: за всѣ отрады,
 Которыхъ я навѣкъ лишенъ,
 За жизнь спокойную, души безпечный сонъ,
 Какія ты дала награды?
 Мечты не ясны внушенныя тоской,
 Твои слова, обѣты и обманы,
 И жажда счастья, и тягостныя раны
 Въ груди, растерзанной судьбой“.

Что же такое, слѣдовательно, представляютъ изъ себя всѣ
 идеальныя стремленія человѣка? Они—„измѣнники“.

Сей синій сводъ, устѣянный звѣздами,
 И тихая безмолвной почи тѣнь,
 И въ утреннихъ вратахъ раждающійся день,
 И царь свѣтилъ, парящій надъ водами,—
 Они измѣнники! Они, прельщая взоръ,

Пробудятъ вновь всѣ сны воображенья,
И сердце робкое, просящее забвенья,
Прочтеть въ нихъ пламенный укорь.

Что же остается дѣлать? Какой исходъ? Надобно забыть волшебный сонъ, страхнуть съ себя власть идеала.

Оставь меня, покоя врагъ угрюмый,
Къ высокому, къ прекрасному любовь!
Ты слишкомъ долго тщетной думой
Младую волновала кровь.
Оставь меня! Волшебными словами
Ты сладкій ядъ во грудь мою вливала.
И въ слѣдъ за свѣтлыми мечтами
Меня отъ міра увлекала.

Итакъ скорѣй теперь туда, въ этотъ настоящій, дѣйстви-
тельный міръ!

Налей, налей въ бокаль кипящее вино!
Какъ тихій токъ воды забвенья,
Моей души жестокиа мученья
На время утолить оно.
Пойдемъ туда, гдѣ дышетъ радость,
Гдѣ бурный вихрь забавъ шумить,
Гдѣ гласъ души, гдѣ гласъ страстей молчить,
Гдѣ не живутъ, но тратятъ жизнь и младость.

Пусть и ничтоженъ этотъ міръ, но онъ цѣненъ тѣмъ, что
дастъ человѣку какъ разъ то, что ему необходимо и что един-
ственно для него возможно, вслѣдствіе отсутствія истиннаго
счастья и истинной жизни, даетъ покой, безпечный сонъ души.

Среди веселыхъ игръ, за радостнымъ столомъ,
На мигъ упившись счастьемъ ложнымъ,
Я приучусь къ мечтамъ ничтожнымъ,
Съ судьбою примирюсь виномъ.
Я сердца усмирю роптанье,
На тихое небесъ сіянье
Я не велю глазамъ своимъ взирать

Больно это сдѣлать, тяжело; духъ пылаетъ живымъ, негас-
нущимъ огнемъ.

Онъ жаждетъ брани и свободы
 Онъ жаждетъ бурь и непогоды,
 И безпредѣльности небесъ;

но это сдѣлать необходимо, такъ какъ всѣ стремленія, всѣ порывы духа—безплотныя мечты.

Возьмите-жъ отъ меня бесплодный сердца жаръ,
 Мои мечты, надежды, воспоминанья,
 И къ славѣ страсть, и пѣснопѣнья даръ,
 И чувствъ возвышенныхъ стремленья,
 Возьмите все! Но дайте лишь покой,
 Безпечность прежнихъ сновъ забвенья
 И тишину души, утраченную мной.

Вотъ какой страстный бунтъ въ душѣ Алексѣя Степановича произвелъ первый взглядъ критическаго мышленія на идеальныя порывы, охраняемые сердцемъ. Оказалось на первый взглядъ, что въ душѣ нѣтъ внутренняго богатства, нѣтъ источника живыхъ силъ; все то, что было для сердца дорогого и цѣннаго, что его вдохновляло и ласкало—все это лишь призрачное богатство, все это не болѣе, какъ миражъ, появляющійся предъ воспаленными глазами утомленнаго путника и лишь увеличивающій его жажду. Человѣку остается одна доля—не жить, не волноваться, а искать покоя и забвенья.

Вспомнимъ, къ тому же самому выводу приходилъ и другой нашъ поэтъ—Лермонтовъ:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
 И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
 Я ищу свободы и покоя;
 Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть.

Но эта жажда покоя, забвенья у Лермонтова не освѣщается сознаниемъ. Въ его душѣ возникаетъ гнетущес, тоскливое состояніе, онъ его чувствуетъ, но не понимаетъ, какъ и почему тоска заволокла его сердце.

Въ небесахъ торжественно и чудно,
 Спитъ земля въ сіяньи голубомъ.
 Что же мнѣ такъ больно и такъ грустно?

Между тѣмъ въ протестѣ Алексѣя Степановича, не смотря на всю его страстность и нервность, изобличается уже мыслитель, логически послѣдовательно проводящій свою мысль до конца и отчетливо вскрывающій всѣ основанія бунтующаго ума. Вопросъ ставится ясно. Идеаль высокъ и чистъ, но значеніе за нимъ должно остаться только въ томъ случаѣ, если онъ обладаетъ силой, способной перевоплотить сообразно себѣ настоящую дѣйствительность. Между тѣмъ этого не наблюдается: жизнь течетъ своимъ чередомъ, трезво, прозаически. Но идеаль безъ силы, идеаль—мечта—безсмысленъ, онъ только увеличиваетъ страданья человѣка, лишая его естественнаго дара—безпечности и наивности, и потому долженъ быть отброшенъ.

Вопросъ о значеніи и цѣнности идеала очень часто ставился и ставится въ настоящее время. Но въ большинствѣ случаевъ мыслители не разрѣшаютъ его, а лишь стремятся тѣмъ или инымъ способомъ затупевать его предъ сознаніемъ, чтобы тѣмъ самымъ ослабить его мучительность для человѣческой души. Такъ, напр., рѣшаютъ его нѣкоторые мыслители слѣдующимъ образомъ (напр., Гюйо, Лапге). Идеаль дѣйствительно не обладаетъ силой, способной измѣнить обычный ходъ жизни. Въ послѣдней царить одинъ законъ—законъ механической причинности. Жизнь—это океанъ, изъ нѣдръ котораго послѣдовательно возникаютъ безчисленные ряды могучихъ, но слѣпо дѣйствующихъ волнъ. Какія бы грандіозныя моли ни сооружалъ человѣкъ, чтобы остановить ихъ бѣшеный натискъ, онѣ въ результатѣ разрушатъ всякое сооруженіе человѣка. Тѣмъ не менѣе идеаль должно чтить; онъ долженъ быть дорогъ человѣку. Это очагъ, около котораго каждый можетъ согрѣть свои избытніе члены; это—грошъ, но грошъ бѣдняка.

Алексѣй Степановичъ не могъ придти къ такому взгляду. Онъ чувствовалъ всю фальшь даннаго отвѣта. Вѣдь если идеаль безсиленъ въ отношеніи къ дѣйствительности, если онъ—не болѣе, какъ греза, то вопросъ—можетъ ли онъ и ободрить и оживить уставшую душу человѣка, и послужить для него той тихой пристанью, въ которой онъ можетъ укрыться отъ непогоды жизни? Каждый человѣкъ, который, подобно Алексѣю Степановичу, обладая твердой волей, смотритъ на идеаль,

какъ на предлежащую волю задачу, и не повимаеть жизни, ограниченной предѣлами фантазіи, несомнѣнно отвѣтитъ на этотъ вопросъ отрицательно. Такой человекъ живо, на основаніи своего опыта, сознаеть, что идеаль, въ качествѣ простой мечты, не только не согрѣваетъ человека, а напротивъ заставляеть его сплѣше ощутить голодь жизни. Идеаль показываетъ человеку свѣтлый, радостный, чистый міръ, и человекъ съ твердой волей чувствуетъ безусловную необходимость осуществленія этого міра. Между тѣмъ это не удается; предъ взоромъ человека распростирается міръ дѣйствительной жизни, который по сравненію съ прежнимъ, лучезарнымъ видѣніемъ кажется такимъ ничтожнымъ и низменнымъ; распростирается зрѣлище, отъ котораго человекъ естественно стремится укрыться. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ человекъ сознаеть такимъ образомъ непреодолимые препятствія для своей воли, чувствуетъ, что вся его природа заключена какъ будто въ желѣзные тиски, и это естественно вызываетъ въ его душѣ мучительную боль. Лишь тотъ человекъ можетъ принять взглядъ на идеаль, какъ на грезу, но вмѣстѣ съ тѣмъ грезу дорогую и цѣнную, и не замѣтитъ всей фальши его, который, какъ человекъ пассивнаго типа, не сознаеть необходимости жить полной и вмѣстѣ цѣльной гармоничной жизнью.

Такимъ образомъ Алексѣй Степановичъ въ силу своихъ природныхъ задатковъ не могъ остановиться на этомъ взглядѣ.

Другіе мыслители совѣтуютъ, чтобы вѣсколько смягчить остроту даннаго вопроса, прибѣгать къ ироніи (напр. Ренанъ). Сущность ихъ отвѣта заключается въ слѣдующемъ. Идеаль дѣйствительно лишь чудная иллюзія, распростирающаяся предъ взоромъ человека; но зачѣмъ же, сознавая это, страдать и болѣть душой, зачѣмъ бунтовать? Наши страданія въ этомъ случаѣ изобличаютъ, что мы очень серьезно относимся къ жизни. Но такого отношенія не должно быть. Именьше серьезности и мрачности! Жизнь шутитъ надъ нами, смѣется надъ всѣми нашими высокими и чистыми порывами, разрушаетъ наши мечты, погребаетъ наши вѣрованія;—вѣдь, все умираеть, даже самые боги съ теченіемъ времени укладыва-

ются въ саркофаги,—отвѣтимъ же и мы ей шуткой и смѣхомъ. Иронія—вотъ спасительница человѣка!

Иронія дѣйствительно представляетъ собой естественное лѣкарство отъ внутреннихъ страданій. Это давно открыли философы, и тѣ изъ нихъ, которые стремятся точно согласовать свой внутренній обликъ съ раскрываемымъ міровоззрѣніемъ, очень часто прибѣгаютъ къ этому средству, такъ какъ оно обыкновенно бываетъ очень по душѣ всѣмъ лицамъ твердаго характера. Иронизировалъ Сократъ, пронизировалъ Спиноза, улыбаясь при видѣ, какъ науки пожираетъ брошенную ему въ паутину муху, заглушая этимъ смѣхомъ сознаніе, что и его собственную грудь также медленно, но увѣренно точитъ болѣзнь (онъ страдалъ чахоткой). Склоненъ былъ пользоваться ироніей и Алексѣй Степановичъ. Всѣ знакомые видѣли его всегда въ обществѣ веселымъ, смѣющимся и благодушнымъ, даже въ такіе моменты, когда несомнѣнно онъ переживалъ очень тяжелое состояніе. Но и помимо этого одно его собственное письмо къ Самарину по поводу тѣхъ подозрѣній въ политической неблагонадежности, которымъ подпалъ кружокъ славянофиловъ, очень ясно говоритъ, что Алексѣю Степановичу это средство было далеко не безызвѣстно. „Мы всѣ, писалъ Хомяковъ, находимся подъ подозрѣніемъ злоумышленности. Признаться должно, что постороннему зрителю, неспособному понять ту неволю, въ которой убѣжденія держатъ человѣка, мы всѣ должны представлять характеръ довольно комическій. Иногда эта мысль приходитъ мнѣ въ голову и освѣжаетъ меня смѣхомъ, хоть, разумѣется, не совсѣмъ веселымъ. Аксаковъ, вѣроятно, пашель-бы мало утѣшенія въ ней, но для меня она не совсѣмъ бесполезна и способна придать мнѣ терпѣніе и крѣпость. Я вполне понимаю того австрійца—словака, котораго колотили палками за то, что онъ высунулся изъ фронта, и который хохоталъ подъ палками. Били, били, наконецъ, утомившись, спросили: „чего же ты хохочешь?“—„А какъ же не хохотать? Вѣдь изъ фронта высунулся не я, а мой сосѣд“. Въ дѣтствѣ меня забавляло незаслуженное наказаніе, и я часто не хотѣлъ оправдываться, чтобы не лишиться своего внутренняго смѣха.“

Но, не смотря на это, Алексѣй Степановичъ не создалъ своего міровоззрѣнія на тѣхъ данныхъ, которыя представляеть пропія. Онъ былъ слишкомъ русскимъ человѣкомъ, чтобы могъ это сдѣлать. Въ чистомъ видѣ подобное міровоззрѣніе проведено у одного Ренана, у котораго, какъ истоваго француза, юморъ и иронія дѣйствительно отличаются смѣющимся, игривымъ характеромъ. Между тѣмъ у русскаго человѣка иронія всегда тяжеловѣсна, его смѣхъ очень недалекъ отъ слезъ. Какъ признается Алексѣй Степановичъ, иронія, хотя и оживляла его душу смѣхомъ, но смѣхомъ не совсѣмъ веселымъ. Поэтому для него иронія могла быть лишь внѣшнимъ, побочнымъ средствомъ, временно употребляемымъ, а не началомъ, гармонично, сливающимся со всей его личностью. Но какъ только временное средство, оно и не могло въ данномъ случаѣ имѣть для него большого значенія. Какъ мыслитель, одаренный даромъ необыкновеннаго логическаго мышленія, онъ стремился не къ временному успокоенію, не къ простому затушевыванію вопроса предъ своимъ сознаниемъ, а къ полному и безусловному его рѣшенію. Какъ мыслитель—логикъ, онъ безстрашно устремился въ самый центръ жаркаго боя; далъ полный просторъ бунту своей души, обрисовалъ вопросъ со всею мучительностью его для человѣческаго сердца.

И онъ вышелъ изъ этого боя полнымъ побѣдителемъ и въ то же время цѣлымъ и невредимымъ; его душа нашла полное удовлетвореніе, отыскала путь, который гармонично привелъ ее къ примиренію съ жизнью, ни на іоту не лишая ее ея идеальныхъ порывовъ, ея любви ко всему высокому и прекрасному.

Что же поддержало его во время этого боя? Что дало ему возможность пережить мучительное состояніе и возвыситься надъ нимъ?

10

1) Прежде всего Алексѣй Степановичъ не могъ волюй согласиться съ первымъ отзывомъ своего критическаго мышленія, что все его внутреннее богатство есть не болѣе, какъ мимолетная греза или быстро упосящаяся въ даль мечта. Въ немъ не могло не быть по отношенію къ этому отзыву нѣкоторой доли сомнѣнія. Его мысль не могла не залатъ себѣ вопроса:

„дѣйствительно ли точно она всмотрѣлась въ идеаль и всесторонне его освѣтила“? Въ душѣ Алексѣя Степановича были настоящія подлинныя блести правственнаго добра, и это не могло не окрашивать мягкимъ тономъ его самосознанія. Я разумью его нравственную цѣлость, соединенную съ ея залогомъ—чистотой тѣлесной. Единогласныя свидѣтельства объ этомъ всѣхъ лицъ, хорошо знавшихъ Алексѣя Степановича, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ. И въ этомъ отношеніи Алексѣй Степановичъ многимъ обязанъ своей матери. Рассказываютъ, что когда оба сына, Теодоръ и Алексѣй, пришли въ возрастъ „Марья Алексѣевна призвала ихъ и объяснила имъ свой взглядъ на обязанности благовоспитаннаго человѣка, состоявшій въ томъ, что мужчина, вопреки общепринятымъ понятіямъ о его относительной свободѣ, долженъ также блюсти свою чистоту, какъ и дѣвушка. Поэтому она потребовала отъ сыновей клятвы, что они до брака не вступятъ въ связь ни съ одною женщиной, прибавивъ къ этому, что кто изъ нихъ нарушитъ клятву, тому она откажетъ въ своемъ послѣднемъ благословеніи. И клятва была дана“¹⁾. Несомнѣнно, что этотъ завѣтъ горячо любимой матери, матери, которая для Алексѣя Степановича была первымъ идеаломъ, глубоко запалъ въ его душу, и онъ остался ему вѣренъ на дѣлѣ. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ говоритъ о немъ: „Хомяковъ, бывшій въ молодости гусарскимъ офицеромъ, принимавшій дѣятельное участіе въ Турецкой компаніи, путешествовавшій много, сохранилъ строжайшую тѣлесную чистоту до самой своей женитьбы“.

Вотъ это обстоятельство и явилось для Алексѣя Степановича въ моментъ его душевной тревоги тѣмъ опорнымъ пунктомъ, на которомъ онъ могъ нѣсколько укрѣпиться, когда бурный вихрь развелъ въ его душѣ, разрушивъ ея равновѣсіе, сильное волненіе. Критическая мысль, всматриваясь глубже во внутреннюю жизнь, не могла не замѣтить, что не смотря на ея бурный натискъ, душевная цѣлость далека отъ окончательнаго разрушенія, что въ душѣ остается живая идеальная сила, а такъ какъ разумъ всегда требуетъ осязательныхъ доказательствъ, то тѣлесная чистота служила для него

1) Записки.

въ этомъ случаѣ самымъ надежнымъ показателемъ, что идеаль вовсе не такъ безсилевъ, какъ это представляется ему на первый взглядъ.

Къ сожалѣнію большинство юношей и ихъ руководителей— матерей и отцовъ, не сознаютъ того огромнаго значенія, которое оказываетъ это обстоятельство на весь складъ духовной фізіономіи человѣка, и одни наивно тратятъ свои силы, какъ будто для человѣка одно настоящее да будущее и имѣютъ значеніе, а прошлое безслѣдно погибаетъ, а другіе при этомъ или совсѣмъ не обращаютъ вниманія или для успокоенія своей совѣсти пропзносятъ одно—другое изрѣченіе изъ прописной морали. Между тѣмъ это обстоятельство необыкновенно важно. Каждый человѣкъ, у котораго нѣсколько развито критическое мышленіе, рано или поздно, въ той или другой формѣ, но неизмѣнно будетъ поставленъ жизнью въ необходимость, такъ сказать, родиться вновъ, создать свою личность на вполнѣ сознанныхъ началахъ. Вотъ въ этотъ моментъ, когда разумъ человѣка будетъ всматриваться критически въ прибрѣтенный духовный матеріалъ и производить его оцѣнку, и получаетъ для человѣка все свое значеніе его прошлое. Обыкновенно въ это время подъ первымъ напоромъ критическаго сознанія всѣ духовныя силы человѣка какъ будто куда то безслѣдно пропадаютъ, настоящее вырисовывается, какъ бессмысленная, тягучая длительность времени, какъ монотонное тиканье часовъ, а будущее припимаетъ видъ неуловимой мечты, и человѣкъ вслѣдствіе этого тревожно и нервно задаетъ себѣ вопросъ: чѣмъ жить? Одно прошлое въ этомъ случаѣ и является для человѣка реальностью, и вотъ если и оно окажется окутаннымъ беспросвѣтной тьмой, если и здѣсь разумъ не усмотритъ ничего цѣннаго, а увидитъ напротивъ лишь одинъ грязный хламъ, можно съ полной увѣренностью сказать, что духовное равновѣсіе и гармонія этого человѣка будутъ потеряны навсегда. Вопросъ его задавить, опъ измучить его своей остротой. При каждомъ случаѣ онъ, какъ неотвязчивая и въ то же время неразрѣшимая задача, будетъ давать человѣку чувствовать все его внутреннее ничтожество, всю его внутреннюю дряблость. Каждый порывъ человѣка къ чему-нибудь высокому

и великому будетъ всегда безсильно разбиваться о сознаніе, что это великое недоступно, что между нимъ и человѣкомъ стоитъ стѣна страшная, непреодолимая, о которую можно, сколько угодно, биться лбомъ, но которую пробить нѣтъ никакой возможности.

Во 2) Алексѣй Степановичъ въ силу особеннаго направленія своего самосознанія не могъ также съ безусловной довѣрчивостью отнестись къ первой оцѣнкѣ внутренняго богатства, произведенной критическимъ мышленіемъ. Вспомнимъ, что для Алексѣя Степановича идеаль всегда воплощался въ живой личности, и потому всегда былъ высшимъ по отношенію къ личности его собственной. Алексѣй Степановичъ не признавалъ себя внутренне тождественнымъ съ идеаломъ, на всѣ свои высокія стремленія и порывы онъ смотрѣлъ, какъ на должную дань идеалу, причемъ всегда дань очень скромную, очень незначительную. Вслѣдствіе этого, когда въ его душѣ возникло сомнѣніе въ цѣнности идеала, когда идеаль представился ему на одномъ уровнѣ съ мечтой и грезой, въ его сознаніи, несомнѣнно, вспыхнула мысль, что безсильны лишь его собственные идеальныя стремленія, бесплодны лишь его личные порывы къ высокому и прекрасному, но отсюда еще нельзя заключать къ отрицанію значенія за идеаломъ вообще. Еще вопросъ, насколько эти личные идеальныя стремленія дѣйствительно цѣнны и чисты, насколько они вѣрно и точно отражаютъ подлинный идеаль. Можетъ быть, они и дѣйствительно не болѣе, какъ безплодныя мечты, но таковыми и должны быть, такъ какъ не являются безусловно чистыми; въ нихъ, можетъ быть, таится много темнаго, эгонистичнаго, что необходимо должно погибнуть. А потому жизнь, разрушая эти порывы, дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ, можетъ быть, не такъ бессмысленно, какъ это представляется на первый взглядъ. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ въ ней и проявляется незримое вѣяніе великаго идеала.

Дѣйствительно, что представляетъ собою человѣкъ со всѣми своими порывами и стремленіями?

Заря, тебѣ подобны мы,
Смѣшенье пламени и хлада,

Смѣшеніе небесъ и ада,
Сліяніе лучей и тьмы.

Но если въ человѣкѣ одновременно обитаютъ и небо и адъ, надобно очень внимательно всматриваться въ свои идеалы, какъ бы подъ ихъ покровомъ не зазвучали изменныя страсти.

Итакъ что же нужно дѣлать? Искать въ жизни покоя, безпечнаго сна? Нисколько. Взоръ снова свѣтлѣетъ, набѣжавшій туманъ разсѣвается, путь вдали разстиляется ясный. Надобно внимательно всмотрѣться въ взлелѣянный сердцемъ идеалъ, освободить его отъ всѣхъ приросшихъ къ нему сорныхъ травъ. Надобно трудиться, работать надъ собой. Въ душѣ разсѣяны блестящія искры подлиннаго добра, надобно ихъ соединить, придать имъ опредѣленный видъ, и увеличить. вмѣстѣ съ тѣмъ надобно болѣе чутко относиться къ окружающей жизни и улавливать въ ней каждый проблескъ добра, каждый лучъ свѣта.

Итакъ съ доброю душою снова въ путь!

Въ 1825 году Алексѣю Степановичу пришлось и въ буквальномъ смыслѣ собраться въ путь. Въ своемъ письмѣ отъ 2-го февраля 1825 года Федоръ Степановичъ, жившій въ это время въ Парижѣ, гдѣ онъ служилъ при посольствѣ, просилъ мать, чтобы она дала свое согласіе на заграничное путешествіе Алексѣя Степановича. „Я думаю, писалъ онъ, что Алексѣй лучше всего сдѣлаетъ... если уѣдетъ за границу. Потеря одного года службы не значитъ ничего при теперешнихъ обстоятельствахъ: нужно думать о будущемъ. Я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что при характерѣ брата заграничное путешествіе ему теперь безусловно необходимо. Онъ прозябаетъ въ Петербургѣ. Отъ безпечности и апатіи его характера пропадаетъ безъ пользы дѣятельность его ума, а въ Парижѣ все бы его возбуждало“. Это ходатайство Федора Степановича, какъ любимца матери, имѣло успѣхъ. Согласіе Марьи Алексѣевны было дано, и Алексѣй Степановичъ отправился за границу, гдѣ онъ и пробылъ 1825 и начало 1826 года.

Это путешествіе припесло Алексѣю Степановичу несомнѣнную пользу. Новизна и разнообразіе впечатлѣній отъ заграничной жизни прежде всего дали возможность естественно улежаться волненію въ его душѣ. Въ Парижѣ Алексѣй Степановичъ

увлекается театромъ и живописью; послѣдней отдается даже съ такой страстностью, что въ его сознаніи является мысль, что онъ именно и рожденъ для живописи. Съ естественнымъ же прекращеніемъ острой внутренней боли и наступленіемъ въ душѣ мирнаго затишья, его сознаніе начинаетъ явственнѣе улавливать впечатлѣніе отъ тѣхъ силъ, которыя таятся внутри человѣка и создаютъ его духовный обликъ—силъ нравственной и религіозной. Какъ при начавшемся физическомъ выздоровленіи человѣкъ очень живо воспринимаетъ впечатлѣнія отъ вновь интенсивно заработавшей органической силы, что въ другое время сознанію почти совершенно недоступно; такъ и по минованіи духовнаго кризиса нравственная и религіозная силы, возстановляющія психическую организацію человѣка, производятъ на него очень отчетливое впечатлѣніе. Разумѣется, все это происходитъ при одномъ условіи, если человѣкъ одаренъ впечатлительностью и склоненъ къ серьезному и вдумчивому наблюденію надъ собой. Но этими качествами Алексѣй Степановичъ обладалъ въ высшей степени. Вслѣдствіе этого теперь онъ начинаетъ сознавать все значеніе за нравственнымъ и религіознымъ чувствомъ, начинаетъ понимать что они и представляютъ тотъ источникъ, изъ котораго происходятъ всѣ дѣйствія въ человѣческой жизни. Созерцая въ августѣ мѣсяцѣ 1826 г. Миланскій соборъ, онъ, какъ впоследствии самъ писалъ Шевыреву, „долго стоялъ предъ этимъ великолѣпнымъ зданіемъ, неподвиженъ отъ удивленія и глубокаго, неизъяснимаго наслажденія. Я не видалъ толпы, которая съ наступленіемъ вечера высыпала изъ домовъ и безпрестанно мелькала на площади... Солнце закатилось, наступила ночная тѣнь и съ нею размышленіе. Я сталъ вопрошать себя и допытываться причины того удовольствія, которое такъ долго оковало, такъ сказать, всѣ мои чувства“. И вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, который онъ нашелъ въ своихъ мысляхъ. „При переходѣ отъ плоскости къ плоскости глазъ требуетъ соразмѣрности въ линіяхъ, гармоніи въ оконечностяхъ для того, чтобы ничто не тревожило его спокойствія. Вотъ почему правильность (симметрія) сдѣлалась необходимою спутницею зодчества. Она не есть идея отвлеченная, одѣтая въ вещест-

венныя формы, но условіе тишины въ нашемъ чувственномъ мірѣ, которая возбуждаетъ силы нравственныя и ведетъ насъ къ высокому познанію самого себя. Не у Римлянъ подражателей, не у Римлянъ, которые дали всѣмъ искусствамъ ложный и превратный смыслъ, должны мы искать первобытной цѣли зодчества и его истиннаго значенія. На берегахъ Нила, въ Индіи, гдѣ люди составили общества, образованныя такъ рано, въ Персіи и, наконецъ, въ землѣ, любимой всѣми искусствами,—Греціи увѣримся мы, что всѣ памятники, которымъ хотѣли придать величіе и красоту, всѣ зданія, которыя могли противиться разрушительной работѣ вѣковъ, были въ тѣснѣйшей связи съ религіей“.

Несомнѣнно, здѣсь можно видѣть идею въ ея зародышевомъ состояніи; она еще не раскрылась во всей своей широтѣ и глубинѣ; но важно то, что умъ Алексѣя Степановича уловилъ эту идею. Съ этого момента воспріятыя имъ въ дѣтствѣ сѣмена вѣры и нравственности начинаютъ переходить изъ своего инстинктивнаго, непросвѣтленнаго состоянія въ сознаніе. Умъ Алексѣя Степановича, глубже всматриваясь въ вѣру, начинаетъ отчетливѣе воспринимать ея содержаніе и, восторгаясь глубиной ея отвѣтовъ, свободно и охотно ввѣряетъ себя ея руководительству.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомленіе Хомякова съ заграничною жизнью оказало ему несомнѣнно немаловажную услугу и въ дѣлѣ уясненія имъ внутреннихъ основъ русской жизни. Уже однимъ своимъ контрастомъ заграничная жизнь должна была пробуждать въ его душѣ образъ русскаго народа; и если въ это время Алексѣй Степановичъ не успѣлъ вполне отчетливо понять сердце русскаго народа и его духовный обликъ, то во всякомъ случаѣ онъ живѣе почувствовалъ свою любовь къ нему и ощутилъ его свѣтлыя, идеальныя черты.

По возвращеніи изъ-за границы Алексѣй Степановичъ жилъ пѣкоторое время безъ опредѣленныхъ занятій, вращаясь въ учено-литературныхъ кружкахъ Петербурга и Москвы.

Умственная жизнь въ этихъ кружкахъ билась интенсивно. Какъ рассказываетъ Кошелевъ, всѣ члены кружка почти ежедневно видѣлись или у кп. Одоевскаго, или у К. А. Карамзиной, или другъ у друга. И вездѣ ихъ мысль была занята

серьезнымъ дѣломъ. У кн. Одоевскаго, говоритъ Кошелевъ, мы встрѣчали профессора Веланскаго, гр. Вьельгорскаго и другихъ умныхъ людей... У К. А. Карамзиной мы видѣли часто Блудова, Жуковскаго, П. А. Муханова, а изъ женщинъ особенно очаровывала красотой и умомъ дѣвица Россети... Въ Карамзинской гостиной предметомъ разговоровъ были не философскіе предметы, но и не петербургскія пустыя сплетни и розказни. Литературы, русская и иностранная, важныя событія у насъ въ Европѣ, составляли всего чаще содержаніе нашихъ оживленныхъ бесѣдъ. Эти вечера, продолжавшіеся до позднихъ часовъ ночи, освѣжали и питали наши души и умы, что при тогдашней петербургской душной атмосферѣ было для насъ особенно полезно. Хозяйка дома умѣла всегда направлять разговоры на предметы интересныя“.

Но если въ гостиной Карамзиной философіи не было дано мѣста, за то во время другихъ интимныхъ бесѣдъ пріятелей она главнымъ образомъ занимала ихъ сознаніе. „Хомяковъ, говоритъ тотъ же Кошелевъ, былъ всегда строгимъ и глубоко вѣрующимъ православнымъ христіаниномъ, а я заклятымъ шеллингистомъ, и у насъ были споры безконечныя. Никогда не забуду одного спора, окончившагося самымъ комическимъ образомъ. Проводили мы вечеръ у кн. Одоевскаго, спорили втроемъ о конечности и безконечности міра, и незамѣтно бесѣда наша продлилась до трехъ часовъ ночи. Тогда хозяинъ дома намъ напомнилъ, что уже поздно и что лучше продолжать споръ у него на слѣдующій день. Мы встали, начали сходить съ лѣстницы, продолжая споръ; сѣли на дрожки и всетаки его не прерывали; я завезъ Хомякова на его квартиру; онъ слѣзъ, а я оставался на дрожкахъ, а споръ шелъ своимъ чередомъ. Вдругъ какая-то нѣмка, жившая надъ воротами, у которыхъ мы стояли, открываетъ форточку въ своемъ окнѣ и довольно громко говорятъ: *mein Gott und Herr, was ist denn das?* Мы расхохотались, и тѣмъ кончился нашъ споръ“. Характеризуя это время, Мухановъ говоритъ: „эта кратковременная эпоха никогда не выйдетъ изъ моей памяти: сколько въ ней было игривости, ума, пылкости и прелести“!

Но еще болѣе могучимъ и грандіознымъ фонтаномъ взйма-

лась умственная жизнь въ литературныхъ кружкахъ Москвы. Это было, по словамъ Погодина „самое жаркое литературное время. Всякій день слышалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы. Горе отъ ума Грибоѣдова только что начало распространяться. Пушкинъ (только что возвратившійся изъ своего псковскаго заключенія) читалъ Бориса Годунова, Пророка и познакомилъ насъ съ слѣдующими главами Овѣгина, котораго до тѣхъ поръ напечатана была только первая глава“. „Вечера живые и веселше слѣдовали одинъ за другимъ у Елагинныхъ и Кирѣевскихъ за Красными воротами, у Веневитиновыхъ, у меня (Погодина), у Соболевскаго на Дмитровкѣ, у княгини Волконской на Тверской“. Украшеніемъ этихъ собраній былъ Мицкевичъ, блиставшій своими импровизаціями, а знаменитый Гленка разнообразилъ ихъ музыкой. Но истиннымъ кумиромъ этихъ празднествъ былъ, конечно, Пушкинъ, который цѣнился „въ милліонъ“¹⁾.

Вращаясь въ обществѣ этихъ звѣздъ первой величины и держась въ немъ, по словамъ Погодина, просто безъ притязаній Алексѣй Степановичъ дѣятельно продолжалъ работать надъ собой. Правда, прежняя внутренняя боль временами въ немъ оживаетъ, временами вновь исторгается изъ груди его тревожный вопль о суетности и бессмыслии жизни. Но она принимаетъ въ это время уже нѣсколько иной видъ. Поэтъ не называетъ болѣе идеаль—и синій сводъ, усѣянный звѣздами, и тихую безмолвной ночи тѣнь измѣнниками; его сознание тревожитъ нѣсколько иная мысль. Онъ чувствуетъ свою внутреннюю слабость, проистекающую отъ кратковременности жизни, чувствуетъ холодное вѣяніе приближающейся старости, гасящей въ душѣ всѣ порывы и желанья. Такъ, въ своемъ стихотвореніи „къ В. К.“ (т. е. къ Василию Степановичу Кирѣевскому, его двоюродному брату и другу, умершему въ 1827 году) онъ пишетъ:

¹⁾ У Завитневича.

Счастливъ! тамъ персть твоя сокрыта
 Отъ стрѣлъ мучительныхъ заботъ,
 И отъ судебъ тебѣ защита
 Могила каменный оплотъ.
 Но горе мнѣ! Я здѣсь скитаюсь;
 Я рабъ судьбины, рабъ страстей,
 Въ безсильи гордомъ пресмыкаюсь
 Подъ грузомъ тягостныхъ скорбей.
 И старость грустная настанетъ,
 Она потушитъ жаръ ланитъ,
 Морщины по челу протянетъ,
 Мой черный волосъ убѣлитъ.
 Она холодною рукою
 Исторгнетъ изъ груди моей
 Мечты, любимыя тобою,
 Порывы юношескихъ дней;
 Восторги, радости, желанья,—
 Отыметъ все...

Вырисовывая предъ собою такъ живо послѣдній естественно-
 необходимый результатъ жизни, поэтъ въ отчаяніи воскли-
 цаетъ („Старость“)

Скорѣй, скорѣй сомкните очи:
 Зачѣмъ вы смотрите на свѣтъ?
 Чаешъ проходятъ, дни и ночи,
 И годы за годами вслѣдъ,
 А въ мірѣ все, что было прежде,
 Желанье жадно, жизнь бѣдна,
 И вѣрятъ смертные надеждѣ,
 И смертнымъ вѣчно лжетъ она.

Но вмѣстѣ съ этими тревожными образами и думами въ ду-
 шѣ Алексѣя Стенановича возникаютъ и гармоничныя, чудныя
 видѣнія. Его сознаніе улавливаетъ идеаль, такой возвышен-
 ный и свѣтлый, что его не могутъ омрачить земныя бѣдствія
 и тревоги; ему рисуется душа невинная, чистая; въ ея взо-
 рахъ обращенныхъ къ небу, искрится жизнь, но вмѣстѣ съ
 тѣмъ она далека отъ всякаго томленія такъ какъ въ пей нѣтъ

ничего эгонстичнаго; на всѣ желанія и земные порывы она смотритъ безстрастно. Вотъ этотъ образъ, обрисованный имъ въ стихотвореніи, посвященномъ сестрѣ („Въ альбомъ сестрѣ“).

Не грустью, вѣтъ, но вѣжной думой
Твои наполнены глаза,
И не печали слѣдъ угрюмой—
На нихъ жемчужная слеза.

Когда съ душою умиленной
Ты къ небу взоръ возводишь свой,
Не за себя мольбы смиренной
Ты тихо шепчешь звукъ святой;
Но свѣтлыми полна мечтами,
Паришь ты мыслью вадъ звѣздами,
Огнемъ пылаешь неземнымъ
И на печали, на желанья
Глядишь, какъ юный Серафимъ,—
Безсмертный, полный состраданья,
Но чуждый бѣдствіямъ земнымъ.

Этотъ чарующій образъ умиротворяетъ его душу; волненіе въ ней затихаетъ, его порывы и стремленія лишаются своей бурности и страстности, и въ немъ возникаетъ желаніе, которое, повидимому, не имѣетъ впереди никакой опредѣленной цѣли, но которое однако есть дѣйствительное, подлинное желаніе души—желаніе уловить все добро, просвѣщающее во вѣшнемъ мірѣ, не сообщая ему ни одной эгонстичной черты своей природы.

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ,
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣзною въ сумрачномъ зенитѣ
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.

Хотѣлъ бы выбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучомъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.

Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вокругъ холмовъ,

Иль буйнымъ вѣтромъ разыгаться
 Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;
 Жить ласточкой подъ небесами,
 Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
 Или надъ дикими скалами
 Носиться дерзостнымъ орломъ.
 Какъ сладко было бы въ природѣ
 То жизнь и радость разливать,
 То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
 Пространства неба обтекать!

Такъ, въ описываемое время въ душѣ Алексѣя Степановича по временамъ снова собираются мрачныя тучи, заволакивающія весь горизонтъ, и изъ его груди раздаются звуки бури и непогоды, временами же тучи разрываются и въ просвѣтахъ виднѣется чистое голубое небо. То юношескіе порывы вдругъ выступаютъ въ своемъ естественномъ видѣ со всей страстностью и эгоистичностью — и сознаніе стрѣлой пронижетъ острая боль отъ мысли объ ихъ неосуществимости, то они отступятъ, и душа ловитъ болѣе чистый, болѣе возвышенный идеаль — идеаль безкорыстной любви ко всему высокому и прекрасному. Но теперь этотъ идеаль его еще не принялъ вполнѣ отчетливыхъ формъ. Онъ видитъ его, то созерцая невинные, чистые взоры своей сестры, то наблюдая гармонію явленій природы, то смерть его друга вызываетъ въ немъ стремленіе безкорыстно трудиться надъ осуществленіемъ тѣхъ надеждъ, которыми тотъ жилъ и волновался.

Нѣтъ, страхъ пустой!
 Я воскрешу твои мечтанья,
 Надежды, сердца жаръ святой,
 Волшебной силой вспоминая,
 Я буду жизнью жить двойной;
 И, юностью твоею молодѣ,
 Продливши краткую весну,
 Я старости угрюмый холодъ
 Отъ сердца бодро отжену,

Не презрю я мечты мгновенной
 Восторговъ чистаго огня,
 И сонъ, тобою раздѣленный,
 Священнымъ будетъ для меня.

Но какъ бы неясенъ и неопредѣленъ ни былъ этотъ идеалъ безкорыстнаго служенія добру, онъ будетъ расти. Алексѣй Степановичъ созналъ, что человекъ—„смѣшеніе небесъ и ада“, что поэтому чисто природный естественный порывъ въ немъ къ добру подобенъ въ естественномъ состояніи алмазу, его надобно еще отшлифовать и придать форму, чтобы въ немъ заигралъ, переливаясь, свѣтовой лучъ.

Обыкновенно отъ юношескаго идеала человекъ бываетъ очень трудно отказаться въ виду того, что другого идеала ему не предносится; отказъ отъ юношескихъ стремленій ему кажется равносильнымъ отказу вообще отъ разумной и осмысленной жизни. Вспомнимъ, какъ прежде Алексѣю Степановичу, вслѣдствіе сознанія бесплодности своей мечты, представлялся неизбѣжнымъ одинъ выходъ—„идти туда, гдѣ не живутъ, а тратятъ жизнь и младость“. Теперь же онъ временами постигаетъ, что отреченіе отъ юношескихъ, чисто естественныхъ порывовъ къ прекрасному еще не означаетъ отреченія вообще отъ осмысленной жизни. Возможна великая, сильная жизнь, но въ которой однако нѣтъ той опредѣленности цѣли, которая свойственна юношескимъ влеченіямъ,—возможна жизнь Серафима, который безстрастно смотритъ на всѣ земныя печали и волненія.

Вмѣстѣ съ этимъ Алексѣй Степановичъ, глубже всматриваясь въ свою душу, открываетъ новую причину своихъ внутреннихъ страданій. Ранѣе, да и теперь ипогда ему кажется, что внутренняя боль происходитъ изъ того, что объективный ходъ жизни не соответствуетъ стремленіямъ и порывамъ человека, что въ жизни природы царитъ какой-то другой законъ, который не желаетъ считаться съ закономъ правды, присущимъ человѣческой личности.

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ изъ колыбели
 Воспрянулъ къ юной красотѣ,

И звѣзды стройно полетѣли
Въ небесной синей высотѣ:
Какъ въ бурномъ морѣ за волною,
Шумя къ брегамъ бѣжитъ волна,
Такъ неисчетны надъ землею
Промчались смертныхъ племена;
Возстали, ринулись державы,
Народы сгибли безъ слѣдовъ,
И горькая насмѣшка славы
Одна осталась отъ вѣковъ.

Но кромѣ этой причины, лежащей въ объективномъ ходѣ жизни возможна другая, чисто субъективная причина внутреннихъ страданій человѣка. Въ жизни поэта наблюдается два часа: часъ блаженства и часъ страданія. Поэтъ счастливъ, когда его душа, согрѣтая мгновенною мечтою, свободно въ стройномъ пѣснопѣніи изливается, какъ сладко-звучная волна, свое внутреннее богатство.

Но есть поэту часъ страданья,
Когда возстанетъ въ тѣмѣ ночной
Вся роскошь дивная созданья
Передъ задумчивой душой;
Когда въ груди его сберегся
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,
И повый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, проситъ словъ.
Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ,
Вотще онъ стонетъ изступленный:
Ему не внемлетъ Фебъ скупой,
И гибнетъ міръ поворожденный
Въ груди безсильной и пѣмой.

Итакъ, вотъ какая причина внутренняго томленія можетъ быть въ человѣкѣ. Въ его душѣ можетъ таиться рядъ чудныхъ,

возвышенныхъ образовъ, и человѣкъ это чувствуетъ, его мысль улавливаетъ возможность новаго свѣтлаго міра; но пока этотъ міръ, какъ волшебное владѣніе, рѣющее въ туманной дали, заставляетъ человѣка лишь страдать; онъ требуетъ себѣ отъ человѣка жизни, проситъ словъ, но ихъ нѣтъ у него,—и новорожденный міръ гибнетъ.

Такимъ образомъ въ описываемое время въ душѣ Алексѣя Степановича наблюдается нѣкоторое колебаніе. Съ одной стороны ему предносится чисто естественный идеаль, взлелѣянный его сердцемъ еще въ юныхъ лѣтахъ, но этотъ идеаль не въ состояніи осмыслить его жизни; онъ сознаетъ его неосуществимость, о послѣдней ему говоритъ не только личный опытъ, но и „завѣты древности сѣдой“, опыты всемірной исторіи. Поэтому, если признать, что все богатство человѣка только и заключается въ этомъ идеаль, то каждый человѣкъ долженъ сознать, что его богатство—не болѣе, какъ блестящая мишура, которая не можетъ противостоятъ бурѣ и непогодѣ; вихрь жизни быстро сорветъ ее, и для человѣка станетъ неизбежнымъ одинъ выходъ—ожидать въ томленьи, когда наконецъ замолкнутъ въ его груди всѣ желанья, и океанъ существованья замретъ въ безбрежной тишинѣ“.

Съ другой стороны его душа предвосхищаетъ иной идеаль, который представляется болѣе высокимъ и болѣе могучимъ. Алексѣй Степановичъ чувствуетъ, что подъ водительствомъ этого новаго идеала жизнь можетъ быть проведена вполне осмысленно; съ нимъ всякій страхъ, навѣваемый жизнью, страхъ пустой: этотъ идеаль не боится никакихъ земныхъ волненій, такъ какъ стоитъ выше ихъ. Но онъ не ясенъ и потому не можетъ сообщить душѣ дѣйствительной силы. Онъ появляется минутами, и, когда онъ возникаетъ, душа успокоивается; исчезаетъ онъ,—и ее снова начинаютъ терзать прежнія сомнѣнія.

Алексѣй Степановичъ по своимъ природнымъ задаткамъ не могъ идти туда, „гдѣ не живутъ, а тратятъ жизнь и молодость“; пріучить себя „къ ничтожнымъ мечтамъ“ онъ былъ не въ состояніи, и это тѣмъ болѣе, что ему видѣлся другой

путь—путь проясненія для себя новаго идеала. Естественно на эту сторону и направилась внутренняя работа всѣхъ силъ его души.

Какъ же этого достигнуть?

Новое, смутно предвосхищаемое мыслию, обыкновенно проясняется чрезъ критику прежняго, стараго. Это естественный, всегда и вездѣ наблюдаемый ходъ развитія.

Чтобы прояснить себѣ новый идеаль, надобно напередъ вскрыть недостаточность прежняго, стараго, надобно показать, чего не даетъ человѣку этотъ идеаль. Благодаря этому, прояснятся глубокія, но вмѣстѣ съ тѣмъ живыя, потребности человека; человекъ лучше узнаетъ себя, опредѣленнѣе уловить и новый идеаль, отвѣчающій его потребностямъ.

Этотъ путь паблюдается и въ развитіи Хомякова. Еще во время пребыванія своего въ Парижѣ онъ окончилъ свою трагедію „Ермакъ“. Не очень интересная въ чисто художественномъ отношеніи, она представляетъ собой въ высшей степени любопытный памятникъ его духовнаго развитія.

Герой драмы Ермакъ, покоритель Сибири, былъ безусловно идеальнымъ юношей, но идеальнымъ въ смыслѣ естественномъ. Красивый, мужественный, стройный, онъ пламенѣлъ при разсказахъ „о поляхъ крававой брани“; „его душа стремилась къ торжествамъ“. Одушевлявшія его высокія чувствованія, свѣтлыя и глубокія думы радовали его отца; смотря на сына, онъ думалъ, что „онъ будетъ щить и мечъ земли родной“. Но вдругъ все измѣнилось. У Ермака была горячо имъ любимая невѣста, Ольга, которую задумалъ похитить опричникъ. Мстя за честь своей невѣсты, Ермакъ убилъ дерзкаго опричника. Поступокъ, несомнѣнно, благородный; естественное добро въ немъ проявилось во всемъ своемъ блескѣ. Но дѣйствительно ли въ этомъ поступкѣ сказалась мощная сила, присущая естественному добру? Не обнаружилось-ли это добро такъ рѣшительно и свободно только потому, что оно встрѣтило благодарную почву для своего проявленія въ другой сторонѣ человеческой природы? Можетъ быть, при другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ оно и смолкло бы?

Дальнѣйшая жизнь Ермака показываетъ, что сила естественнаго добра вовсе не такъ могуча, какъ это можетъ представиться на первый взглядъ.

Убийство опричника сдѣлало жизнь Ермака крайне трудной и тернистой. Вездѣ гонимый, вездѣ преслѣдуемый толпою враговъ, онъ скитается, бродитъ безъ приюта. Наступаетъ для него такимъ образомъ такое время, когда естественное добро можетъ дѣйствительно обнаружить свою силу. Между тѣмъ, что же мы видимъ? Ермакъ забываетъ законъ и добродѣтель, вступаетъ въ дружину смѣлыхъ казаковъ и, наконецъ, дѣлается разбойникомъ; его руки обогрязаютъ кровью многихъ невинныхъ людей. Отецъ, благословившій ранѣе своего сына, послѣ убійства имъ опричника, теперь предаетъ его проклятію. Въ душѣ Ермака остаются единственно свѣтлыми чертами—отвага, мужество, беззавѣтная удалъ. Этими качествами онъ увлекаетъ казаковъ, для нихъ онъ—идеаль; онъ является имъ,

Какъ ибѣиій сынъ возвышеннаго міра;
 Безтрепетный, не знающій преградъ,
 Непобѣдимый. Онъ все увлекалъ съ собою
 И силу, и прелесть ю рѣчей,
 И пламенемъ души непостижимой;
 И на его задумчивомъ челѣ,
 Казалось, природа положила
 Могущества, владычества печать.

Но самъ Ермакъ чувствуетъ, что его жизнь невозможна. Въ немъ проснулася теперь таинственная, молчавшая ранѣе потребность души—быть въ мирѣ и единеніи съ своей семьей, съ своей родиной, и онъ созналъ, что безъ удовлетворенія этой потребности человекъ не можетъ существовать. Могущество, власть, слава—все это не даетъ человеку возможности опредѣлить свою внутреннюю личность; человекъ живетъ сознаниемъ, что онъ—сынъ своего отца, членъ своей родины. Между тѣмъ все это теперь невозможно для Ермака; отецъ его проклялъ, родина отвергла. Онъ стонетъ подъ бременемъ такого несчастья!

Проклятіе отца! въ душѣ моей
Ты возлегло, какъ тягостное бремя.
Всегда, вездѣ ты слѣдуешь за мной,
Какъ грозный гласъ неотразимой кары;
Всечасно слухъ тебѣ внимаетъ мой
Средь бурныхъ сѣчь, среди побѣдныхъ кликовъ,
Среди молитвъ, среди тишины ночной.
Гдѣ отдохнуть? Чѣмъ сердцу возвратится
Невинная безпечность юныхъ дней?
Когда-нибудь въ груди моей усталой
Возстапетъ ли счастливая заря
И тишины, и мира, и покоя?
Звѣзда отрадъ, среди черныхъ жизни тучъ
Блестнеть-ли мнѣ твой свѣтлый лучъ?
Воспоминанія! Вы вокругъ меня тѣспнитесь,
Пылаете въ сердечной глубинѣ:
И адскій духъ, грядущій вѣстникъ муки,
Тамъ написалъ негаснущимъ огнемъ
Слова: „разбой, убійства и проклятье“:
Забвеніе! вотще зову тебя!
Живешь-ли ты надъ свѣтлыми звѣздами,
Слети ко мнѣ, о, ангелъ тишины!
Слети, коснись холодными перстами
Груди моей, горящаго чела!
Ты лучше счастья; твой сосудъ цѣлебный
Есть неба даръ, всѣхъ лучше благъ земныхъ!
Дай смочить уста въ струѣ волшебной
И совѣстью успутъ хотя на мигъ.

Но совѣсть не засыпаетъ, муки сердца не утихаютъ. Что же дѣлать? Какимъ путемъ достигнуть примиренія и со своей семьей и со своимъ отечествомъ? Неясная надежда свѣтитъ Ермаку, что онъ снова можетъ обнять своего отца и примириться съ родиной путемъ дѣятельнаго раскаянія и очищенія своихъ внутреннихъ стремленій отъ всѣхъ присущихъ имъ эгоистичныхъ чертъ, и Ермакъ рѣшается вступить на этотъ

путь. Онъ отказывается отъ своего личнаго счастья, не жаждетъ болѣе „лечь въ могилу со славой и свое громкое имя передать потомкамъ“; онъ стремится къ одному—покорить Сибирь, чтобы она, подвластная Россіи, цвѣла надъ его гробомъ, не какъ памятникъ славы, а какъ памятникъ его раскаянія, его горячихъ слезъ. И онъ совершаетъ этотъ подвигъ. Предъ покореніемъ столицы Кучума онъ видитъ сонъ, что онъ кладетъ къ стопамъ Іоанна вѣнецъ и всѣ богатства Сибири, и „его рука разрушаетъ приговоръ законовъ строгихъ“. Это окрыляетъ Ермака; въ восторгѣ онъ говоритъ своему другу—Кольцо:

О ты! постигъ ли, какъ счастливы мы?
 Мой другъ! Мы будемъ вновь сыны Россіи,
 Она въ свои объятія приметъ насъ.
 У насъ отчизна будетъ, братья будутъ,
 Законы, Церковь, Царь, побѣда, гордость, честь.
 О край родной! намъ можно будетъ
 Тебя своимъ, своимъ назвать,
 Жить для тебя и за твое величье
 Въ сраженіяхъ славныхъ умирать!

Итакъ вотъ какая потребность въ человѣкѣ является его живой и настоятельной потребностью. Человѣкъ не есть что-либо отвлеченное, онъ имѣетъ свою реальную почву, и съ этой почвой онъ долженъ находиться въ самомъ тѣсномъ единеніи. Онъ живетъ постольку, поскольку связывается гармонично съ семьей, съ родиной и наконецъ со всѣмъ великимъ міромъ, какъ міромъ человѣческимъ, такъ и міромъ нѣмой природы. Поэтому дѣйствительными идеалами, способными нормировать внутреннюю жизнь человѣка, служатъ семья, отечество и, наконецъ, верховный идеалъ, питающій собою первые два, примиряющій человѣка со всѣмъ міромъ—Церковь. Въ чемъ состоятъ эти идеалы, какое ихъ положительное содержаніе?—этого пока еще не видно. Они ясны только съ отрицательной стороны; они внутренно единятъ человѣка съ міромъ, а безъ такой связи человѣкъ жить не можетъ. Ви-

дѣвъ также и путь къ проясненію этихъ идеаловъ. Они открываются человѣку вслѣдъ за отреченіемъ его отъ своихъ эгоистическихъ чувствованій и стремленій.

Обыкновенно на первыхъ порахъ внутренняя основа жизни въ подлинномъ своемъ видѣ не сознается человѣкомъ. Человѣкъ стремится къ высокому и къ прекрасному, но это высокое и прекрасное ему рисуется, какъ то, что увѣнчиваетъ его голову лавровымъ вѣнкомъ, что возвышаетъ его личность надъ другими и заставляетъ другихъ быть ей покорными. Инстинктивно въ этомъ случаѣ человѣкъ стремится къ единенію съ міромъ; слава является ему тѣмъ началомъ, благодаря которому онъ, соединяясь со всѣмъ человѣческимъ обществомъ, примиряется въ то же время и съ закономъ вѣнчайшей природы—безпрерывнымъ рожденіемъ и смертью. Но выраженное въ такомъ видѣ естественное добро такъ бываетъ хрупко и непрочно, что каждый ударъ можетъ заставить его направиться въ своемъ развитіи на ложный путь. Если въ сознаніи человѣка прекрасное и доброе неотдѣлимо отъ лавроваго вѣнка и безразлично смѣшивается съ нимъ, малѣйшія неудачи въ жизни могутъ погасить въ немъ дѣйствительное добро и пробудить въ его груди одно желанье—желанье власти и силы. Осуществляя это желаніе, человѣкъ постепенно будетъ разрушать тѣ узы, которыя соединяютъ его со всѣмъ живущимъ, даже самыя естественныя и природныя, и, направляясь такимъ путемъ, человѣкъ неизбежно придетъ къ самому мучительному состоянію—сознанію своего полного одиночества,

Итакъ, чтобы достигнуть дѣйствительнаго единенія, надобно очистить свои мечты и стремленія отъ свойственнаго имъ по природѣ эгоизма, надобно сознать добро вѣдъ соединенія его съ личной славой, съ лавровымъ вѣнкомъ.

Семья, отечество, Церковь—все это суть идеалы, возвышающіеся надъ отдѣльною человѣческою личностью и не сливающимися безразлично съ ней, а потому они могутъ открыться человѣку и сообщить его душѣ дѣйствительную свою силу лишь въ томъ случаѣ, если онъ служитъ имъ настоящимъ образомъ, служить безкорыстно.

Манифестомъ отъ 14 апрѣля 1828 года императоръ Николай Павловичъ призвалъ русскій народъ поднять оружіе „въ оборону святыя Православныя Церкви и любезнаго отечества“,—наступила война съ Турціей. Алексѣй Степановичъ отправился въ ряды дѣйствующей арміи, гдѣ и пробылъ до самаго окончанія войны въ 1829 г., пріѣхавъ на родину лишь на нѣкоторое время весной 1829 г.

Эта война дала возможность Алексѣю Степановичу на дѣлѣ осуществить свою безкорыстную любовь къ отечеству и къ своимъ единовѣрнымъ и единокровнымъ братьямъ—славянамъ. Благодаря этому, идеаль беззавѣтнаго служенія добру, ранѣе лишь не ясно улавливаемый, теперь всецѣло овладѣлъ его душой. Его думы прояснились, образы стали болѣе отчетливыми, горизонтъ расширился, а вмѣстѣ съ этимъ Алексѣй Степановичъ почувствовалъ, что будто новая струя живой силы влилась въ его душу, наполнивъ ее той мощью и крѣпостью, которой ранѣе въ ней не было. Не прежнія неопредѣленныя мечтанья волнуютъ теперь его сердце; въ его сознаніи начинается обрисовываться вполне отчетливый взглядъ на свое призваніе. Вотъ что онъ говоритъ о себѣ въ стихотвореніи „Сонъ“, написанномъ въ Базарджикѣ 3-го іюля 1828 года:

И видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И подъ перстомъ моимъ дышали струны,
И звуки ихъ гремѣли, какъ перуны,
Стрѣлой вопзалися во глубину сердцецъ.

И какъ въ степи глухой живыя воды,
Такъ пѣснь моя ласкала жаждный слухъ,
Въ ней слышенъ былъ и тайный гласъ природы,
И смертнаго горѣ парящій духъ.

Пѣвецъ смолкъ, „могильный хладъ сковалъ его уста“; но и изъ могильной тьмы

Гремѣла пѣснь, и сладкій гласъ звучалъ,
Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ;

Но не замолкли струны золотыя,
И сладкій гласъ по прежнему звучалъ.

Съ этого времени въ стихотвореніяхъ Алексѣя Степановича начинаютъ уже отчетливо обрисовываться тѣ думы, всестороннему раскрытію которыхъ посвящена его литературная дѣятельность 40 и 50 годовъ.

Если ранѣе Алексѣй Степановичъ улавливалъ необходимость для всесторонняго и гармоничнаго развитія личности находиться въ тѣсномъ единеніи съ своей отчизной, теперь онъ ясно раскрываетъ причины этого, указывая свѣтлыя идеальныя черты, представляющія внутреннюю основу жизни русскаго народа.

Что даетъ русской народности силу и крѣпость?

1) Прежде всего ея прошлое, ея исторія. Народъ долженъ развиваться органически; его настоящее тогда только будетъ прочно, когда оно будетъ неразрывно соединено съ завѣтами прошлаго времени. Въ стихотвореніи „Клинокъ“ Алексѣй Степановичъ сравниваетъ старый мечъ, который „въ порывахъ бурь военныхъ“

По латамъ весело звучалъ
И на главахъ иноплеменныхъ
О Руси память зарубалъ,

съ новыми мечами, съ красивой оправой, которые
Въ златыхъ покояся ножнахъ,
Блестали тщетною забавой
На пышныхъ роскоши прахъ.

Въ настоящее время старый мечъ, въ ножнахъ забытый
Рукой слабѣющихъ племенъ,
Давно лежитъ полусокрытый
Подъ тѣдкой ржавчиной времянь

и ждетъ, когда вновь его подниметъ, могучая рука.

И тамъ, гдѣ мечъ съ златой оправой
Какъ хрупкій сломится хрусталь,

Глубоко врѣжеть слѣзъ кровавый
Его синѣющая сталь.

Поэтому поэтъ даетъ совѣтъ:

Такъ не бросай клинка стального
Въ отдѣлкѣ древности простой,
И пылъ забвенья рокового
Сотри заботливой рукой.

Во 2) силу русскаго народа составляетъ его безкорыстная любовь къ своимъ младшимъ братьямъ. Русскій народъ выросъ, сталь великимъ и сильнымъ, онъ не долженъ поэтому забывать о своихъ братьяхъ, еще продолжающихъ жить подъ бременемъ рабства и несвободы.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянь полуночныхъ орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети, но въ горнемъ морѣ свѣта
О младшихъ братьяхъ не забудь!...
Питай ихъ нищей снѣдъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!

3) Наконецъ, никогда неизсякаемый источникъ силы русскаго народа кроется въ его вѣрѣ.

Гой красна земля Володимира!...
Ходить по небу солнце ясное,
Грѣеть, свѣтитъ міру цѣлому:
Ночью теплятся звѣзды частыя,
А травѣ да песчипкамъ счету нѣтъ.
По землѣ ходитъ слово Божіе,
Грѣеть жизнию, свѣтитъ радостью.
Блещутъ главы церквей золоченыя,

А Господнихъ слухъ да молельщиковъ,
Что травы въ степяхъ, что песку въ моряхъ.

Вѣра вдохновляла народъ на самоотверженные подвиги, въ то же время даетъ ему возможность совершить ихъ въ сердечной простотѣ, безъ всякой кичливости и самохвальства, вѣра учитъ народъ смиренію, а оно и представляетъ вѣрвый путь къ обнаруженію всего духовнаго богатства.

Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыхъ,
Сильна молящихся рука!

Смиреніе русскаго народа и привлекаетъ на него благодать Божію и дѣлаетъ его назначеніе въ міровой исторіи великимъ и знаменательнымъ.

И вотъ, за то, что ты (Русь) смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголь Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Храпитъ для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племя святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ...
О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему—и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!

Такимъ образомъ въ тридцатыхъ годахъ талантъ Алексѣя Степановича вполне выросъ и окрѣпъ; Алексѣй Степановичъ выступилъ на свой настоящій путь, внутренняя борьба разнородныхъ элементовъ въ его душѣ закончилась; то, что таилось въ смутномъ видѣ въ глубинѣ его души, теперь вступило въ поле сознанія. Въ его стихотвореніяхъ съ 30 по 40 годъ включительно въ поэтическіе образы облеклись уже всѣ тѣ положенія, которыя сдѣлались потомъ предметомъ логическаго раскрытія и научнаго обоснованія въ его прозаическихъ сочиненіяхъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. „То, что раньше выступало въ его сознаніи какъ мечта, какъ полетъ фантазіи, ищущей для своего проявленія лишь поэтическаго образа, то позднѣе приняло характеръ серьезной мысли, требующей научнаго, строго логическаго обоснованія; а вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ-художникъ уступилъ мѣсто ученому публицисту, стихотворецъ прозатору“¹⁾. Съ этого времени Алексѣй Степановичъ выступаетъ въ своемъ настоящемъ видѣ, какъ глубокій мыслитель, такъ какъ работа мыслителя и была его дѣйствительнымъ призваніемъ.

Алексѣй Степановичъ не былъ поэтомъ-художникомъ въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Онъ прекрасно владѣлъ поэтической формой, обладалъ природнымъ и высоко развитымъ художественнымъ тактомъ, многія его стихотворенія поистинѣ прелестны, наконецъ самое его беззавѣтное служеніе такой высокой идеѣ, какъ идея религіозная, носить на себѣ поэтической элементъ. „Тѣмъ не менѣе, какъ справедливо о немъ замѣтилъ Самаринъ, его нельзя назвать художникомъ въ строгомъ значеніи этого слова. Нельзя не потому, чтобы ему не доставало чего-нибудь существеннаго, чтобы быть художникомъ, а наоборотъ: потому что, по обилію другихъ даровъ, онъ не могъ быть только художникомъ, слѣдовательно, не могъ быть и вполне художникомъ. Нельзя про него сказать, чтобы его мысль непременно просилась въ поэтическую форму, чтобы эта форма была ей прирождена и чтобы только въ ней она

1) Завитневичъ.

могла явиться на свѣтъ и узнать себя. Если, какъ намъ кажется, именно въ этой особенноти и заключается тайна творческой силы художниковъ, то у Хомякова ея не было“.

Тѣмъ не менѣе поэтическая дѣятельность Алексѣя Степановича оказала ему немаловажную услугу въ дѣлѣ развитія его таланта: Хомяковъ, какъ поэтъ, далъ возможность вырасти и сформироваться Хомякову, какъ мыслителю. Не владѣй Алексѣй Степановичъ стихомъ и не отражай онъ волновавшихъ его думъ въ поэтическихъ образахъ, онъ, вѣроятно, не сталъ бы тѣмъ сосредоточеннымъ, глубокимъ и разностороннимъ мыслителемъ, какимъ онъ является впоследствии. Его вниманіе было направлено на самыя разнородныя предметы, онъ интересовался всѣмъ, и все находило откликъ въ его душѣ; его мысль билась слишкомъ трепетно, слишкомъ страстно. Вслѣдствіе же такой порывистости своего ума онъ не могъ быть усидчивымъ человѣкомъ. Перо и бумага вызывали въ немъ охлажденіе. Онъ самъ часто жалуется на одолѣвавшую его лѣнь. Его друзья, чтобъ заставить его писать, нерѣдко принимали самыя рѣшительныя мѣры, запирали его въ кабинетъ и требовали, чтобы онъ записалъ все то, что въ устной рѣчи говорилъ имъ. Поэтому вскипавшія въ немъ мысли оставались бы невыраженными; не получивши опредѣленнаго облика, онѣ бѣжали бы одна за другой, и этимъ лишь утомляли бы его сознаніе. Масса неясныхъ думъ, неотчетливыхъ образовъ, томительныхъ порывовъ лишь измучили бы его душу и окончательно ее обезплодили. Поэзія въ этомъ отношеніи и оказала ему громадную помощь. Она, во 1), дала ему возможность быстро и легко выражать въ образахъ то, что его волновало. Вслѣдствіе этого его сознаніе не томилось подъ тяжестью массы вспыхивавшихъ въ немъ идей, а все болѣе и болѣе крѣпло. Во 2), поэтической образъ хорошъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность человѣку уловить интимную сторону идеи,—ея отношеніе къ внутреннимъ стремленіямъ и порывамъ человѣка. Эта сторона идеи обыкновенно при чисто логическомъ ея раскрытіи остается незамѣтной, а между тѣмъ она очень важна для всесторонняго ознакомленія съ идеей.

Никакая логика не въ состояніи дать человѣку понять всѣхъ достоинствъ и недостатковъ извѣстой идеи, если онъ не одаренъ въ нѣкоторой степени способностью, такъ сказать, одухотворять ее, дѣлать ее для себя живой. Вотъ почему Алексѣй Степановичъ, не уклоняясь въ своемъ развитіи въ сторону, не увлекаясь въ жизни какимъ-либо чуждымъ его духу міровоззрѣніемъ—гегельянствомъ, шеллингянствомъ или матеріализмомъ, знаетъ однако ихъ всесторонне и знаетъ ихъ именно съ-ихъ внутренней стороны.

Алексѣй Степановичъ умеръ 1860 г. 23-го сентября, около 8 часовъ вечера, отъ холеры.

Н. Боголюбовъ.

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Ноября № 22. 1905 года.

Содержаніе. I. Высочайшее повелѣніе.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковской духовной консисторіи.—Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереемъ и священникамъ г. Харькова и подгородныхъ селеній въ теченіе 1906 года.—Журналъ съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа 20—21 сентября 1905 г.—Отчетъ Братства Озерянскій Божіей Матери (продолженіе).—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Жепскаго Училища.

I.

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ 31 октября Высочайше утвердить соизволялъ всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода о бытіи ректору Владимірской духовной семинаріи архимандриту *Евгенію* епископомъ Сумскимъ, викаріемъ Харьковской епархіи, съ тѣмъ чтобы нареченіе в посвященіе его въ епископскій санъ произведено было въ гор. Харьковѣ.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Безмѣстный священникъ Александръ *Самойловъ* опредѣленъ 12-го ноябрю н. г. на священническое мѣсто при Успенской церкви, слободы Хрущевой Никитовки, Богодуховскаго уѣзда.

б) Священникъ церкви села Горчаковъ, Стародубскаго уѣзда, Черниговской епархіи, Михаилъ *Рудневъ* опредѣленъ 12 ноябрю н. г. на 2-е священническое мѣсто при Покровской церкви, слоб. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Діаконъ-псаломщикъ Покровской церкви, слободы Гнилицы, Волчанскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Будянский* опредѣленъ 18 ноябрю н. г. на священническое мѣсто при означенной церкви.

г) Діаконъ Христорождественской церкви, слободы Воромли, Ахтырскаго уѣзда, Аванасій *Вълоусовъ* опредѣленъ 22 ноябрю н. г. на священни-

ческое мѣсто при Пророко-Ильинской церкви села Березовскаго, Харьковскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ Николаевской церкви, слободы Котовой, Волчанскаго уѣзда, Павелъ *Сычкаревъ* опредѣленъ 20-го ноября н. г. на діаконое мѣсто при Архангело-Михаиловской церкви, села Приволья, Изюмскаго уѣзда.

е) Бывшій н. д. псаломщика Иванъ *Лисицкій* опредѣленъ 12 ноября н. г. на псаломщическое мѣсто при Вознесенской церкви, слоб. Радьковскихъ Песокъ, Купянскаго уѣзда.

ж) Мѣщанинъ Дмитрій *Олейниковъ* опредѣленъ 15 ноября н. г. на псаломщическое мѣсто при церкви села Старога, Сумскаго уѣзда.

з) Крестьянинъ Иванъ *Депейко* опредѣленъ 18 ноября н. г. на псаломщическое мѣсто при церкви слоб. Гниѣвки, Зміевскаго уѣзда.

и) Крестьянинъ Мвхей *Дьяченко* опредѣленъ 20-го ноября н. г. на псаломщическое мѣсто при Николаевской церкви, села Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда.

п) Бывшій н. д. псаломщица Константинъ *Морейко* опредѣленъ 22 ноября н. г. на псаломщическое мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Котовой, Волчанскаго уѣзда.

к) Сынъ діакопа Павелъ *Должанскій* опредѣленъ 22 ноября н. г. на псаломщическое мѣсто при Иоанно Предтеченской церкви, села Станицаго, Валдовскаго уѣзда.

л) Сынъ діакопа Павелъ *Подольскій* опредѣленъ 22 ноября н. г. н. д. псаломщика къ Покровской церкви, слоб. Алясовки, Изюмскаго уѣзда.

м) Крестьянинъ Евфимъ *Бычекъ* опредѣленъ н. д. псаломщика къ Тихоновской церкви, села Борщоваго, Харьковскаго уѣзда.

н) Запасной унтеръ-офицеръ Иванъ *Литовка* допущенъ 25-го ноября н. г. къ исправленію псаломщическихъ обязанностей при Александро-Невской церкви, хутора Петрецкова, Старобѣльскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

а) Священникъ Пророко-Ильинской церкви, села Березоваго, Харьковскаго уѣзда, Павелъ *Феневъ* перемѣщенъ 12 ноября на священническое мѣсто при Зміевскомъ Троицкомъ соборѣ.

б) Священникъ Троицы церкви, села Бурлая, Зміевскаго уѣзда, Евлампій *Черняевъ* перемѣщенъ 22 ноября н. г. на священническое мѣсто при вновь устроенной церкви въ поселкѣ Раздольѣ, того же уѣзда.

в) Псаломщикъ церкви слоб. Радьковскихъ Песокъ, Купянскаго уѣзда Василій *Сотняревскій* перемѣщенъ 11 ноября на псаломщическое мѣсто при церкви села Рясного, Ахтырскаго уѣзда.

г) Псаломщикъ церкви слоб. Масловки, Зміевского уѣзда, Θεоктистъ *Пантелеимоновъ* перемѣщенъ 23 ноября н. г. на псаломщицкое мѣсто при церкви слоб. Гнплицы, Волчанскаго уѣзда.

3. Объ увольненіи духовенства за штатъ.

а) Священникъ Покровской церкви, слоб. Гнплицы, Волчанскаго уѣзда, Михаилъ *Будянский* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 17-го ноября н. г.

б) Псаломщикъ Ахтырской Успенской церкви Іосифъ *Бородаевскій* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 8 ноября 1905 г.

4. О смерти среди духовенства.

Священникъ Николаевской церкви, слоб. Боровеньки, Лебединскаго уѣзда, Петръ *Подмуцкий* умеръ 31 октября сего года.

5. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви слоб. Кругляковки, Кулянскаго уѣзда, утвержденъ 12-го ноября н. г. старостою крестьянинъ Георгій *Близно*.

б) Къ церкви села Малой Алексѣевки, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 12 ноября старостою крестьянинъ Евфимъ *Москоленко*.

в) Къ церкви слоб. Сенькова, Кулянскаго уѣзда, утвержденъ 12-го ноября н. г. старостою профессоръ Іерофей Алексѣевичъ *Татарскій*.

г) Къ церкви слоб. Левковки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 13-го ноября старостою крестьянинъ Василій *Балаболка*.

д) Къ Спасской церкви, Стрѣлецкаго конскаго завода, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 15-го ноября старостою отставной конюхъ Иванъ *Роговъ*.

е) Къ Николаевской церкви, Деркульскаго конскаго завода, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ старостой мѣщанинъ Василій *Гладковъ*.

ж) Къ Харьковской Пантелеимоновской церкви, утвержденъ 15 ноября старостою Харьковскій мѣщанинъ Федоръ Ивановичъ *Филиттовъ*.

з) Къ Александро-Невской церкви, что при станціи „Славянска“ К.-Х.С. жел. дор. утвержденъ 18 ноября старостою почетный гражданинъ Василій *Голоснякъ*.

6. Объ утвержденіи въ должности псаломщика.

а) И. д. псаломщика Николаевской церкви, слободы Цареборисовской, Изюмскаго уѣзда, Павелъ *Бутовскій* утвержденъ въ должности псаломщика 13 ноября сего года.

б) И. д. псаломщика Дмитріевской церкви слободы Стецковки, Сумскаго уѣзда, Захарій *Федоровскій* утвержденъ 14 ноября въ должности псаломщика.

в) П. д. псаломщика Иоанно-Богословской церкви, слоб. Средняго Бурлука, Валковскаго уѣзда, Николай *Рябенко* утвержденъ въ должности псаломщика 18 ноября сего года.

7. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ Николаевской церкви, села Крыпина Яра, Богодуховскаго уѣзда, Николай *Грызодубовъ*, 9 ноября сего года, утвержденъ въ должности законоучителя мѣстнаго народнаго училища.

б) Священникъ церкви сл. Пристѣна, Купянскаго уѣзда, Алексѣй *Торанскій* утвержденъ 10 ноября п. г. законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

в) священникъ церкви слободы Полячковки, Богодуховскаго уѣзда, Алексѣй *Геневскій* 10 ноября утвержденъ въ должности законоучителя Иваповскаго народнаго училища, Богодуховскаго уѣзда.

г) Священникъ Иоанно-Предтечевской церкви, села Основы, Харьковскаго уѣзда, Моисей *Цетровъ* 11 ноября п. г. утвержденъ законоучителемъ Филипповскаго народнаго училища, Харьковскаго уѣзда.

д) Священникъ Петро-Павловской церкви, слоб. Петропавловка, Купянскаго уѣзда, Іоаннъ *Базилевичъ* утвержденъ 12 ноября законоучителемъ Кулаговскаго народнаго училища, Купянскаго уѣзда.

е) Священникъ Христорождественской церкви, слоб. Тимошеевки, Сумскаго уѣзда, Мартинъ *Андреевъ* утвержденъ 11-го ноября въ должности законоучителя мѣстнаго народнаго училища.

ж) Священникъ Николаевской церкви, слоб. Каменки, Купянскаго уѣзда, Григорій *Цебенко* утвержденъ въ должности законоучителя мѣстнаго народнаго училища, 12 ноября сего года.

8. В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

а) священническія.

При Благовѣщенской церкви, города Харькова.

— Всѣхсвятской церкви, села Залиманья, Изюмскаго уѣзда.

— Александро-Свирской церкви, сл. Александровки, Старобѣльскаго . . .

— Троицкой церкви, сл. Бурлоя, Зміевскаго уѣзда.

б) діаконскія.

При Христорождественской церкви, слоб. Боромля, Ахтырскаго уѣзда.

в) П с а л о м щ и ц к і я :

При Харьковской Институтской Маріи Магдалины церкви.

— Сергіевской церкви при Харьковской 2-й мужской гимназіи.

- При Осіе-Андреевской церкви, Харьковского реального училища
 — Рождество-Богородичной церкви, сл. Масловки, Зміевского уѣзда.
 — При вновь устроенной церкви въ поселѣ Раздолѣ, Зміевского у.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Журнальными опредѣленіями XIX очередного епархіального съѣзда духовенства, утвержденными Его Высокопреосвященствомъ 15 октября с. г., во 1-хъ, выражена благодарность за понесенные труды, со внесеніемъ въ послужные списки, предсѣдателю съѣзда протоіерею Петру Полтавцеву, дѣлопроизводителямъ: протоіерею Алексію Станиславскому и священнику Іоанну Дмитріеву и, кромѣ того выражена благодарность всѣмъ Коммиссіямъ Епархіального Съѣзда, которыя были составлены по разнымъ предметамъ во время Съѣзда, и во 2-хъ, слѣдующій Очередной Епархіальный Съѣздъ духовенства назначенъ на 1 сентября 1906 года.

РОСПИСАНІЕ

утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ 1-го ноября 1905 года, очереднаго проповѣдыванія слова Божія протоіереямъ и священникамъ г. Харькова и подгороднихъ селеній въ Каѳедральномъ соборѣ, въ воскресные и праздничные дни, и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ, въ храмовые ихъ праздники, въ теченіе 1906 года.

Январь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1. Новый Годъ—свящ. Петръ *Оомишъ*. 6. Богоявленіе—свящ. Андрей *Жадановскій*. 8. Недѣля 31 по просвѣщеніи—свящ. Георгій *Рудинскій*. 15. Недѣля 32—свящ. Іоаннъ *Петровскій*. Въ приходскихъ церквахъ: 16. Поклоненіе веригамъ св. Апостола Петра—свящ. Θεодоръ *Кіаницынъ*. 17. Преподобнаго Антонія Велпкаго—прот. Тимоѳей *Буткевичъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 22. Недѣля 33 о Мытарѣ и Фарисеѣ—свящ. Іоаннъ *Горайнъ*. 29. Недѣля 34 о Блудномъ сынѣ—свящ. Петръ *Скубачевскій*. Въ приходской церкви: 30. Соборъ трехъ святителей—свящ. Владиміръ *Шановаловъ*.

Февраль.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 2. Срѣтеніе Господне—свящ. Сергій *Уманцевъ*. 5. Недѣля мясопустъ—свящ. Михаилъ *Клячный*. Въ

домовой церкви: 8. Влм. Θεодора Стратилата—святц. Никандръ *Чернелевскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 12. Недѣля сыропустъ—прот. Василій *Поповъ*. 19. Недѣля 1-я Великаго поста, торжество православія—святц. Василій *Яновскій*. 26. Недѣля 2-я Великаго поста—прот. Петръ *Мигулинъ*.

М а р т ъ.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 5. Недѣля 3-я Великаго поста крестоноклонная—прот. Андрей *Балановскій*. 12. Нед. 4-я прот. Георгій *Чеботаревъ*. 19. Недѣля 5-я—святц. Михайль *Энеидовъ*. 25. Благословеніе Пресвятыя Богородицы—святц. Іоаннъ *Котовъ*. Въ приходской церкви: прот. Николай *Θеодоровъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: Лазарево воскрешеніе (перенесеніе вербы)—святц. Петръ *Вишняковъ*. 26. Недѣля ваіѣ—прот. Стефанъ *Любичскій*. 31. Великій пятокъ—прот. Василій *Добровольскій*.

А п р ѣ л ѣ.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 3. 2-й день Св. Пасхи—прот. Дмитрій *Говоровъ*. Въ приходской церкви:—прот. Николай *Соколовскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 9. Недѣля 2-я о Θомѣ—прот. Василій *Ветуховъ*. 16. Недѣля 3-я Женъ Мряносицъ—святц. Михайль *Сѣжирскій*. Въ приходской церкви:—прот. Николай *Любарскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 22. Перенесеніе чудотворной иконы Озерянской Божіей Матери—прот. Николай *Любарскій*. 23. Недѣля о разслабленномъ—прот. Іоаннъ *Пичета*. Въ приходской церкви: Тѣлоуменитство Императрицы Александры Θεодоровны—святц. Іоаннъ *Толмачевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 26. Преполовеніе св. пятидесятницы—прот. Іоаннъ *Гончаревскій*. 30. Недѣля 5-я о Самарянипѣ—святц. Мовсей *Петровъ*.

М а ѣ.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 6. Рожденіе Государа Императора—святц. Іоаннъ *Филевскій*. 7. Недѣля 6-я о слѣдномъ—прот. Панкратій *Ивановъ*. Въ домовой церкви:—святц. Василій *Самойловъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 8. Апостола Іоанна Богослова—святц. Іоаннъ *Филипповичъ*. Въ домовыхъ церквахъ:—святц. Сергій *Посельскій*, святц. Андрей *Дмитріевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 9. Перенесеніе мощей Николая Чудотворца—святцен. Александръ *Теряевъ*. Въ приходской церкви: прот. Александръ *Θеодоровскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 11. Вознесеніе Господне—прот. Петръ *Полтавцевъ*. Въ приходскихъ церквахъ:—прот. Георгій *Чебота-*

ревъ, свящ. Евсевій *Веніаминовъ*. Въ кафедральномъ соборѣ: 14. Недѣля 7-я св. отецъ (боронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ)—свящ. Николай *Вознесенскій*. 21. Пятидесятница—прот. Андрей *Любарскій*. Въ приходскихъ церквахъ:—свящ. Георгій *Введенскій*, свящ. Іоаннъ *Крушодольскій*, свящ. Аеавасій *Толмачевъ*. Въ Кафедральномъ соборѣ: 22 День Св. Духа—прот. Николай *Сокольскій*. Въ домовой церкви: прот. Николай *Гутниковъ*. Въ Кафедральномъ соборѣ: 25. 3-е обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи (Рожденіе Императрицы Александры Ѳеодоровны)—св. Павелъ *Грома*. 28. Недѣля 1 я всѣхъ святыхъ—свящ. Григорій *Виноградовъ*. Въ приходской церкви:—свящ. Николай *Кратировъ*.

І ю н ъ.

Въ Кафедральномъ соборѣ: 4. Недѣля 2-я—свящ. Павелъ *Тимощевъ*. 11. Недѣля 3-я—свящ. Іоаннъ *Крушодольскій*. 18. Недѣля 4-я—прот. Павелъ *Григоровичъ*. Въ приходской церкви: 24. Рождество Іоанна Предтечи—свящ. Михайлъ *Клячнѣй*. Въ Кафедральномъ соборѣ: 25. Недѣля 5-я—прот. Петръ *Тимощевъ*. 29. Апостоловъ Петра в Павла—прот. Павелъ *Солнцевъ*. Въ приходской церкви:—прот. Дмитрій *Говоровъ*.

І ю л ъ.

Въ Кафедральномъ соборѣ: 2. Недѣля 6-я—свящ. Іоаннъ *Толмачевъ*. Въ домовой церкви: 8. Явленіе Казанской иконы Божіей Матери—свящ. Михайлъ *Юшковъ*. Въ Кафедральномъ соборѣ: 9. Недѣля 7-я—свящ. Іоаннъ *Иннокоевъ*. 16. Недѣля 8 я Св. Отецъ—свящ. Николай *Шосте*. 22. Тезоименитство Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны—свящ. Николай *Липскій*. 23. Недѣля 9-я—свящ. Василій *Самойловъ*. 27. Св. великомученика Пантелеимона—свящ. Іоаннъ *Приходинъ*. 30. Рожденіе Государя Императора (недѣля 10 по пятидесятницѣ)—инспекторъ семинаріи свящ. Алексѣй *Юшковъ*.

А в г у с т ъ.

Въ Кафедральномъ соборѣ: 6. Преображеніе Господне недѣля 11-я—прот. Николай *Ѳеодоровъ*. Въ приходской церкви—священ. Петръ *Ѳоминъ*. Въ Кафедральномъ соборѣ: 13. Недѣля 12-я—свящ. Александръ *Луценко*. Въ домовой церкви: 15. Успеніе Пресвятыи Богородицы—свящ. Василій *Яновскій* Въ Кафедральномъ соборѣ: 20. Недѣля 13-я—свящ. Іоаннъ *Матулинъ* 27. Недѣля 14 я—прот. Андрей *Любарскій*. Въ Кафедральномъ соборѣ: 29. Усѣкно-

веніе главы Іоанна Предтечи—прот. Николай *Гутниковъ*. Въ приходской церкви:—прот. Іоаннъ *Левитскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 30. Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго—свят. Владиміръ *Шановаловъ*. Въ приходской церкви:—свят. Александръ *Соколовскій*.

С е н т я б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 3. Недѣля 15-я—свят. Николай *Кратировъ*. 8. Рождество Пресв. Богородицы—свят. Леонидъ *Твердохтовоъ*. Въ приходскихъ церквахъ:—прот. Василій *Добровольскій* и свят. Александръ *Захаревъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 10. Недѣля 16-я—свят. Михаилъ *Юшковъ*. 14. Воздвиженіе Креста Господня—прот. Никандръ *Онисевичъ*. Въ приходской церкви:—прот. Павелъ *Григоровичъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 17. Недѣля 17-я—свят. Константинъ *Дьяковъ*. 24. Недѣля 18-я—свят. Андрей *Жидановскій*. 26. Преставленіе Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова—свят. Сергій *Уманцевъ*. Въ приходской и домово́й церквахъ:—инспекторъ семинаріи свят. Алексѣй *Юшковъ*, свят. Маркіянъ *Федоровскій*.

О к т я б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1. Недѣля 19-я Покровъ Пресвятыя Богородицы—свят. Данилъ *Поповъ*. Въ домово́й церкви:—свят. Николай *Шосте*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 5. Тезоименитство Государя Наслѣдника—свят. Іоаннъ *Дмитревскій*. 8. Недѣля 20-я Св. Отецъ 7-го Вселен. Собора—свят. Михаилъ *Слуцкий*. 15. Недѣля 21-я—свят. Моисей *Петровъ*. 17. Пр. Осін. Воспоминаніе чудеснаго спасенія Царской семьи при крушеніи поѣзда близъ станціи Борки К.-Х.-С. ж. дороги—свят. Іоаннъ *Филевскій*. 21. Восшествіе на престолъ Государя Императора Николая Александровича—Ректоръ Семинаріи прот. Іоаннъ *Знаменскій*. 22. Казанской иконы Божіей Матери—свят. Петръ *Скубачевскій*. Въ домово́й церкви: 24. Празднованіе образа Всѣхъ Скорбящихъ Радости—свят. Михаилъ *Сыкирскій*. Въ приходской церкви: 26. Св. великомуч. Дмитрія—прот. Іоаннъ *Чижевскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 29. Недѣля 23-я—прот. Петръ *Мишулинъ*. Въ приходской церкви: 30. Озерянской иконы Божіей Матери—свят. Василій *Попомаревъ*.

Н о я б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 5. Недѣля 24-я—свят. Іоаннъ *Горайнъ*. Въ приходской церкви: 8. Соборъ Архистратига Михаила—

прот. Петръ *Полтавцевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 12. Недѣля 25 я—свят. Сергій *Поселскій*. Въ домовоѣ церкви: 13. Св. Іоанна Златоустаго—свят. Александръ *Терлеѳъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 14. Рожденіе Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны—свят. Николай *Вознесенскій*. 19. Недѣля 26-я—свят. Никандръ *Чернилевскій*. 21. Введеніе во храмъ Пр. Богород.—свят. Давидъ *Поповъ*. Въ домовыхъ церквахъ: 23. Великаго Князя Александра Невскаго—прот. Павелъ *Солнцеѳъ* и свят. Михайлъ *Слуцкій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 26. Недѣля 27-я—прот. Николай *Соколовскій*.

Д е к а б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 3. Недѣля 28 я—свят. Григорій *Виноградовъ*. Въ домовоѣ церкви: 4. Св. великомучен. Варвары—свят. Іоаннъ *Котовъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 6. Тезоименитство Государя Императора и Святителя Николая Мирлиц. Чудотворца—свят. Петръ *Вишняковъ*. Въ приходскоѣ церкви:—свят. Панкратій *Івановъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 10. Недѣля 29-я—свят. Михайлъ *Энеидовъ*. Въ домовоѣ церкви: 12. Святителя Спиридона—свят. Іоаннъ *Мантулинъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 17. Недѣля 30-я—прот. Василій *Поповъ*. 24. Недѣля 31 предъ Рождествомъ—свят. Георгій *Введенскій*. 25. Рождество Ісуса Христа—свят. Николай *Липскій*. 26. Соборъ Пресвят. Бородиницы—свят. Іоаннъ *Инноковъ*. Въ домовоѣ церкви:—прот. Андрей *Балановскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 31. Недѣля 32-я—свят. Александръ *Луценко*.

Ж У Р Н А Л Ы

съѣзда духовенства Харьковского училищнаго округа 20—21 сентября 1905 года.

О. о. уполномоченные съѣзда Харьковского училищнаго округа собравшись 20 сентября 1905 г. въ 11 часовъ утра, въ числѣ 11 человекъ, и, по молитвѣ, закрытою баллотировкою избравъ въ утреннемъ засѣданіи предсѣдателемъ съѣзда священника Успенскоѣ церкви, слоб. Заводовъ, Волчанскаго уѣзда, Александра Чернявскаго и единогласно, открытою подачею голосовъ, дѣлопроизводителемъ съѣзда священника Покровскоѣ церкви, села Алексѣевки, Валковскаго уѣзда, Андрея Попомарева,—разсматривали

смыту прихода в расхода денежных суммъ по содержанію Харьковскаго Духовнаго училища и училищнаго общежитія, составленную правленіемъ училища на 1906 годъ, изъ которой видно, что на приходъ ожидается поступленіе 39,242 руб. 46 коп., а расходъ исчисленъ въ 38,840 руб. 32 коп., такъ что приходъ превышаетъ расходъ на 402 руб. 14 коп. По тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ статей смѣты, постановили: смѣту прихода в расхода на 1906 г. принять безъ измѣненія и передать въ правленіе училища для руководства, а вмѣствующій образоваться остатокъ денежных суммъ въ 1906 году, согласно смѣты прихода в расхода, причислить къ запасному капиталу.

Въ вечернемъ засѣданіи, собравшись въ числѣ 13 человекъ 1) слушали прошеніе помощника смотрителя Харьковскаго Духовнаго училища Александра Малишевскаго о разрѣшеніи ему пользоваться денежнымъ пособіемъ въ суммѣ 300 руб. въ годъ, каковымъ пособіемъ пользовался и его предшественникъ. Постановили: принимая во вниманіе, что Малишевскій на прежнемъ мѣстѣ получалъ большее содержаніе, а также дороговизну харьковской жизни, въ особенности для семейнаго человѣка, назначить ему добавочное содержаніе въ 300 руб. со дня поступленія его на службу въ Харьковское Духовное училище, по примѣру его предшественника, и внести означенную добавку въ смѣту расходовъ на 1906 годъ. 2) Разсматривали вѣдѣчковые вѣдомости за 1904 годъ по церквамъ Харьковскаго училищнаго округа и нашли, что продажа велась правильно и денежные суммы за вѣдѣчки поступили полностью. 3) Слушали журналъ временно-ревизионнаго комитета по Харьковскому Духовному училищу о результатахъ повѣрки экономическаго отчета училища за 1904 годъ и наблюденіи за производствомъ расхода благоустройствомъ того же училища въ текущемъ 1905 году и постановили: принять къ свѣдѣнію. 4) Слушали отношеніе Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища на имя правленія духовнаго училища, отъ 18 сентября н. г., за № 782, съ изложеніемъ лицеваго счета духовнаго училища по займу 1900—1901 годовъ и погашенію его съ $\frac{1}{2}$ % при чемъ оказалось, что по 12 сентября н. г. за училищнымъ остается всего долга 79 руб. 46 коп., постановили: продолжать взносъ, производимый церквами округа на уплату долга по строительнымъ нуждамъ Харьковскаго Духовнаго Училища въ суммѣ 9.000 рублей еще на 1906 годъ и въ первомъ полугодіи 1906 года погасить остатокъ долга Епархіальному Женскому училищу въ суммѣ 79

руб. 46 коп. в на остальную сумму полугодичнаго взноса (4500 руб.) приобрести процентныя бумаги для возврата таковыхъ Харьковскому Духовному училищу въ счетъ уплаты долга по займу въ 6.800 руб. на строительныя нужды изъ непркосновеннаго капитала училища, а въ слѣдующемъ полугодіи 1906 года, по уплатѣ остатка долга духовному училищу, остатокъ взноса причислить въ запасному капиталу училища и имѣть о дальнѣйшемъ назначеніи этого остатка сужденіе въ очередномъ сѣздѣ духовенства училищнаго округа въ 1906 году. 5) Слушали сообщеніе правленія Харьковскаго Духовнаго училища, отъ 20 сентября н. г. за № 266, о томъ, что оно нашло возможнымъ въ истекшіе каникулы, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, произвести: а) перестройку квартиръ для надзирателей училища, во исполненіе постановленія сѣзда духовенства 1901 г. на то что израсходовано 850 руб. 65 коп., болѣе ассигнованной суммы на 350 руб. 65 к., б) исправленія въ сѣти училищнаго газо-провода, на что перерасходовано 246 руб. 35 коп., в) въ исправленіе трубы для спуска воды помойной въ зданіи больницы, на что израсходовано 76 руб. и г) выстилку плитамъ завода Бергенгейма половъ въ банѣ и умывальной комнатѣ на сумму 248 руб. менѣе назначеннаго на 57 руб., постановили принять въ свѣдѣнію. 6) Слушали прошеніе учителя Духовнаго училища Владимира Марченко, въ коемъ онъ заявляетъ, что прослуживъ въ Харьковскомъ Духовномъ училищѣ 26 лѣтъ (съ 15 августа 1879 г.), вслѣдствіе большой дороговизны жизни въ г. Харьковѣ, онъ не только не могъ собрать себѣ никакихъ средствъ, но часто даже принужденъ былъ занимать деньги для прожитія и отказывать себѣ, въ самомъ необходимомъ, почему и просить сѣздъ выдать ему въ единовременное пособіе 300 руб., постановили: принимая во вниманіе долговременную и усердную службу учителя Владимира Марченко, назначить ему въ единовременное пособіе 200 руб. изъ остаточныхъ средствъ 1905 года, если таковыя окажутся, а если нѣтъ, то изъ остаточныхъ средствъ послѣдующаго 1906 года. 7) Слушали прошеніе надзирателей-репетиторовъ Духовнаго училища Ивана Чистосердова, Ильи Архангельскаго, Ивана Лобковскаго, Федора Макаровскаго и Николая Липенко объ увеличеніи имъ оклада содержанія получаемаго въ размѣрѣ 350 руб. въ годъ, въ виду того, что съ 1904 года увеличены часы вечернихъ занятій съ учащимися и что они обязаны ношеніемъ форменной одежды, которая требуетъ значительныхъ затратъ. Постановили увеличить оклады содержанія надзирателей-

репетиторовъ училща на 50 рублей въ годъ каждому, въ надеждѣ, что они съ особымъ усердіемъ отнесутся къ своимъ обязанностямъ репетированія учащихся, въ особенности малоусиѣвающихъ въ наукахъ; добавочное содержаніе выдавать съ 1 сентября н. г. изъ остаточныхъ суммъ 1905 года, если таковыя окажутся, а если нѣтъ, то съ 1 января 1906 г. изъ взноса отъ церквей округа, производимаго на погашеніе долга по стропельнымъ нуждамъ училща

8) Слушал докладъ правленія Харьковскаго Духовнаго училща отъ 20 сент. н. г. за № 270, 1) объ ассигнованіи добавочнаго вознагражденія временному писцу при канцеляріи училща въ размѣрѣ 60 руб. въ годъ, что съ получаемыми имъ 60 руб. составятъ 120 руб., такъ какъ писмоводитель, находясь почти безотлучно въ канцеляріи, не въ силахъ одинъ вести канцелярское дѣло училща и 2) о разрѣшеніи Правленію Училща, по его усмотрѣнію, выдавать изъ остаточныхъ суммъ до 100 рублей выѣзднымъ служащимъ училща—писмоводителю, фельдшеру и кастеляншѣ въ видѣ наградныхъ къ празникамъ для поощренія ихъ въ ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей. Постановили: увеличить содержаніе временнаго писца при канцеляріи училща на 60 р. въ годъ, выдавая таковыя съ 1 сентября н. г., а равно разрѣшить Правленію Училща расходовать до 100 руб. въ годъ на единовременныя награды фельдшеру, писмоводителю и кастеляншѣ, если они, по усмотрѣнію Правленія Училща, будутъ заслуживать поощренія; указанные расходы 60 руб. на добавочное жалованье писцу и до 100 руб. на награды фельдшеру, писмоводителю и кастеляншѣ заимствовать изъ остаточныхъ средствъ отъ смѣтнаго назначенія, если таковыя будутъ оставаться“. На этомъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „1905 г. сентября 22. Къ исполненію“.

Въ утреннемъ засѣданіи 21-го сентября о.о. уполномоченные Съѣзда: 1) избрали посредствомъ закрытой баллотировки членами временно-ревизионнаго Комитета для провѣрки экономическаго отчета по Харьковскому Духовному Училщу за 1905 годъ и для наблюденія за производствомъ расхода и благоустройствомъ того же училща въ 1906 году слѣдующихъ лицъ: г. Харькова Преображенской церкви священника Сергѣя Уманцева, Харьковскаго уѣзда, слоб. Жихора, Николаевской церкви священника Іоанна Калюжнаго, г. Харькова церкви Богоугодныхъ заведеній священника Михаила Слуцкаго. 2) Постановили: назначить будущій очередной Съѣздъ духовенства Харьковскаго Училщнаго округа на

19 сентября 1906 года. 3) Выразить благодарность предсѣдателю и секретарю за понесенные ими труды. На этомъ журналъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „1905 года сентября 22. Утверждается“.

О Т Ч Е Т Ъ

о дѣятельности Харьковскаго Епархіальнаго Братства во имя
Озерянской Божіей Матери

со времени его открытія 25 января 1904 года по 1 октября
1905 года.

(Продолженіе *).

Во Благовѣщенской церкви чтенія вели: протоіерей Василій Поповъ и протоіерей Николай Федоровъ по слѣдующей программѣ: 12 декабря (протоіерей Поповъ) объясненіе перваго члена Символа вѣры: о Богѣ Отцѣ, Сынѣ Божіемъ и Св. Духѣ; общее гѣше моливъ молящимся; 26 декабря (тотъ же протоіерей): а) продолженіе объясненія перваго члена Символа вѣры: о Богѣ Творцѣ неба и земли и всего видимаго и невидимаго и б) о праздникѣ Рождества Христова; 2-го января (протоіерей Федоровъ) первое, второе и третье прошенія молитвы Господней; 16-го января (онъ же) четвертое, пятое, шестое и седьмое прошенія молитвы Господней; 30 января (онъ же) о правлахъ жизни, или христіанской нравственности; 13 февраля (онъ же) о первой заповѣди Закона Божія; 27 февраля (онъ же) продолженіе чтенія о первой заповѣди; 13 марта (онъ же) о грѣхахъ противъ первой заповѣди Закона Божія; 27 марта (онъ же) о второй заповѣди Закона Божія; 10 апрѣля (онъ же) чтеніе о Святой землѣ.

Во Вознесенской церкви чтенія вели: протоіерей Чеботаревъ и священникъ Д. Поповъ по слѣдующей программѣ.—17 октября (протоіерей Чеботаревъ) сотвореніе міра и чьлонѣка; 24 октября (прот. Чеботаревъ) бѣясненіе Апостольскаго и Евангельскаго чтенія; (свящ. Поповъ) грѣхонаденіе прародителей; первородный грѣхъ; обѣтованіе о Спасителѣ; значеніе ветхозавѣтныхъ жертвъ; 31 октября (прот. Чеботаревъ) бѣясненіе Апостольскаго и Евангельскаго чтенія; (свящ. Поповъ) нравственно-религіозное состояніе чьлонѣка до потопа; потопъ; 8 ноября (прот. Чеботаревъ) объ Ангелахъ и Ангелѣ хранителѣ; (свящ. Поповъ) исторія рода чьлонѣческаго послѣ потопа; дѣти Ноя; появленіе идолопоклонства; 14 ноября

*) См. „Извѣст. по Харьковской епархіи“ № 20 за 1905 годъ.

(прот. Чеботаревъ) объясненіе Апостольскаго и Евангельскаго чтенія; (свящ. Поповъ) призваніе Авраама, принесеніе Исаака въ жертву; преобразовательное значеніе этой жертвы; Исаавъ и Иаковъ; 21 ноября (прот. Чеботаревъ) о введеніи во храмъ Пресвятой Богородицы; (свящ. Поповъ) дѣти Иакова; исторія Іосифа и ея преобразовательное значеніе; 28 ноября (прот. Чеботаревъ) объясненіе Апостольскаго и Евангельскаго чтенія; (свящ. Поповъ) Моисей; исходъ изъ Египта; Пасха; дарованіе евреямъ закона; 6 декабря (прот. Чеботаревъ) житіе святителя Николая; (свящ. Поповъ) странствованіе евреевъ по пустынѣ; ропоть и возмущенія; мѣдный змій; 12 декабря (прот. Чеботаревъ) объясненіе Апостольскаго и Евангельскаго чтенія; (свящ. Поповъ) вступленіе евреевъ въ землю обѣтованную; Іисусъ Навинъ; періодъ судей; судія Самуилъ; 19 декабря (прот. Чеботаревъ) бесѣда о приготовительныхъ недѣляхъ къ празднику Рождества Христова; (свящ. Поповъ) періодъ царей; царь и пророкъ Давидъ; 26 декабря (прот. Чеботаревъ) бесѣда о праздникѣ Рождества Христова; (свящ. Поповъ) о царѣ Соломонѣ; построеніе храма; книга Екклезіастъ; 23 января (свящ. Поповъ) страсти духовныя и телѣсныя—коренная причина слѣпоты духовной; (прот. Чеботаревъ) голосъ, призывающій насъ къ Богу; 6-го февраля (свящ. Поповъ) о фарисейской гордости къ прямѣнению къ христіанамъ; 13 февраля (прот. Чеботаревъ) нужно осторожно пользоваться духовною свободою, приобретаемою вѣрующими во Христа; 20 февраля (свящ. Поповъ) объясненіе Апостольскихъ словъ: „Бранию насъ не поставляютъ предъ Богомъ“; 27 февраля (протоіерей Чеботаревъ) отчего покаяніе наше, столько разъ повторяемое, часто не спасаетъ христіанъ; 6 марта (свящ. Поповъ) достойно ли мы носимъ на себѣ званіе русскихъ людей; 13 марта (прот. Чеботаревъ) заслуги предъ церковію св. Григорія Паламы; 20 марта (свящ. Поповъ) изъ чего славається крестъ каждаго изъ насъ; 27 марта (прот. Чеботаревъ) назидательные уроки изъ жизни св. Іоанна Лѣствичника; 3 апрѣля (свящ. Поповъ) плоды искупительныхъ заслугъ Іисуса Христа; 10 апрѣля (прот. Чеботаревъ) о чемъ плакалъ Господь при входѣ въ Іерусалимъ?

Въ Николаевской церкви чтенія велич протоіерей: Александръ Федоровскій и Паискратій Ивановъ по слѣдующей программѣ: 17 октября (прот. Федоровскій) объясненіе Евангельскаго чтенія; 21 октября (прот. Ивановъ) о принятствіяхъ къ нашему спасенію; 31 октября (прот. Федоровскій) о почитаніи священныхъ предметовъ и о воскресеніи мертвыхъ; 7 ноября (прот. Ивановъ) о любви къ ближнимъ; 14 ноября (протоіерей Федоровскій) о христіанскомъ пользованіи земными благами; 21 ноября (прот. Ивановъ) о значеніи храма въ жизни христіанской; 28 ноября (прот. Федоровскій) о званныхъ на вечерю; 5 декабря (прот. Ивановъ)

остерегайтесь людей душевно-прокаженныхъ; 6 декабря (прот. Федоровскій) о святителѣ Николаѣ; 12 декабря (прот. Ивановъ) объ исцѣленіи Іерихонскаго слѣпца; 26 декабря (прот. Ивановъ) бесѣда о томъ, что христіанинъ никогда не долженъ отчаяваться въ своемъ спасеніи; 2 января (прот. Федоровскій) житіе св. Василия Великаго; 9 января (прот. Ивановъ) житіе св. Филиппа, Митрополита Московскаго; 16-го января (прот. Федоровскій) житіе преп. Антонія Великаго; 23 января (прот. Ивановъ) житіе святителя Григорія Богослова; 30 января (прот. Федоровскій) житіе преподобнаго Ефрема Сирина; 2 февраля (прот. Федоровскій) о срѣтеніи Господнемъ; 6 февраля (прот. Ивановъ) о свойствахъ истиннаго покаянія; 13 февраля (прот. Федоровскій) о блудномъ сынѣ; 20 февраля (прот. Ивановъ) о загробномъ вздовозданіи; 27 февраля (прот. Федоровскій) о пользѣ поста; 6 марта (прот. Ивановъ) о почитаніи св. иконъ; 13 марта (прот. Федоровскій) объ исцѣленіи разслабленнаго въ Капернаумѣ; 20-го марта (прот. Ивановъ) бесѣда о томъ, что каждый христіанинъ долженъ нести свой крестъ; 27 марта (прот. Федоровскій) о значеніи скорбей въ человѣческой жизни; 3 апрѣля (прот. Ивановъ) бесѣда о томъ, — когда наша молитвы къ Богу бываютъ не услышаны и бесплодны; 10 апрѣля (прот. Федоровскій) о нѣкоторыхъ примѣрахъ лукавства.

Въ Рождество-Богородичной церкви чтенія вели протоіерей: Добровольскій и Любарскій по слѣдующей программѣ: о чинѣ Божественной литургіи св. Іоанна Златоустаго: 17-го октября — великая эктениа на литургіи; 24 октября — чинъ литургіи оглашенныхъ до сугубой эктении; 31 октября — сугубая эктениа и эктениа за оглашенныхъ; 7-го ноября — двѣ малыхъ эктении и херувимская пѣснь; 14 ноября — просительная эктениа и пѣніе Символа вѣры; 21 ноября — исторія Введенія во храмъ Пресвятой Дѣвы Маріи; 28-го ноября — порядокъ овершенія на литургіи таинства Евхаристіи; 12-го декабря — порядокъ и составъ божественной литургіи послѣ совершенія таинства Евхаристіи до конца; 19-го декабря — исторія Рождества Господа нашего Іисуса Христа; 26 декабря поклоненіе волхвовъ; бѣгство Іосифа въ Египеть и его возвращеніе. Всѣ эти чтенія велѣ протоіерей Василій Добровольскій. 16-го января (прот. Добровольскій) таинства, какъ средства освященія; 23 января (прот. Любарскій) таинство крещенія; 30 января (прот. Добровольскій) продолженіе о таинствѣ крещенія; 6-го февраля (прот. Любарскій) о таинствѣ миропомазанія; 13-го февраля (прот. Добровольскій) притча о блудномъ сынѣ; 20-го февраля (прот. Любарскій) таинство покаянія; 27 февраля (прот. Добровольскій) таинство св. причащенія; 6-го марта (прот. Любарскій) продолженіе о таинствѣ причащенія; 13-го марта (прот. Добровольскій) продолженіе о

таняствѣ причащенія; 20 марта (прот. Любарскій) окончаніе о таинствѣ причащенія; 27 марта (прот. Добровольскій) исторія воскрешенія Лазаря; 3-го апрѣля (прот. Любарскій) о св. Землѣ; 10 апрѣля (прот. Добровольскій) торжественный входъ Господа во Іерусалимъ.

Въ Свято-Духовской церкви чтенія вели: протоіерей Тимофеевъ, священникъ Шосте и священникъ Введенскій, по слѣдующей программѣ: 17 октября (прот. Тимофеевъ) о сотвореніи міра и грѣхопаденіи; 24-го октября (свящ. Шосте) о всемірномъ потопѣ и появленіи язычества; 31 октября (свящ. Введенскій) объ Авраамѣ и Исаакѣ; 7-го ноябрю (прот. Тимофеевъ) объ Іаковѣ и Іосифѣ; 14-го ноябрю (свящ. Шосте) о писхѣ еврейской; 21-го ноябрю (свящ. Введенскій) о синаяскомъ законодательствѣ; 28 ноябрю (прот. Тимофеевъ) о вступленіи свреевъ въ ханаанскую землю; 6-го декабря о царяхъ еврейскаго народа (свящ. Шосте); 12 декабря (свящ. Введенскій) о св. пророкахъ; 19 декабря (прот. Тимофеевъ) о Вавилонскомъ плѣненіи; 2-го января (прот. Тимофеевъ) о пришествіи Спасителя въ міръ; 9-го января (свящ. Введенскій) объ Іоаннѣ Крестителѣ; 16 января (свящ. Шосте) объясненіе Евангельскаго чтенія; 23 января (свящ. Введенскій) объ Іерусалимѣ и его святыхъ; 30 января (прот. Тимофеевъ) о житіи трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго; 6-го февраля о мытарѣ и фарисеѣ; 13 февраля (свящ. Введенскій) объ исторической судьбѣ града Іерусалима; 20 февраля (прот. Тимофеевъ) о помяновеніи умершихъ въ недѣлю мясопустную; 27-го февраля о напутствіи на поприще поста и покаянія; 6-го марта (свящ. Введенскій) о чинѣ православія, совершаемомъ въ первую недѣлю великаго поста; 13-го марта (прот. Тимофеевъ) о св. Григоріи Паламѣ; 20-го марта (свящ. Введенскій) о крестѣ и его значеніи; 27-го марта о горѣ Синайской; 3 апрѣля (прот. Тимофеевъ) о житіи преподобной Маріи Египетской; 10 апрѣля (свящ. Введенскій) о праздникѣ входа Господа въ Іерусалимъ.

Въ Троицкой церкви чтенія велись протоіереемъ Гутниковымъ и священникомъ Тимофеевымъ по слѣдующей программѣ: 14 ноябрю (прот. Гутниковъ) въ чемъ состояло безуміе любостяжательнаго богача; 21-го ноябрю (свящ. Тимофеевъ) нащадательные уроки изъ евангельскаго повѣствованія; 28 ноябрю (прот. Гутниковъ) не слѣдуетъ отлагать покаянія до смертнаго часа; 12 декабря (прот. Гутниковъ) о вѣрѣ въ Бога и любви къ отечеству; 19 декабря (свящ. Тимофеевъ) уроки изъ евангельскаго чтенія; 26 декабря (прот. Гутниковъ) не слѣдуетъ идти безразсудно на встрѣчу опасности; 2 января (свящ. Тимофеевъ) сокрушеніе о грѣхахъ, какъ необходимое средство приближенія къ Богу; 9-го января (прот. Гутниковъ) призывъ чловѣка къ спасенію; 16 января (свящ. Тимофеевъ) пристрастіе

къ земному—служить препятствіемъ къ полученію блаженства на небесахъ; 23 января (прот. Гутниковъ) утѣшеніе въ скорбяхъ; 30-го января (свящ. Тимофеевъ) Всевѣдущій Господь содѣйствуетъ раскаянію грѣшника; 6-го февраля (прот. Гутниковъ) смиреніе есть необходимое условіе богоугодной молитвы; 13-го февраля (свящ. Тимофеевъ) о безконечномъ милосердіи Божиємъ; 20 февраля (прот. Гутниковъ) о приготовленіи къ Страшному Суду; 27 февраля (свящ. Тимофеевъ) прощеніе обидъ есть главное условіе полученія отъ Бога прощенія грѣховъ; 6-го марта (прот. Гутниковъ) о признакахъ присутствованія Господа въ душѣ христіанина послѣ приобщенія св. таинъ; 13 марта (свящ. Тимофеевъ) о благодатныхъ средствахъ, дарованныхъ намъ въ таинствахъ покаянія и причащенія; 20 марта (прот. Гутниковъ) о томъ, что послѣ покаянія и причащенія пужно стараться быть благочестивымъ; 27 марта (свящ. Тимофеевъ) житіе прендобнаго Іоанна Лѣтвичника; 3 апрѣля (прот. Гутниковъ) о прендобной Маріи Египетской; 10 апрѣля (свящ. Тимофеевъ) о послѣднихъ дняхъ жизни Господа нашего Іисуса Христа.

Въ Крестовоздвиженской церкви чтенія вели: протоіерей Григоровичъ и священникъ Любарскій по слѣдующей программѣ.—10-го октября (прот. Григоровичъ) главныя и общія условія для полученія Царствія Божія; 17 октября (свящ. Любарскій) о священномъ писаніи; 24 октября (прот. Григоровичъ) о происхожденіи Символа вѣры, 31 октября (свящ. Любарскій) о первомъ членѣ Символа вѣры; 7-го ноября (прот. Григоровичъ) о нераздѣльности лицъ св. Троицы; 14 ноября (свящ. Любарскій) ученія церкви о бытіи ангеловъ; 21 ноября (прот. Григоровичъ) о сотвореніи міра; 28 ноября (свящ. Любарскій) о второмъ членѣ Символа вѣры; 5 декабря (прот. Григоровичъ) о третьемъ членѣ Символа вѣры; 12 декабря (свящ. Любарскій) о пророкѣ Исаіи и о рожденіи отъ Дѣвы Емануила; 19 декабря (прот. Григоровичъ) о четвертомъ членѣ Символа вѣры; 26 декабря (свящ. Любарскій) о крестѣ Христовомъ; 9-го января (свящ. Любарскій) о пятомъ членѣ Символа вѣры; 16 января (прот. Григоровичъ) о шестомъ членѣ Символа вѣры; 23-го января (свящ. Любарскій) о седьмомъ членѣ Символа вѣры; 30 января (прот. Григоровичъ) о восьмомъ членѣ Символа вѣры; 6 февраля (свящ. Любарскій) о девятомъ членѣ Символа вѣры; 13 февраля (прот. Григоровичъ) продолженіе о девятомъ членѣ Символа вѣры; 20-го февраля (свящ. Любарскій) ученіе о таинствахъ; 27 февраля (прот. Григоровичъ) о таинствахъ крещенія и миропомазанія; 6-го марта (свящ. Любарскій) о таинствѣ причащенія; 13-го марта (протоіерей Григоровичъ) о таинствѣ покаянія; 20-го марта (свящ. Любарскій) о таинствахъ: священствѣ, бракѣ и елосвященіи; 27-го марта (прот. Григоровичъ) объ одиннадцатомъ членѣ Символа

вѣры; 3-го апрѣля (свящ. Любарскій) о двѣнадцатомъ слѣдѣ Символа вѣры; 10 апрѣля (свящ. Любарскій) о св. Землѣ; 17-го апрѣля (опъ же) обычай христосоваться и обмѣниваться красными яйцами; 18-го апрѣля (опъ же) о св. Землѣ.

ВО 2-мъ БЛАГОЧИННИЧЕСКОМЪ ОКРУГѢ.

Во Воскресенской церкви чтенія велъ священникъ Іоаннъ Горацнъ по слѣдующей программѣ: 9 января—о благодатномъ царствѣ Божиємъ на землѣ; 23 января—о христіанскихъ именахъ; 6 февраля—о совѣсти и о дняхъ приготовительныхъ къ великому посту; 20 февраля—о второмъ пришествіи Христовомъ; 6 марта—о православіи; 20-го марта—о крестоношеніи, 9 апрѣля—житіе преподобной Маріи Египетской.

Во Всѣхсвятской церкви чтенія вели священники: Кратировъ и Луценковъ и учитель Лащенковъ по слѣдующей программѣ: 17 октября (свящ. Луценковъ) о пророкѣ Данилѣ; (уч. Лащенковъ) житіе свв. Космы и Даміана; 24 октября (свящ. Кратировъ) о св. мученикахъ Маккавеехъ; (уч. Лащенковъ) о св. Аванасіи; 31 октября (свящ. Луценковъ) о рождествѣ Пресвятой Богородицы; (уч. Лащенковъ) житіе св. муч. Зиновія и Зиновія; 7 ноября (свящ. Кратировъ) о Благовѣщеніи Пресвятой Богородицы; (уч. Лащенковъ) житіе св. Феодора Стратилата; 14 ноября (свящ. Луценковъ) о Рождествѣ Христовомъ; (уч. Лащенковъ) житіе св. Грвгорія Паламы; 21 ноября (свящ. Кратировъ) о Срѣтеніи Господнемъ; (уч. Лащенковъ) житіе св. князя Михаила Тверскаго; 28 ноября (свящ. Луценковъ) о рождествѣ Іоанна Предтечи; (уч. Лащенковъ) житіе св. первомученика Стефана; 5 декабря (свящ. Кратировъ) о крещеніи Господнемъ; (уч. Лащенковъ) житіе Святителя Николая; 12 декабря (свящ. Луценковъ) о чудѣ Іисуса Христа на бракѣ въ Канѣ Галилейской; (уч. Лащенковъ) житіе св. Александра, Епископа Іерусалимскаго; 19 декабря (свящ. Кратировъ) объ ящѣленіи разслабленнаго при овчей куполи; (уч. Лащенковъ) житіе св. муч. Воишатія; 26 декабря (свящ. Луценковъ) о воскрешеніи сына Навинской вдовы; (уч. Лащенковъ) житіе Іосифа обручника; 2-го января (свящ. Луценковъ) о хожденіи Іисуса Христа по водамъ; 9 января (свящ. Кратировъ) о воскрешеніи дочери Таира; 16 января (свящ. Луценковъ) воскрешеніе сына Навинской вдовы 23 января (свящ. Кратировъ) объ ящѣленіи слѣпорожденнаго; 30 января (свящ. Луценковъ) объ усѣкновеніи главы Іоанна Предтечи; 2 февраля (свящ. Луценковъ) о Срѣтеніи Господнемъ; 6 февраля (свящ. Кратировъ) о любви къ Богу и ближнимъ; 13 февраля (свящ. Луценковъ) о преображеніи Господнемъ; 20 февраля (свящ. Кратировъ) о богатомъ и Лазарѣ; 27-го

февраля (свящ. Луценковъ) о воскресеніи Лазаря; 6 марта (свящ. Кратировъ) о входѣ Іисуса Христа въ Іерусалимъ; 13 марта (свящ. Луценковъ) о предательствѣ Іуды в тайной вечери; 20 марта (свящ. Кратировъ) о моленіи Іисуса Христа о чашѣ въ саду Геосеманскомъ; 25 марта (священ. Кратировъ) о благовѣщеніи Пресвятой Богородицы; 27 марта (свящ. Луценковъ) о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ у Пилата; 3 апрѣля (свящ. Кратировъ) о погребеніи Іисуса Христа; 10 апрѣля (свящ. Луценковъ) о Воскресеніи Христовомъ; (уч. Лашенковъ) чтеніе о святой землѣ.

Въ Димитріевской церкви чтеніе вели протоіерей: Чижевскій и Мигулицъ по слѣдующей программѣ: съ 3-го октября и по 7-го ноября протоіерей: Чижевскій и Мигулицъ поочередно вели пзъясненіе молитвы Господней, посвящая каждому прошенію особое чтеніе; 14 ноября (прот. Мигулицъ) о любви христіанской и о законѣ Божиємъ; 21 ноября (прот. Чижевскій) о введеніи во храмъ Пресвятой Богородицы; 28-го ноября (прот. Мигулицъ) о десяти заповѣдяхъ; 5 декабря (прот. Чижевскій) о первой заповѣди; 2-го января протоіерей Чижевскій) о второй заповѣди; 9-го и 16-го января (протоіерей Мигулицъ) о третьей заповѣди; 23 и 30 января (прот. Чижевскій) о четвертой заповѣди; 6 и 13 февраля (прот. Мигулицъ) о пятой заповѣди; 20 и 27 февраля (прот. Чижевскій) о шестой заповѣди; 13 и 20 марта (прот. Мигулицъ) о седьмой заповѣди; 27 марта (прот. Чижевскій) о восьмой заповѣди; 3 апрѣля (прот. Мигулицъ) о девятой и десятой заповѣдяхъ; 10 апрѣля (прот. Чижевскій) о входѣ Господа въ Іерусалимъ. Всѣ эти чтенія велись по изданіямъ Петербургскаго Братства Пресвятой Богородицы.

Въ Иоанно-Предтечевской церкви, села Основы, священниками: Георгіемъ Рудинскимъ и Михаиломъ Клячимъ съ 2 января по 10 апрѣля велось изъясненіе воскресныхъ Евангельскихъ чтеній.

Въ Казанской церкви „что на Лысой горѣ“ чтенія велъ свящ. Млханизъ Юшковъ по слѣдующей программѣ: съ 17 октября и по 12 декабря — изъясненіе воскресныхъ Евангельскихъ чтеній; 19 декабря — о рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа; 26 декабря — о первомученикѣ Архидіаконѣ Стефанѣ; 23 января — о слѣпотѣ тѣлесной и душевной; 30 января — о значеніи благочестія для жизни настоящей и будущей; 2 февраля — о Срѣтѣніи Господнемъ; 6-го февраля — о неосужденіи ближнихъ; 13 февраля о покаяніи и воссоединеніи съ Богомъ; 20 февраля — о побужденіи къ покаянію; 27 февраля о воздержаніи и прощеніи другъ другу обидъ; 6-го марта — о соблюденіи поста; 13 марта — о силѣ и значеніи слезной молитвы; 20 марта — о крестѣ Христовомъ, 25 марта — о Благовѣщеніи Пресвятой Богородицы; 27 марта — о необходимости съ тѣлеснымъ постомъ соединить и постъ духовный; 3 апрѣля — о Маріи Египетской; 10 апрѣ-

ля—о религіозномъ чувствѣ христіанина предъ наступленіемъ страстной седмицы.

Въ Озерянской церкви всѣ чтенія велъ священникъ Василій Пономаревъ; по слѣдующей программѣ: 17 и 24 октября—объ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ членѣ Символа вѣры; 31 октября—о христіанской молитвѣ, терпѣніи и надеждѣ; съ 7 ноября по 5 декабря—позъясненіе молитвы Господней; съ 12 декабря по 6 февраля—о девяти заповѣдяхъ блаженства, съ 13 февраля по 10 апрѣля—о десяти заповѣдяхъ Закона Божія.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Правленіе Братства Св. Велікомученицы Варвары покорѣйше проситъ братчиковъ пожаловать въ Общее Собраніе Братства, имѣющее быть 4-го декабря с. г. въ 12 часовъ дня въ зданіи Епархіальнаго женскаго училища. Предметы завѣтія: 1) обсужденіе годичнаго отчета, 2) выборъ членовъ Правленія на новое трехлѣтіе и 3) выборъ членовъ ревзійонной коммисіи.

II.

Содержаніе. II. Нареченіе и хиротонія во Епископа Сумскаго, Викарія Харьковской епархіи, ректора Владимірской духовной семинаріи, Архимандрита Евгенія. *Л. В.-та.*—Пастырское собраніе духовенства г. Харькова 17-го ноября, 1905 г.—*Служеники П. Оомки.*—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Отбытіе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ—Путешествіе Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ Успенскій Святгорскій монастырь.—Служеникъ Аггей Захаровичъ Любинскій, † 2 августа 1905 г.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Областной миссіонерскій съѣздъ въ Одессѣ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Приходская миссія.—Мѣра борьбы съ инославной пропагандой.—Объявленія.

Нареченіе и хиротонія во Епископа Сумскаго, Викарія Харьковской епархіи, ректора Владимірской духовной семинаріи, Архимандрита Евгенія.

26 и 27-го ноября 1905 г. происходило рѣдкое въ г. Харьковѣ церковное торжество: нареченіе и хиротонія бывшаго ректора Владимірской духовной семинаріи, архимандрита Евгенія, во Епископа Сумскаго, Викарія Харьковской епархіи.

Новохиротонисанный во Епископа, архим. Евгеній, въ міръ Іоаннъ Николаевичъ Бережковъ, родился 15-го марта 1864 г. въ селѣ Мостцахъ Владимірской губерніи и уѣзда. По окончаніи курса Валадимірской духовной семинаріи, съ званіемъ студента, Ив. Ник. въ томъ же году былъ опредѣленъ на должность учителя въ Аѳанасіевское народное училище, Владимірской губ., Александровскаго уѣзда. 1-го іюля 1887 г. онъ былъ назначенъ законоучителемъ въ Карабановское народное училище, Владимірск. губ., а 30-го августа того же года рукоположенъ въ діакона къ церкви села Карабанова. Овдовѣвъ, онъ усмотрѣлъ въ этомъ испытаніи перстъ Божій, ведущій его къ иного рода дѣятельности. Въ сентябрѣ 1893 г., Ив. Ник., согласно прошенію, былъ уволенъ за штагъ. Въ томъ же году онъ поступилъ въ число студентовъ Московской духовной академіи и окончилъ курсъ этой академіи въ 1897 г., съ правомъ на степень магистра богословія безъ устныхъ дополнительныхъ испытаній. 1-го поабря 1897 г. онъ былъ постриженъ въ монашество, съ нареченіемъ *Евгеніемъ*, а 9-го ноября рукоположенъ во іеромонаха. Въ томъ же мѣсяцѣ (28-го числа) іеромон. Евгеній назначенъ былъ инспекторомъ Владимірской духовной семинаріи, а 2-го марта 1899 г.—ректоромъ той же семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимадрита.

Съ должпостью ректора архим. Евгеній соединялъ также предсѣдательство въ Епархіальномъ Комитетѣ по разсмотрѣнію проповѣдей, произносимыхъ священно-церковно-служителями Владимірской епархіи. Въ то же время онъ состоялъ членомъ Епархіальнаго училищаго Совѣта и Совѣта Братства св. Александра Невскаго. Кроме того онъ несъ обязанности цензора „Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

При участіи о. Евгеніи издаиа въ 1900 г., по случаю 150 лѣтія Владимірской семинаріи, исторія этой семинаріи въ 3-хъ томахъ; пополнена новыми книгами ученическая бібліотека (на сумму до 3000 руб.); основано Общество вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ семинаріи (въ настоящее время у Общества имѣется капиталъ до 15,000 руб.); произведенъ ремонтъ семинарскихъ зданій, на сумму до 280,000

руб., и отремонтированъ на изысканія о. Евгеніемъ средства древній (начала XVII в.) семинарскій храмъ.

Ревностное исполненіе архимандритомъ Евгеніемъ всѣхъ возложенныхъ на него должностей и порученій обратили на него вниманіе высшаго начальства, а въ обществѣ сослуживцевъ снискали ему любовь и уваженіе. Награжденный орденами св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст., архимандритъ Евгений удостоился, наконецъ, и почести высшаго званія— епископскаго. 31-го октября текущаго года состоялось Высочайшее повелѣніе о бытіи архим. Евгению Епископомъ Сумскимъ, Викаріемъ Харьковской епархіи.

Нареченіе архим. Евгения во епископа „богоспасаемаго града Сумъ“ было совершено въ субботу 26-го ноября, въ 12 часовъ дня, въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря. По приглашенію Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, участіе въ нареченіи и хиротоніи приняли: Іоаннъ, епископъ Полтавскій и Переяславскій, Алексій, епископъ Таврический и Симферопольскій и Гавріилъ, епископъ Прилукскій, Викарій Полтавской епархіи. Прибывшіе въ Харьковъ Преосвященные, были встрѣчены на вокзалѣ представителями мѣстнаго духовенства: архимандритомъ Покровскаго монастыря Іосифомъ, благочинными церквей г. Харькова—протоіереемъ о. Петромъ Цолтавцевымъ и священникомъ о. Петромъ Ооминамъ и и. д. полиціймейстера г. Шостенко.

Къ 12 час. дня въ Покровскомъ монастырѣ собрались: архимандриты и игуменіи монастырей Харьковской епархіи, о. ректоръ Харьковской духовной семинаріи, городское духовенство, представители мѣстной администраціи и много народа. Около 12 час. въ Озерянскую церковь монастыря прослѣдовали „со славою“ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій и прибывшіе для хиротоніи Архиастрій.

Нареченіе совершено было въ слѣдующемъ порядкѣ: ³

По занятіи Высокопреосвященнымъ, облаченнымъ въ святительскую мантию и омофоръ, и прочими Архиастріями, облаченными въ мантии, своихъ кафедръ, ректоръ семинаріи,

прот. І. Знаменскій и Каѳедральный прот. С. Любичкій, принявши благословеніе отъ Архипастырей, прослѣдовали въ алтарь и вывели оттуда нарекаемаго архимандрита Евгенія. Сдѣлавъ 3 поклона Архипастырямъ, Архим. Евгеній принялъ благословеніе отъ всѣхъ Епископовъ, въ порядкѣ ихъ старшинства, и сталъ лицомъ къ нимъ, имѣя позади себя архимандритовъ. Секретарь Харьковской духовной консисторіи, И. О. Самойловичъ, прочиталъ слѣдующее: „Честный отецъ архимандритъ! По соизволенію Всепресвѣтлѣйшаго и Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора Николая Александровича, Самодержца Всероссійскаго, Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ благословляетъ вашу святыню быть епископомъ богоспасаемаго града Сумъ, викаріемъ Харьковской епархіи“. На это нарекаемый отвѣтилъ благодарностью и согласіемъ по слѣдующей формѣ: „Благословеніе Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода быть мнѣ, по соизволенію Его Величества Государя Императора Николая Александровича епископомъ Сумскимъ, викаріемъ Харьковской епархіи, приѣмлю съ благодареніемъ и нимало вопреки глаголю“.

Послѣ этого всѣ Епископы встали съ своихъ каѳедръ и совершили краткое молебствіе сами, безъ участія священнослужащихъ лицъ. По возгласѣ, сдѣланномъ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Архипастыри пропѣли: „Царю Небесный“, „Святый Боже“, „Пресвятая Троице“, „Отче нашъ“, тропарь „Благословенъ еси Христе Боже нашъ“ и кондакъ „Егда снишедъ языки слія“. Затѣмъ Первенствующій произнесъ сугубую эктенію съ особымъ прошеніемъ о новонарекаемомъ, а прочіе святители пѣли „Господи, помилуй“. По отпустѣ, протодіакономъ В. Вербицкимъ провозглашены были многолѣтія: Государю Императору и всему Царствующему Дому, Св. Синоду, присутствующимъ Архипастырямъ и нареченному во епископа Сумскаго архимандриту Евгенію. По окончаніи многолѣтія, Архипастыри снова заняли свои каѳедры, а архимандритъ Евгеній, предстоя имъ и къ нимъ обращаясь, произнесъ напечатанную нами въ началѣ этой квижки рѣчь.

Послѣ рѣчи архим. Евгеній принялъ отъ Высокопреосвященнаго благословеніе св. крестомъ и, облобызавъ послѣдній, былъ окропленъ св. водою. Этимъ и закончился чинъ нареченія во епископа. Архипастыри, во главѣ съ Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ, прослѣдовали „со славою“ изъ церкви въ архіерейскіе покои.

Въ воскресенье, 27-го ноября совершена была хиротонія архим. Евгенія въ санъ епископа Сумскаго. Къ 9 час. Каѳедральный соборъ сталъ наполняться городскимъ духовенствомъ и другими приглашенными на торжество лицами. Надѣво отъ архіерейскаго амвона заняли мѣста преподаватели Харьковской духовной семинаріи, а впереди ихъ игуменіи монастырей Харьковской епархіи. Правый клиросъ занялъ архіерейскій хоръ, а лѣвый—хоръ Харьковского мужскаго духовнаго училища. Впереди лѣваго клироса помѣстились старшія воспитанницы Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ съ ихъ начальницей. Въ числѣ молящихся находились: временный Харьковскій генераль-губернаторъ ген.-л. В. В. Сѣвницкій, Харьковскій губернаторъ генераль-маіоръ К. С. Старынкевичъ, попечитель Харьковскаго учебнаго округа т. с. М. М. Алексѣенко, городской голова д. с. с. А. К. Погорѣлко старшій предсѣдатель судебной палаты Е. А. Пушкинъ, прокуроръ судебной палаты С. С. Хрулевъ, окружной инспекторъ С. А. Раевскій, редакторъ журнала „Вѣра и Разумъ“ д. с. с. К. Е. Истомино, редакторъ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ д. с. с. профес. М. А. Остроумовъ, редакторъ-издатель „Южнаго Края“ с. с. А. А. Іозефовичъ, директора гимназій, директоръ коммерческаго училища, купеческій староста, и. д. полицеймейстера Шостенко, и представители другихъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений. Въ 9 час. въ соборъ прибылъ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій и былъ торжественно встрѣченъ: арх. Евгеніемъ; архим. Вассіаномъ, настоятелемъ Святогорскаго монастыря; архим. Іосифомъ, экономомъ архіерейскаго дома; благочиннымъ монастырей Харьковской епархіи, архим. Афанасіемъ; ректоромъ семинаріи, прот. І. П. Знаменскимъ; проф. прот. Т. Ив. Буткевичемъ;

кафедральнымъ прот. С. Любидкимъ; прот. І. Пичетою; инспекторомъ семинаріи свящ. А. М. Юшковымъ; благочиннымъ г. Харькова: прот. П. Полтавцевымъ и свящ. Оминымъ; ключаремъ собора прот. І. Н. Гончаревскимъ; священникомъ Г. М. Виноградовымъ; протодіакономъ В. Вербидкимъ, діакономъ и иподіаконами. Отъ архіерейскаго амвона и до царскихъ вратъ по обѣ стороны стало городское духовенство въ облаченіяхъ изъ золотой парчи. Послѣ обычной встрѣчи, облаченія и чтенія „часовъ“, изъ алтаря вышли въ полномъ облаченіи на амвонъ среди церкви и сѣли на приготовленныя заранѣе кафедры вышеназванные Преосвященные. Затѣмъ о. ректоръ семинаріи и протодіаконъ, испросивъ благословеніе у Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія и прочихъ Архіереевъ, удалились въ олтарь за новопосвящаемымъ. Выйдя изъ алтаря, архимандритъ Евгеній всталъ на ногахъ орла, изображеннаго на большомъ „орлецѣ“, и поклонился архіереемъ. Протодіаконъ провозгласилъ: „Приводится боголюбезнѣйшій, избранный и утвержденный архимандритъ Евгеній хиротонисатися во епископа богоспасаемаго града Сумъ. „Чесо ради пришелъ еси и отъ нашея мѣрности чесога просиши“, спросилъ приведеннаго Высокопреосвещенный Архіепископъ Арсеній. „Хиротонію архіерейскія благодати, преосвященнѣйшій“, отвѣчалъ вопрошаемый, держа въ рукахъ книгу съ изложеніемъ православной вѣры. „Како вѣруеши“, вторично спросилъ. Первенствующій,—и избранный къ рукоположенію громко прочиталъ, стоя лицомъ къ сидящимъ Святителямъ, Символъ вѣры „Вѣрую во единого Бога-Отца“ и т. д. По окончаніи Символа, онъ поклонился, а Владыка Архіепископъ, благословляя его, произнесъ: „благодать Бога Отца, Господа нашего Іисуса Христа и Св. Духа да будетъ съ тобою“. Затѣмъ новопосвящаемый, сопровождаемый ректоромъ семинаріи и протодіакономъ, всталъ на средину орла. Протодіаконъ снова возгласилъ: Приводится боголюбезнѣйшій, избранный и утвержденный архимандритъ Евгеній хиротонисатися во епископа града Сумъ“. „Яви намъ еще пространнѣе, спросилъ его Первенствующій Архіепископъ, како иновѣдуеши о свойствахъ трехъ Упостасей непостижимаго Божества“. Избран-

ный громко прочиталъ подробный Символь вѣры или, такъ называемое, исповѣданіе вѣры восточныхъ патріарховъ, ясно опредѣляющее личныя свойства Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго, Троицы Единосущной и Нераздѣльной. По окончаніи чтенія, онъ снова поклонился, а Архіепископъ, благословляя его, произнесъ: „Благодать Святаго Духа да будетъ съ тобою, просвѣщающая, укрѣпляющая и вразумляющая тя во всѣ дни жизни твоея“. Еще разъ избранный былъ переведенъ и поставленъ уже на голову орла, а протодіаконъ еще разъ провозгласилъ торжественное „Приводится“ и т. д. „Яви намъ еще пространнѣе, како исповѣдуеши, спрашиваетъ Первенствующій, о вочеловѣченіи чпостаснаго Сына и Слова Божія и како содержиши каноны святыхъ апостолъ и св. отецъ, преданія и установленія церковная“. Новоосвящаемый прочелъ изложеніе вѣры о воплощеніи Сына Божія и далъ обѣщаніе соблюдать каноны св. апостоловъ, соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, соблюдать церковный миръ, повиноваться Святѣйшему Синоду, быть во всемъ согласнымъ съ епископами, ничего не дѣлать вопреки церковнымъ правиламъ, но хранить преданія и чины неизмѣнно съ католическою восточною православною Церковью, согласно съ постановленіями Святѣйшаго Правительствующаго Синода и со святѣйшими восточными патріархами. Послѣ этого архимандритъ Евгеній произнесъ присягу о вѣрноподданническомъ неліцемѣрномъ служеніи Престолу и о повиновеніи Власти Самодержавной и всѣмъ исходящимъ отъ Нея узаконеніямъ. Высокопреосвященный Архіепископъ Арсепій благословилъ новоосвящаемого и произнесъ: „Благодать Святаго Духа черезъ мою мѣрность производитъ тя, боголюбезнѣйшаго архимандрита Евгенія, избраннаго епископа богоспасаемаго града Сумъ“. Затѣмъ рукоположенный въ поручительство въ неуклонномъ исполненіи данныхъ имъ обѣтовъ призвалъ Самого Спасителя Іисуса Христа: „Той да будетъ миѣ помощникъ купно со Отцемъ и св. Духомъ“. Послѣ сего свою книгу клятвенныхъ обѣщаній, скрѣпленную заблаговременно собственноручною подписью по листамъ, рукополагаемый вручилъ Высокопреосвященному Архіепископу Арсе-

вію и принялъ отъ него и отъ всѣхъ прочихъ Архипастырей благословеніе. При этомъ Архіепископъ произнесъ: „Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ тобою“. Протодіаконъ провозгласилъ многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Правительствующему Синоду, участвовавшимъ въ хиротоніи Архіеереямъ и избранному и утвержденному во епископа Богоспасаемаго града Сумъ архим. Евгенію, при чемъ послѣдній кланялся Архипастырямъ и народу.

Послѣ многолѣтія, новонареченный епископъ, архимандриты и духовенство, кромѣ совершавшихъ литургію, удалились въ алтарь. Началась божественная литургія. Торжественное богослуженіе производило глубоко-религіозное впечатлѣніе своимъ величіемъ, грандіозностью и прекраснымъ церковнымъ пѣніемъ. Послѣ малаго входа и произнесенія Высокопреосвященнымъ словъ: „Призри съ небесе, Боже“... во время пѣнія „Святый Боже“, ректоръ семинаріи и протодіаконъ В. Вербицкій вывели хиротонисуемаго изъ алтаря чрезъ сѣверныя двери къ царскимъ вратамъ. Здѣсь его приняли Просвященные: Іоаннъ, Епископъ Полтавскій и Переяславскій и Алексій, Епископъ Таврической и Симферопольскій и ввели во св. алтарь. О. Евгеній, снявъ митру, сталъ на колѣни п, сложивъ крестообразно руки, возложилъ на престолъ свою голову. Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній и прочіе Архипастыри возложили на голову о. Евгенія руки и раскрытое св. Евангеліе, словами къ головѣ посвящаемаго. Преосвященный Іоаннъ произнесъ „воимемъ“. Послѣ этого Архіепископъ произнесъ вслухъ положенную молитву при посвященіи, начинающуюся словами: „Избраніемъ и искусомъ боголюбезнѣйшихъ архіереевъ и всего освященнаго Собора, Божественная благодать проручествуетъ тя боголюбезнѣйшаго архимандрита“ и т. д. Всѣ присутствовавшіе въ алтарь воспѣли троекратно „Господи помилуй“. Затѣмъ Высокопреосвященный благословилъ хиротонисуемаго и прочелъ еще двѣ молитвы тайно, во время которыхъ одинъ изъ Архіереевъ въ полголоса произносилъ особую положенную по уставу Церкви ектенію, а другой Архипастырь говорилъ „Господи, по-

милуи". По окончаніи чтенія ектеньи, съ головы о. Евгенія сняли св. Евангеліе и онъ, снялъ съ себя архимандричій крестъ и священническую ризу, бралъ подносимыя ему архіерейскія одежды и подходилъ къ каждому изъ Архипастырей для полученія благословенія, причемъ возглашалось слово „аксіосъ“, затѣмъ облачался. Послѣ облаченія Архіереи братскимъ лобзаніемъ привѣтствовали епископа Евгенія, и онъ, занявъ соотвѣтствующее мѣсто среди Архипастырей, сталъ совершать божественную литургію. Во время литургіи онъ осѣнялъ народъ послѣ чтенія евангелія, во время большого выхода принималъ св. чашу и поминалъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, военачальниковъ, градоначальниковъ и всѣхъ православныхъ христіанъ. Въ положенное время Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній посвятилъ одного изъ діаконовъ во священника, а Преосвященный Евгеній совершилъ посвященіе въ санъ діакона одного изъ поддіаконовъ.

При окончаніи литургіи Преосвященный Евгеній разоблачился въ алтарѣ и, испросивъ благословеніе у Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія и прочихъ Архипастырей, возложилъ на себя архіерейскую рясу, клобукъ и четки, мантию и панагію. Затѣмъ, по окончаніи литургіи, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній и другіе Архіереи разоблачились и въ мантияхъ, съ посохами, вышли на амвоцъ посреди собора. Ректоръ семинаріи, прот. І. Знаменскій и протодіаконъ вывели изъ алтаря новохиротописаннаго на средину собора. Преосвященный Евгеній сталъ около амвона лицомъ къ Архіепископу. Послѣ этого Высокопреосвященный обратился къ новохиротописанному съ приведенною нами въ началѣ книжки рѣчью.

Послѣ рѣчи Архіепископъ вручилъ новохиротописанному посохъ и возвелъ на архіерейскій амвоцъ. При пѣніи „исполла эти деспота“ Преосвященный Евгеній благословилъ народъ на всѣ стороны. Всѣ бывшіе въ соборѣ устремились къ амвону, желая получить благословеніе новаго епископа.

Въ два часа дня, въ покояхъ Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія, предложена была—по случаю хиротоніи во епископа Сумскаго Преосвященнаго Евгенія—праздничная тра-

пеза. На обѣдѣ присутствовали: Архипастырцъ, совершавшіе хиротонію, новопосвященный епископъ Евгеній, настоятели мужскихъ монастырей и представители Харьковского духовенства, припимавшіе участіе въ совершеніи въ этотъ день литургіи въ Каѳедральномъ соборѣ. Во время обѣда о. протодіакономъ провозглашены были многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Правительствующему Синоду, присутствовавшимъ за трапезой Архипастырямъ, Преосвященному Евгенію отдѣльно, духовенству и всѣмъ жителямъ г. Харькова. Трапеза закончилась пѣніемъ „Достойно есть“.

Л. Б—ов.

Пастырское собраніе духовенства г. Харькова 17-го ноября, 1905 года.

Коренныя государственныя реформы послѣдняго времени, широкая революціонная пропаганда въ народѣ, борьба съ правительствомъ крайнихъ политическихъ партій, забастовки съ ихъ ужасными послѣдствіями, общественныя волненія и смуты, начавшееся аграрное движеніе въ провинціяхъ, наконецъ, настоятельная нужда преобразованій въ самой Церкви,— все это, потрясая душу пастыря, не позволяетъ ему быть спокойнымъ и безучастнымъ зрителемъ совершающагося въ общественной жизни, но вызываетъ его выступить на активную дѣятельность съ цѣлію поддержать смятенный духъ паствы, внести въ нее миръ и взаимную любовь и поставить ее въ правильное христіанское отношеніе къ переживаемымъ событіямъ. Душа каждаго пастыря имѣетъ потребность высказаться и передъ паствой и прежде всего другъ передъ другомъ. Поэтому Харьковское духовенство давно уже задумало собраться для взаимнаго совѣщанія о нравственномъ объединеніи и выработкѣ программы своихъ дѣйствій, въ виду столь серьезныхъ запросовъ времени, и намѣтило рядъ вопросовъ для обсужденія.

Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній съ самымъ живымъ сочувствіемъ отнесся къ этому, благословилъ духовенству собраться, самъ пожелалъ принять участіе въ этомъ со-

раніи и предоставилъ всѣмъ право совершенно свободно высказываться и обсуждать вопросы, не стѣсняясь ни его присутвіемъ, ни острою вопросовъ. Въ виду важности дѣла Владыка Архипастыръ не хотѣлъ оставаться въ сторонѣ, а напротивъ пожелалъ тѣснѣе и крѣпче объединиться съ пастырями, съ своей стороны помочь общему дѣлу личнымъ опытомъ, равно и самому узнать о положеніи дѣла отъ близкаго къ жизни народной духовенства. Владыка желалъ, чтобы въ этомъ собраніи приняли участіе и представители сельскаго духовенства, которое еще болѣе чѣмъ городское нуждается во взаимномъ объединеніи въ эти тяжкія минуты, но, за невозможностію имъ скоро и легко собраться въ виду желѣзнодорожныхъ забастовокъ,—желалъ бы все выработанное на этомъ собраніи опубликовать къ свѣдѣнію и остального духовенства.

17-го ноября вечеромъ въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома состоялось это собраніе городскаго духовенства. По прибытіи въ собраніе Высокопреосвященнаго Архіепископа, собравшимися было пропѣто: „Двесь благодать Св. Духа насъ собра...“; Владыка благословилъ всѣхъ и открылъ собраніе рѣчью, въ которой указывалъ на важность сего собранія и важность вопросовъ подлежащихъ его обсужденію, выражалъ желаніе расширить программу собранія вопросами предстоящей церковной реформы и просилъ всѣхъ быть искренними, откровенными и имѣть въ виду только благо родины и св. Церкви.

Первый вопросъ, поднятый въ собраніи, былъ объ отношеніи духовенства къ такъ называемому освободительному общественному движенію, къ социаль-демократической и революціонной пропагандѣ среди рабочихъ. Было заявлено приходскими священниками, что прихожане нерѣдко просятъ ихъ объяснить смыслъ Высочайшаго Манифеста 17 октября и въ силу его объема власти Государя и Государственной Думы. Бывало нерѣдко, что во время молебновъ въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ толпа рабочихъ заявила протестъ противъ церковныхъ возглашеній о „Самодержавнѣйшемъ Государѣ“, заглушала церковное пѣніе своимъ пѣніемъ „марсельезы“, обличала священниковъ въ „черносотенствѣ“ и требовала отъ нихъ выраженія сочувствія своимъ дѣйствіямъ и т. п. По этому поводу произошелъ про-

должительный и весьма оживленный обменъ мыслей. Сообща и тщательно были обсуждены слова Высочайшаго Манифеста 17 октября, воззванія Св. Синода, опубликованныя Архипастырскія и пастырскія воззванія, событія среди московскаго духовенства. На основаніи всего этого была выяснена необходимость духовенству твердо и незыблемо стоять на почвѣ Манифеста 17 октября, не выходить изъ рамокъ его и въ точномъ согласіи съ нимъ указывать народу, что Государь остается Самодержавнымъ, какъ онъ и самъ Себѣ именуется въ важныхъ государственныхъ актахъ, изданныхъ послѣ Манифеста 17 октября;—особливо же разъяснить народу значеніе Государственной Думы и выборныхъ людей для участія въ ней: какое великое назначеніе этихъ избранниковъ, какъ всемірно надобно озаботиться о выборѣ въ Думу именно лучшихъ, достойнѣйшихъ и довѣреннѣйшихъ людей и какъ къ этому надобно отнестись серьезно и честно при предстоящихъ выборахъ. Обсуждая все это, духовенство нашло, что съ церковной кафедры надобно, въ виду текущихъ событій, проповѣдывать, неукоснительно и неустанно и прежде всего слово мира и любви, предостерегать отъ всяческихъ насилій и впускать довѣріе къ правительству. Въ дальнѣйшихъ своихъ политическихъ сужденіяхъ проповѣдники должны быть крайне осторожны, помня, что одно необдуманное слово съ церковной кафедры можетъ возбудить цѣлую массу людей и вмѣсто мира внести раздоръ и смуту. Въ случаѣ революціонныхъ протестовъ во время молебновъ, погребеній и панихидъ,—мужественно переносить это и съ кроткимъ терпѣніемъ усердно исполнять свой пастырскій долгъ.

Затѣмъ былъ поднятъ жгучій вопросъ о поведеніи духовенства въ моменты возможныхъ народныхъ смятеній и даже погромовъ. Духовенство сознаетъ, что быть спокойнымъ или равнодушнымъ въ эти минуты нельзя. Однако и опредѣлить точно образъ дѣйствій въ такія минуты и установить точныя правила для всѣхъ невозможно, посему опредѣлить свое поведеніе въ подобныхъ случаяхъ предоставляется такту и мудрости каждаго пастыря, обязаннаго помнить, что особенно въ нынѣшнее время надобно быть „мудрымъ якоже змѣи и простымъ якоже голубіе“.

Въ переживаемое время, въ такомъ бурномъ центрѣ, какъ Харьковъ, городское духовенство должно находить для себя поддержку прежде всего во взаимной солидарности и нравственномъ объединеніи. Въ виду сего собранію былъ сдѣланъ докладъ о желательности изданія въ Харьковѣ церковно-общественнаго органа, напр. въ видѣ духовной газеты, которая бы объединяла не только пастырей, но и паству около пастырей. Духовенство одобрило эту идею и съ оживленіемъ обсуждало способы ея осуществленія, сознавая, что для сего прежде всего надобенъ горячій и самоотверженный инициаторъ, а кромѣ того и надежныя матеріальныя средства. Вмѣстѣ съ симъ признаю благовременнымъ еще бѣльшее расширеніе 3-го отдѣла Харьковскаго епархіальнаго органа, журнала „Вѣра и Разумъ“, для помѣщенія въ немъ преимущественно пастырско-практическихъ статей и замѣтокъ. Редакція журнала сочувственно отозвалась на это желаніе духовенства, намѣреваясь по возможности осуществить его, съ благословенія Высокопреосвященнаго Архіепископа ¹⁾).

Но въ особенности городское духовенство сознаетъ свою обязанность, въ виду совершающихся событій, усугубить ревность въ выполненіи своего прямого пастырскаго долга—богослужебно-просвѣтительнаго. Подъ руководствомъ присутствовавшего Архіепископа была выяснена вся важность однообразнаго, уставнаго, истоваго богослуженія въ городскихъ храмахъ: какъ въ этомъ отношеніи должно быть вразумительно, неспѣшно, внятнo церковное чтеніе и пѣніе псаломщицкое и хоровое, какъ должны за симъ слѣдить особливо настоятели церквей, не допуская въ этомъ никакого произвола со стороны псаломщиковъ и регентовъ. Въ дѣлѣ проповѣди городское духовенство давно уже трудится съ похвальнымъ усердіемъ: вездѣ заведены торжественныя воскресныя вечерни съ поученіями, бесѣдами и чтеніями, привлекающія множество молящихся; для нѣкоторыхъ пунктовъ учреждены проповѣдническіе кружки, собесѣдованія ведутся по особымъ заранѣе вы-

¹⁾ О полномъ сочувствіи своемъ осуществить это желаніе Духовенства Редакція неоднократно печатно заявляла Харьковскому Епархіальному Духовенству, убѣдительно приглашая его присылать ей свои статьи; объ этомъ же сочувствіи своемъ она заявляетъ и теперь.

работаннымъ программамъ, при семъ распространяются во множествѣ религіозно-правственные и миссіонерскіе листки и брошюры,—руководитъ всѣмъ этимъ Епархіальное Братство. Но нынѣ особливо надобно обратить вниманіе на характеръ и направленіе сего проповѣдничества. Въ собраніи было заслушано заявленіе, что проповѣдь въ настоящее время должна имѣть по преимуществу практической характеръ и направлена возможно болѣе на изъясненіе (общедоступное) Слова Божія, въ противовѣсъ сектанству, гдѣ на богослужебныхъ собраніяхъ читается и объясняется главнымъ образомъ Св. Евангеліе. При семъ не должны быть игнорируемы и обаятельные примѣры христіанской добродѣтели изъ церковной исторіи и житій святыхъ, ибо этотъ родъ поученій особенно доступенъ народу и любимъ имъ. Другая сторона въ проповѣдничествѣ—это способъ и приемы произнесенія поученій. Духовство сознаетъ, какъ мало оно выводитъ изъ своихъ духовно-учебныхъ заведеній практическаго умѣнья проповѣдывать, какъ мало оно приучено къ „живому слову“. Надобно сему учиться теперь. Желательно было бы организовать проповѣдническія собранія желающихъ пастырей, гдѣ они взаимно учились бы, какъ говорить проповѣди, съ какими приѣмами ихъ произносить, на какія темы, въ какомъ объемѣ, гдѣ бы просто упражнялись въ проповѣдническихъ опытахъ, другъ друга наставляя и исправляя. Собраніе отнеслось къ сему съ живымъ сочувствіемъ, а Высокопреосвященный Архіепископъ благословилъ это доброе желаніе, ожидая отъ него самыхъ благихъ плодовъ для улучшенія дѣла проповѣди въ Харьковѣ. Но поднятіе богослужебно-просвѣтительнаго дѣла въ городскихъ приходахъ немыслимо безъ возвышенія нравственно-образовательнаго уровня младшихъ членовъ причта: діаконовъ и псаломщиковъ.

Въ собраніи было сдѣлано заявленіе о томъ, что у діаконовъ и псаломщиковъ г. Харькова возникло намѣреніе обсудить свои нужды и составить отъ всѣхъ сообща прошеніе объ улучшеніи ихъ матеріальнаго и нравственнаго положенія. Высокопреосвященный Архіепископъ и все собраніе отнеслись къ сему доброжелательно, соглашаясь, что совѣщаніе о.о. діаконовъ и псаломщиковъ слѣдуетъ допустить, но подъ руководствомъ опытнаго и педантнаго священника, что ихъ закон-

ныя и справедливыя просьбы должно удовлетворить, но подъ условіемъ, что и сами они, сознавши свои недостатки, съ бѣльшимъ, чѣмъ нынѣ, стараніемъ, будутъ исполнять свой долгъ: будутъ благоговѣйны въ чтеніи и пѣніи богослужебныхъ пѣсней, аккуратны въ веденіи письменоводства, въ почтительности къ старшимъ и во внѣшнемъ своемъ благоповеденіи. При этомъ условіи они отъ своихъ настоятелей и священниковъ вправѣ ожидать самаго живого и искренняго сочувствія всѣмъ своимъ нуждамъ.

Пастырское собраніе закончилось въ 10 час. вечера пѣніемъ „Достойно есть“... и Архипастырскимъ благословеніемъ.

Священникъ П. Болингъ.

Архіерейскія богослуженія.

Въ понедѣльникъ, 14-го ноября, божественную литургію и затѣмъ молебенъ въ Кафедральномъ соборѣ совершалъ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

— 20-го ноября, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершилъ литургію въ Озерянской Церквѣ Покровскаго монастыря.

— 21-го ноября, въ день праздника Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, литургію и молебенъ въ Кафедральномъ соборѣ совершалъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній.

— 24-го ноября Преосвященный Алексій, Епископъ Таврическій и Симферопольскій читалъ акафистъ Божіей Матери въ Покровскомъ монастырѣ предъ чудотворною иконою Озерянской Божіей Матери.

— 26-го ноября всенощное бдѣніе въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря совершалъ Преосвященный Іоаннъ, Епископъ Полтавскій и Черныславскій; въ Крестовой Церкви при Архіерейскомъ домѣ—Преосвященный Алексій, Епископъ Таврическій и

Сямферопольскій; въ Каѳедральномъ же соборѣ—Преосвященный Гавріиль, Епископъ Прилуцскій, Викарій Полтавской епархіи.

— 28-го ноября лютургію въ Крестовой Церквѣ Архіерейскаго Дома совершалъ Преосвященный Евгеній, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи.

Отбытіе Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ.

29 ноября с. г. Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Арсевій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, изволивъ отбыть въ С.-Петербургъ для присутствованія, согласно Высочайшему Повелѣнію, въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Въ 11 час. дня совершенно было въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря, послѣ божественной лютургіи, напутственное молебствіе предъ чудотворною Озерянскою иконою Божіей Матери. Богослуженіе совершали Преосвященный Евгеній, Епископъ Сумскій, о.о. архимандриты и настоятели монастырей Харьковской епархіи и все духовенство г. Харькова. Храмъ былъ переполненъ молящимися. Высокопреосвященный Арсевій находился въ алтарѣ. По окончаніи молебна Архіепископъ приложился къ Озерянскому образу Божіей Матери, а затѣмъ обратился съ краткою рѣчью къ находившимся въ соборѣ. Поблагодаривъ духовенство и горожанъ за ихъ любовь къ нему, выразившуюся, между прочимъ, и при настоящахъ проводахъ его въ С.-Петербургъ, Владыка призвалъ на насомыхъ благословеніе Божіе.

Въ 1 часъ дня въ покои Его Высокопреосвященства прибыли: Преосвященный Евгеній, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи, духовенство г. Харькова и другія лица. Благословивъ собравшихся, Высокопреосвященный въ кроткой рѣчи обратилъ ихъ вниманіе на церковно-общественныя событія послѣдняго времени, выразилъ пожеланіе, чтобы Братство Озерянской Божіей Матери также успѣшно проявляло свою религіозно-просвѣтительную дѣятельность, какъ и въ минувшемъ году своего существованія, пожелалъ, далѣе, возможно большей сплоченности духовенству въ его пастырскомъ дѣланіи и выразилъ увѣренность, что и съ его отбытіемъ въ С.-Петербургъ Харьковское духовенство будетъ стоять на высотѣ призванія.

Провожаемый Преосвященнымъ Епископомъ Евгеніемъ, настоя-

телямъ монастырей Харьковской епархіи, духовенствомъ г. Харькова, представителямъ мѣстной администраціи, начальниками и начальницами духовно-учебныхъ заведеній и многими горожанами, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній отбылъ съ 8-мъ час. вечернимъ поѣздомъ въ С.-Петербургъ чрезъ Москву.

Путешествіе Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ Успенскій Святогорскій монастырь.

Одною изъ древнѣйшихъ обителей Харьковской епархіи является Успенскій Святогорскій монастырь. Эта обитель существовала уже въ XIV в. и послѣ временнаго своего закрытія въ 1844 г. вновь была возстановлена усердіемъ и жертвами супруги д. с. с. А. М. Потемкина Татьяны Борисовны, урожденной княжны Голицыной. Съ этого времени Святогорская обитель дѣлается общежительною пустынью и быстро развивается какъ со стороны внѣшняго своего величія, такъ и по внутреннему своему благоустройству. Въ настоящее время въ Святогорскомъ монастырѣ, кромѣ главнаго величественнаго его храма въ честь Успенія Божіей Матери, есть еще семь благолѣпныхъ церквей: 1) во имя Святителя Николая, 2) въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, 3) во имя преп. Антонія и Феодосія, 4) въ честь св. Іоанна Предтечи, 5) Алексѣевская, 6) Преображенская и 7) Рождество-Богородичная. Святогорскій монастырь владѣетъ 2.555 дес. земли, неприкосновеннымъ капиталомъ въ 85000 руб., а также разнаго рода угодьями и ведетъ обширное хозяйство.

Отличаясь прекраснымъ мѣстоположеніемъ, истово-уставнымъ богослуженіемъ и умирительнымъ пѣніемъ, Святогорская обитель издавна и до настоящаго времени привлекаетъ къ себѣ много богомольцевъ не только изъ окрестныхъ мѣстъ, но даже изъ самыхъ отдаленныхъ селъ и городовъ Россіи. Особенно же многолюдное собраніе богомольцевъ притекаетъ во св. обитель въ день ея храмоваго праздника, 15 августа. Тогда въ стѣнахъ обители однихъ говѣющихъ насчитывается свыше 5.000 человѣкъ. Харьковскіе архимонастыри считаютъ всегда своимъ долгомъ прибывать къ 15 августу во св. обитель для торжественнаго совершенія здѣсь богослуженій и пазиданія вѣрующихъ. Слѣдуя этому издавна принятому обычаю, Высокопреосвященный Арсеній и въ настоящемъ году, по примѣру двухъ предъидущихъ лѣтъ, предпринялъ путешествіе въ Святогорскій монастырь для со-

вершенія здѣсь богослуженія и участія въ крестныхъ ходахъ и другихъ церковныхъ торжествахъ.

13-го августа въ 8 час. 34 м. вечера Высокопреосвященный, въ сопровожденіи архим. Святогорскаго монастыря Вассіана, ключаря собора прот. Гончаревскаго, протод. В. Вербницкаго, двухъ подіаконовъ, благочиннаго градскихъ церквей свящ. о. П. Гомина и Епархіальнаго наблюдателя В. Давыденко, отбылъ изъ Харькова на ст. Славянскъ. Сюда Владыка прибылъ въ 5 час. утра на другой день. Встрѣченный здѣсь мѣстными благочинными о. Юшковымъ и о. Михаиломъ Пономаревымъ, духовенствомъ четырехъ Славянскихъ церквей, церковными старостами: пот. поч. гражд. А. В. Шнурковымъ, В. Карякинымъ, Яковомъ Асокинымъ, пот. поч. гражд. В. С. Голоснякомъ и представителями города, во главѣ съ городскимъ головою П. М. Ламзиннымъ, Высокопреосвященный Владыка былъ привѣтствованъ г. Голоснякомъ. Принявъ хлѣбъ-соль, Владыка поблагодарилъ В. С. Голосняка. Послѣ этого городской голова, съ имени города, обратился къ Владыкѣ съ покорнѣйшею просьбою доставить духовное утѣшеніемъ горожанамъ своимъ богослуженіемъ и посѣщеніемъ мѣстныхъ храмовъ. Выразивъ благодарность за приглашеніе, Высокопреосвященный далъ обѣщаніе въ слѣдующемъ году совершить въ нѣкоторыхъ храмахъ г. Славянска богослуженіе и преподать на мѣстахъ всѣмъ свое архинастырское благословеніе. Удостоивъ затѣмъ своими разспросами А. В. Шнуркова и другихъ встрѣчавшихъ его лицъ, Владыка отбылъ, со всѣми его сопровождавшими лицами, въ Святогорскій монастырь, отстоящій отъ ст. „Славянскъ“ въ 17 вер.

При переправѣ чрезъ р. Донецъ возлѣ паромъ собралось множество народу изъ сосѣднихъ селъ для встрѣчи Архинастыря. Изъ приходскаго храма доносился встрѣчный колокольный звонъ. Причтъ и староста Богородичанской церкви, во главѣ съ свящ. о. В. Федоровымъ, встрѣтили Архинастыря хлѣбомъ-солью и провожали на паромѣ до другого берега. Преподавъ общее благословеніе собравшемуся во множествѣ народу, Владыка вошелъ снова въ экипажъ и лѣвымъ берегомъ Донца направился прямо въ обитель.

Кто не восторгался и не любовался чуднымъ видомъ Святогорскаго монастыря, подѣзжая къ нему съ этой стороны? Кто не умилялся и не проникался чувствомъ религіознаго восторга, смотря на этотъ вѣками созданный и живописно распо-

ложившійся на горахъ и у подножія ихъ монастырей?! Но особый смыслъ и особое значеніе получаетъ сія св. обитель при видѣ многихъ тысячъ собравшагося вокругъ нея народа. (Бываютъ годы, когда къ 15 августа стекается въ Святогорскій монастырь свыше 20000 народу). Благодаря прекрасной, сухой и теплой погодѣ, и въ настоящемъ году съѣздъ богомольцевъ былъ весьма многочисленный. Они наполнили собою все храмы, гостиницы, дворы и площади монастыря, а на противоположномъ берегу тысячи народа сновали взадъ и впередъ по ярмаркѣ, ежегодно въ это время открываемой. Владыка былъ еще на противоположномъ берегу р. Донца, а колокольный звонъ обители уже встрѣчалъ его, давножданнаго и желаннаго.

У самыхъ вратъ св. обители Архипастыръ вышелъ изъ кареты и былъ встрѣченъ братію монастыря съ ея настоятелемъ. Торжественная процессія, во главѣ съ архипастыремъ, направилась къ покоямъ настоятеля монастыря. Здѣсь Владыка облачился и затѣмъ „со славою“, по древнему монастырскому чину, во главѣ братіи, при пѣніи тронарей, торжественно прослѣдовалъ въ Успенскій монастырь среди толпы народа.

Облачившись для совершенія литургіи и прослушавъ часы, Архипастыръ со всею сонмою сослужащихъ, монастырскимъ хоромъ и множествомъ монашествующихъ, крестнымъ ходомъ направился къ берегу р. Донца для того, чтобы на приготовленныхъ лодкахъ отбыть на Святое мѣсто, именуемое Арсеньевскимъ скитомъ. Не всегда и не для всякаго открыты врата сего Святого мѣста: лишь нѣсколько разъ въ году, и то не всею, можно проникать туда для молитвы и богослуженія; это мѣсто подвиговъ и иноческаго житія б. ч. схимниковъ, принявшихъ высшій постригъ для своего спасенія и непрестанныхъ молитвъ за грѣшный міръ.

Когда все вошло въ лодки, религіозная процессія двинулась по рѣкѣ Донцу. Открылось величественное зрѣлище.—Трудно передать въ словахъ ту глубину восторга, ту силу религіознаго одушевленія, какія невольно овладѣвали участниками этого крестнаго шествія по водѣ среди рѣдкихъ красотъ Богомъ созданной природы. Въ то время, какъ главная ладья съ Архіерейскомъ и со всею духовенствомъ, съ хоромъ монашествующихъ, съ крестами и хоругвями, при пѣніи прмсовъ «Отверзу уста моя», отчалила отъ берега и направила свой путь вверхъ по теченію широкой и многоводной рѣки, тысячи народа, укрывавшія

собою горы и берега, двинулись во слѣдъ грядущаго Архипастыря по направленію къ Святому мѣсту. Одни шли самымъ берегомъ, другіе верхними тропинками, многіе плыли въ лодкахъ, обвужая шествіе. А между тѣмъ открывались виды одни красивѣе и живописнѣе другого. Вотъ показалаь вышедшая, по преданію народному, изъ мѣловой горы церковь Преображенія, а вокругъ нея, въ ея ходахъ и галлерейкахъ, повсюду видѣлся народъ молящійся и любующійся красотой величественной церемоніи. Въ воздухѣ слышалось неумолкаемое пѣніе ирмосовъ и молитвъ: «Пресвятая Богородице спаси насъ», „Преподобне отче Арсеніе, моли Бога о насъ“ .. Но вотъ процессія приблизилась къ скиту. Колокольный звонъ Успенской обители смолкъ, а взамѣнъ его послышался звонъ съ колокольни св. скита.

У скитской пристани тысячи народа ожидали крестный ходъ. Отсюда крестный ходъ, во главѣ съ Архипастыремъ, двинулся въ гору, среди вѣкового лѣса, прямо къ храму во имя преп. Арсенія. Немногіе изъ богомольцевъ, за тѣсною храма, могли пройти въ него и даже въ ограду его. Тысячи народа молились подъ открытымъ небомъ.. Встрѣченный на наперги схимниками и братіей, Владыка прошелъ въ храмъ и здѣсь совершилъ Божественную литургію. По окончаніи литургіи крестный ходъ во главѣ съ Архипастыремъ тѣмъ же путемъ и въ томъ же порядкѣ возвратился обратно въ Успенскую обитель, около 12 ч. дня.

Въ 6 часовъ вечера во св. обители раздался благовѣстъ къ всенощному бдѣнію. Высокопреосвященный Владыка совершилъ всенощное богослуженіе въ Покровской церкви, настоятель обители архим. Вассіанъ—въ соборномъ Успенскомъ храмѣ, а среди монастырскаго двора, у часовни, молились тысячи народа подъ открытымъ небомъ, гдѣ совершалась третья всенощная.

На другой день въ 9 час. утра началось торжественное совершеніе литургіи въ Успенскомъ соборномъ храмѣ. Литургію совершалъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній, въ сослуженіи о.о. архимандритовъ Вассіана и Аонасія, ключаря Харьковскаго кафедральнаго собора прот. І. Гончаревскаго, священн. о. П. Фомина, священн. о. М. Пономарева и многихъ іеромонаховъ. Въ концѣ литургіи Высокопреосвященный обратился къ предстоящимъ съ проповѣдію о томъ, что Божія Матерь являетъ намъ собою величайшій примѣръ терпѣливаго перенесенія страданій и скорбей ¹⁾.

¹⁾ Это слово было напечатано въ № 20 журнала „Вѣра и Разумъ“ за 1905 г.

По окончаніи литургіи всѣ священно-служителя крестнымъ ходомъ направились вверхъ по крутой горѣ къ церкви святителя Николая. Здѣсь было совершено, въ присутствіи множества молящихся, молебное пѣніе, а затѣмъ крестный ходъ возвратился обратно.

Въ этотъ же день Высокопреосвященный Владыка благословилъ трапезу монашествующимъ, въ которой принялъ и самъ участіе.

Въ 3-мъ часу Владыка, преподавъ братіи прощальное наставленіе объ иноческомъ житіи, выѣхалъ изъ обители, направляясь въ Пришибъ и Маяки, гдѣ Святогорская обитель создала свои небольшіе храмы для молитвеннаго назиданія и утѣшенія вѣрующихъ. Въ Пришибѣ Высокопреосвященный былъ встрѣченъ приходскимъ священникомъ с. Богородичнаго. Здѣсь въ церкви—школѣ о. настоятель привѣтствовалъ Владыку слѣдующими словами:

„Отъ имени отцовъ, жителей сего малаго хуторка, монаховъ приходжанъ, затѣмъ учащихъ, и отъ себя, ихъ пастыря и законоучителя, привѣтствую твое, Милостивый Владыко, вторичное вхожденіе въ сей св. храмъ Божій,—храмъ ученія въ духѣ вѣры и благочестія, посвященный памяти свв. Кирилла и Меодія. Велики твои, Владыко, заботы о преуспѣяніи просвѣщенія народнаго въ духѣ вѣры и благочестія. Велика и безиредѣльна твоя любовь къ этому великому и славному дѣланію. Своими заботами, своею святительскою любовію, ты окружаешь всѣхъ своихъ пасомыхъ.

Прими же и насъ въ твои отчія объятія, Святителю Божій, и присущею тебѣ любовію покрый наши немощи и недочеты.

Храни тебя Богъ на многія лѣта!“

Владыка поблагодарилъ о. Василія за привѣтствіе и затѣмъ приступилъ къ испытанію учениковъ въ знаніи ими молитвъ, священной исторіи и символа вѣры. Своими отвѣтами и стройнымъ пѣніемъ ученики порадовали Владыку, который благословилъ и одобрилъ труды завѣдующаго и учителя.

Въ с. Маякахъ Архипастыръ обозрѣвалъ монастырскую и приходскую церкви. Въ оградѣ приходской церкви Высокопреосвященный торжественно былъ встрѣченъ крестьянскимъ обществомъ съ хлѣбомъ—солью. Владыка вступилъ въ бесѣду съ народомъ по поводу празднуемаго событія. Отвѣтами приходжанъ и учащихъ дѣтей, а также общенароднымъ пѣніемъ, Архипастыръ остался доволенъ. Благословивъ народъ и одаривъ крестиками

учащихся, Высокопреосвященный изъ храма зашелъ въ домъ приходскаго священника о. Г. Понировскаго, откуда чрезъ 20 минутъ отбылъ на ст. „Славянскъ“. Здѣсь въ ожиданіи поѣзда, Высокопреосвященный посѣтилъ квартиру церковнаго старосты В. С. Голосняка и затѣмъ, въ 8½ час. веч., прослѣдовалъ въ Харьковъ.

С. О.

Священникъ Агей Захаровичъ Любинскій, † 2 августа 1905 г.
(НЕКРОЛОГЪ).

2-го августа, с. г., въ 3 ч. и 25 мин. по полудни, тихо скончался заштатный священникъ села Тарасовки, Богодуховскаго уѣзда, Агей Захаровичъ Любинскій, на 85 году отъ рожденія. Отецъ Агей—родился 1820 года, декабря 16 дня—сынъ дьячка села Любовки, Богодуховскаго уѣзда. По окончаніи курса въ семинаріи, съ аттестатомъ второго разряда, Преосвященнымъ Иннокентіемъ рукоположенъ во священника къ Четырешестимученической церкви въ село Мирное, того-же уѣзда, 1843 года ноября 24 дня. По резолюціи Преосвященнаго Епифанія, перемѣщенъ въ село Шаровку, того-же уѣзда, къ Благовѣщенской церкви. (1848 года, іюля 8 дня). По резолюціи Преосвященнаго Макарія перемѣщенъ въ село Тарасовку, того же уѣзда, къ Дмитріевской церкви (1859 г. ноября 6 дня). За усердіе и труды по народному образованію награжденъ набедренникомъ (1859 г. августа 6 дня). Въ память войны 1853—1856 г.г. имѣлъ бронзовый крестъ на Владиміровской лентѣ (1859 г. апрѣля 26 дня), Всемилостивѣйше награжденъ фіолетовой скуфіей въ 1864 г. и коплавкой въ 1879 году. За отличіе—хорошую и ревностную службу награжденъ паперетнымъ крестомъ (1886 года апрѣля 12 дня). За 50-ти лѣтнюю службу въ священномъ санѣ, Высочайше пожалованъ ему орденъ св. Владиміра 4-й степени (1894 года мая 14 дня). Покойный отецъ Агей проходилъ должность депутата и помощника благочиннаго по 1-му округу Богодуховскаго уѣзда. Въ 1888 годѣ, ноября 1-го дня, уволенъ былъ, согласно прошенію, за штатъ.

Но, оставивши приходъ, покойный о. Агей не пересталъ трудиться,—онъ поступилъ въ Верхо-Харьковскій женскій монастырь, гдѣ прослужилъ болѣе 10 лѣтъ сверхштатнымъ священникомъ. Почувствовавъ упадокъ зрѣнія, о. Агей оставилъ монастырь и переѣхалъ на покой къ сыну своему священнику хутора Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда. По смерти зятя о. Агей ходатайствовалъ предъ Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ о перемѣщеніи своего сына его священникомъ въ с. Тарасовку. для поддержанія оставшихся сиротъ. Просьба была милостиво уважена и старикъ о. Агей почувствовалъ себя спокойнымъ.

Болезнь покойный не долго;—за двѣ недѣли до смерти онъ еще самъ ходилъ, но старческій недугъ, выразившійся болѣе въ желудочныхъ отправленияхъ, уложилъ его въ постель. Почувствовавъ полный упадокъ силъ, пожелалъ причаститься Св. Таинъ, что и было исполнено его сыномъ 30 іюля. Послѣ припятія Св. Таинъ о. Аггей взялъ въ руки Св. крестъ и долго лобызалъ его, при чемъ лицо его выражало радость и уста шептали молитву. Дѣти и внуки окружали его одръ. Благословивъ всѣхъ, больной попросилъ оставить его въ покоѣ. До самой смерти о. Аггей былъ въ полномъ сознаніи и, почувствовавъ смертный часъ, крѣпко приказавъ къ своей груди старшую свою дочь, у которой онъ держалъ свои дни и которой довѣрялъ, болѣе чѣмъ другимъ, уходъ за собою...

Погребеніе о. Аггея было совершено, за отсутствіемъ о. благочиннаго, о. духовникомъ священникомъ Григоріемъ Назаревскимъ съ четырьмя священниками и четырьмя діаконами. Почившій похороненъ на известномъ кладбищѣ, возлѣ своей супруги, которая умерла раньше его двумя годами. На литургіи и во время погребенія сказаны были поученія о. духовникомъ и священникомъ Константиномъ Рыболовымъ.

Миръ праху твоему, незабвенный отецъ! Да упокоитъ Господь душу твою въ селеніяхъ праведныхъ и да сотворитъ тебѣ вѣчную память!

Священникъ Григорій Любинскій.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Областной миссіонерскій съѣздъ изъ Одессы.

Высочайшій указъ 17 апрѣля текущаго года, а также Высочайше утвержденныя того же числа „Положенія Комитета Министровъ“ и „Извлеченія изъ особыхъ журналовъ Комитета“ объ укрѣпленіи въ Россійской Имперіи началъ вѣротерпимости составили цѣлую эпоху въ жизни православной миссіи на Руси. Опредѣлить по достоинству происшедшее, выяснить новое положеніе православной миссіи и опредѣлять ея дальнѣйшій путь—вотъ неотложная задача, ставшая вдругъ предъ лице миссіи въ видѣ большого вопроса... А огромное движеніе, порожденное новымъ вѣроисповѣднымъ законодательствомъ въ средѣ разныхъ сектъ: многочисленныя сектанскіе съѣзды съ участіемъ высшихъ правительственныхъ сановниковъ, пріѣзды къ сектантамъ ихъ заграничныхъ „братій“ и различныхъ протестантскихъ проповѣдниковъ и т. п.—все это ясно указывало, что на православную Церковь надвигается новая грозная туча...

Потребность въ совмѣстномъ обсужденіи всего происходящаго сознавалось дѣятелями миссій уже со дня опубликованія новаго указа о вѣротерпимости. Но... такая уже участь дѣятелей православной Церкви, что имъ всегда приходится прежде сто разъ „похныкать“..., а затѣмъ кой какъ исполнять желаемое.

Вотъ почему Одесскій съѣздъ миссіонеровъ является весьма цѣннымъ для миссій. Это былъ первый опытъ, послѣ знаменательнаго для православной Церкви дня 17 апрѣля, совмѣстной оцѣнки новаго поведенія православной миссій и выясненія новаго курса миссіонерскаго карабля.

Какъ все это осуществилъ съѣздъ,—видно изъ его дѣяній, которыя нами вкратцѣ в сѣ приблизительной точности приводятся ниже.

Всего собралось на съѣздъ до 50 человекъ. Дѣятельное участіе въ занятіяхъ съѣзда принималъ и редакторъ „Мисс. Обзор.“ В. М. Севорцовъ. Съѣздъ открылся прѣвѣтвенною рѣчью Высокопреосвященнаго Дмитрія, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, который коротко и ясно обрисовалъ текущее время, какъ время успленнаго и глубоко продуманнаго бодрствованія православной миссій. Послѣдняя, по мнѣнію Владыки, составляя въ существѣ своемъ *учительство*, исполняетъ главнѣйшую функцію Церкви и вмѣстѣ цѣлью: охранить чадъ Церкви отъ религіозныхъ заблужденій, вразумить уже заблудшихъ и отпавшихъ отъ Церкви овецъ и нѣчто пріобрѣсть для Церкви со стороны. Благословивъ собравшихся дѣятелей миссій на трудную работу пересмотра прежнихъ и изысканія новыхъ путей для достиженія миссіей своей цѣли, архипастырь молитвенно пожелалъ съѣзду успѣха въ занятіяхъ, которыя велись съ 20 и по 26 сентября подъ предѣлательствомъ преосвященнаго Дмитрія, епископа Новомиргородскаго.

Три первыя засѣданія съѣзда были посвящены обсужденію вопроса о тѣхъ удобствахъ и неудобствахъ, какія создалъ для миссій Высочайшій указъ о вѣротерпимости. Послѣ долгаго и горячаго обмена мнѣній съѣздъ установилъ *приблизительно* слѣдующее: а) освобожденіе сектантовъ отъ ограничительныхъ мѣръ правительства должно вызвать большій подъемъ миссіонерской энергіи въ средѣ духовенства и миссіонеровъ; б) миссія, что особенно важно, освободилась отъ глубоко несправедливыхъ, по упорныхъ на нее нареканій общества въ наклонности къ сыску, репрессіи и соучастію съ полиціей; в) возможно, что сектанты будутъ относиться къ миссій откровеннѣе, прямѣе, ближе; что, въ частности, хлыстовщина перестанетъ быть тайной и скрытной и вступить въ явную бесѣду съ миссіей; г) ореолъ мученичества гонимыхъ за вѣру снятъ съ сектантовъ; д) фанатизму, замкнутости и духовной сплоченности сектъ нанесенъ ударъ, хотя взамѣнъ этого и усилятся ихъ внѣшняя организація.

Обратно, т. е. неудобства, вытекающія изъ 17-го апрѣля таковы: а) указъ 17-го апрѣля засталъ миссію не вполне подготовленною къ новой, несравненно болѣе интенсивной борьбѣ съ ре-

лвіозными заблужденіями; б) среди сектантовъ обнаружился сильный подъемъ духа: православный-же народъ, по своему разумѣя новую вѣровсповѣдную систему, находится въ недоумѣніи и смущеніи; в) есть опасность, что, по крайцеи мѣрѣ, на вѣкоторое время сектанты во многихъ мѣстахъ будутъ держаться на миссіонерскихъ бесѣдахъ болѣе гордо, дерзко и кощунственно; г) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаружилось неправильное пониманіе сектантами указа 17-го апрѣля, будто-бы запрещающаго православной миссіи бесѣдовать съ ними; д) сектанты сильно организованы: устраиваютъ всероссійскіе и областные съѣзды съ сильною помпой, значительно увеличиваютъ составъ спеціальныхъ платныхъ проповѣдниковъ, предназначая ихъ къ пропагандистской дѣятельности въ разныхъ мѣстахъ Россіи, проэктивруютъ открытіе спеціальныхъ „прсповѣдническихъ“ школъ, усиливаетъ прежніе сношенія съ иностранными „братіями“ по вѣрѣ, обставляютъ молитвенныя собранія съ блескомъ и при участіи своихъ „братій“ со стороны.

Слѣдующія за симъ два засѣданія были посвящены выработкѣ мѣръ, какія необходимо принять для устраненія неудобствъ, созданныхъ для миссіи указомъ 17 апрѣля. Съѣздъ пришелъ *приблизительно* къ слѣдующимъ заключеніямъ: а) духовенство, а въ частности, православная миссія должны постараться восполнить то, чего недостаетъ имъ, усиливъ свою противосектантскую подготовку; всѣмъ надо оживиться; б) миссія ожидаетъ отъ архипастырей ихъ авторитетнаго голоса, въ видѣ воззваній в посланій къ духовенству и народу по поводу вѣротерпимости, создающей новую эру для миссіи и непременно обязывающей духовенство къ напряженной миссіонерской борьбѣ; в) духовенство должно понять, что оно обязано дать всѣмъ вопрошающимъ отвѣтъ о вѣрѣ; посему, такъ называемыя, виѣбогослужебныя собесѣдованія пастырей съ пасомыми, давно рекомендованныя Св. Синодомъ, должны быть именно собесѣдованіями, т. е. живымъ обменомъ мнѣній по поводу прочитаннаго или сказаннаго; г) семинарія должна приложить всѣ силы для обученія воспитанниковъ импровизаціи в живому слову; безъ этого обученіе гомилетика не достигаетъ цѣли; д) слѣдуетъ напомнить семинаріямъ объ ихъ обязанности вести при кафедрѣ расколо-сектантства практическія занятія и публичныя бесѣды; е) слѣдовало-бы ходатайствовать, предъ кѣмъ слѣдуетъ, объ отмѣнѣ статьи консисторскаго устава, воспрещающей приходскому духовенству проповѣдь безъ предварительной цензуры; ж) рекомендовать приглашать сектантовъ на бесѣды черезъ ихъ начетчиковъ и знакомыхъ, а также и чрезъ православныхъ прихожанъ; з) миссія стать ближе къ руководителямъ сектантовъ и еще болѣе смягчить тонъ бесѣды в отношеній къ заблудшимъ; въ случаѣ-же крайней грубости и дерзости сектантовъ, заранѣе тактично прекращать бесѣду, не доводя ее до вражды, крика и возможныхъ безобразій; и) нужны спеціальныя миссіонерскія школы для подготовки крестьянъ-начетчиковъ; нужно во всѣхъ академіяхъ учредить кафедры по исторіи и обличенію сектантства; п) нужно

составленіе и изданіе спеціально миссіонерскихъ пѣвческыхъ сборниковъ духовныхъ пѣснопѣній для внѣбогослужебнаго употребленія народа; в) необходимо усиленно-пользоваться всѣми возможными средствами сдѣлать бесѣды болѣе доступными пониманію народа.

Въ вечернемъ засѣданіи 22-го сентября былъ выслушанъ и подвергнутъ обсужденію докладъ одного изъ членовъ съѣзда объ организаціи въ православныхъ приходяхъ особыхъ „пастырскихъ союзовъ“. Въ докладѣ съѣздъ усмотрѣлъ пледу, которую осуществляютъ нынѣшнія „братства“, „комитеты“ и друг. подобныя учрежденія, и потому одобрилъ ее. 23-е сентября было посвящено обсужденію двухъ докладовъ члена съѣзда Н на темы: „Современное положеніе православной Церкви въ Россіи съ точки зрѣнія нужды ея внутренней миссіи“ и „Новая государственная въроисповѣдная система“. Второй докладъ въ нѣкоторыхъ его частяхъ былъ предметомъ занятій съѣзда 24-го и 25-го сентября.

И. Мариупольскій.

(Продолженіе будетъ).

Приходская миссія.

Центръ всякой миссіонерской дѣятельности справедливо полагается нынѣ въ приходѣ, а главными ея представителями признаются мѣстные прачты, при непремѣнномъ сотрудничествѣ прихожанъ. Дѣло это мѣстами получило уже нѣкоторую организацію. Въ Нижегородской епархіи, наиримѣръ, вступилъ въ силу уставъ приходскихъ кружковъ ревнителей православія. Цѣль учрежденія кружковъ: религіозно-правственное просвѣщеніе какъ самихъ членовъ кружка, такъ и прочихъ прихожанъ, по преимуществу же склонныхъ къ расколу или сектанству; обращеніе раскольниковъ и сектантовъ въ православіе; нравственная, матеріальная и юридическая помощь новообращеннымъ. Учрежденіе кружка есть долгъ каждаго священника. Объяснительная записка къ уставу совѣтуетъ вачать учрежденіе кружка не съ формальной стороны (приглашенія членовъ, выбора должностныхъ лицъ и т. п.), а практически — съ чтеній въ школѣ или частномъ домѣ.

Если приходъ склоненъ къ старообрядчеству, пусть священникъ начпетъ чтенія съ житій святыхъ; если между прихожанами есть сектанты, предметомъ чтенія будетъ св. Евангеліе; если приходъ православный, чтенія могутъ быть предложены въ Троицкихъ

плю другихъ листовъ. На чтенія непременно явятся прихожане. И вотъ въ постоянныхъ посѣтителѣй чтеній уже образовался желаемый кружокъ. Останется только оформить его. (С. Л.).

Мѣры борьбы съ инославной пропагандой.

Въ протоколахъ занятій съѣзда духовенства, бывшаго въ мѣстѣчкѣ Богуславѣ, Каневского уѣзда, Кіевской губерніи, рекомендуются слѣдующія мѣры борьбы съ инославной, особенно католической пропагандой: а) собраніе братскихъ пастырскихъ кружковъ, что необходимо для объединенія пастырей и уничтоженія между ними отчужденности и розни; б) пастырскія соборныя служенія, способствующія привлеченію большаго числа прихожанъ въ храмы; в) обрѣзныя благотворительскія бібліотеки, куда собиралось бы все полезное для противодействія пропагандѣ; г) матеріальная взаимопомощь: „весьма часто случается, что любой изъ насъ нуждается въ извѣстномъ моментѣ, не говоря о сотняхъ, но въ десяткѣ рублей; не лучше ли было бы, не унижая себя предъ ростовщиками, обратиться въ кассу братской взаимопомощи за извѣстной суммой, съ платой даже процентовъ, на улучшение, напр., бібліотеки благотворительской или другое что-либо полезное? („Кіев. Еп. Вѣд.“ 1905 г. № 35). Объединеніе и взаимообщеніе пастырей рекомендуется и „Саратовскими Еп. Вѣд.“ (1905 г. № 26) и „Гродненскими“ (1905 г. № 33—34 стр. 912).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

И. П. РАЗВАЛИНОВЪ

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

подъ кафедральнымъ соборомъ, №№ 1-й, 2-й, 3-й.

КЪ ЗИМНЕМУ СЕЗОНУ:

драпъ на подкладкѣ цвѣтной 1 р. 50 к., драпъ плюшь верблюжьей шерсти 1 руб. 75 к., драпъ чер. и цвѣтной гладкій, шерсть трико 2-й шир. отъ 60 к. до 7 р. 50 к., шерсть трико для дамскихъ платьевъ 2-й шир. новѣйшія рисунки 50 к., 58 к., 60 коп., 75 коп. и дор., форменныя сукна и драпы отъ 70 к. до 8 руб., одѣла плюшевая 4 р. 50 к., 5 р., 6 р., 7 р. до 25 р., одѣла байковая 1 руб. 95 к., 2 р. 15 к., 2 р. 25 и дор. Полотна и моденолачь высшихъ сортовъ.

ФИНЛЯНДСКИХЪ ФАБРИКЪ

громаднѣйшій выборъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей: платки суконныя, шелковыя вязанныя, тюль для гардинъ отъ 11 коп. до 2 руб., ковры бархатныя, польскія и сибирскія. Громаднѣйшій выборъ новѣйшихъ модныхъ тканей для мужскихъ и дамскихъ платьевъ.

ОБРАЗЦЫ ТОВАРОВЪ ВЫСЫЛАЕМЪ по первому требованію съ приложеніемъ 7-ми коп. марки, иначе требованіе образцовъ не будетъ выполнено.

Настоящая книжка нашего журнала значительно запаздала выходомъ въ свѣтъ по случаю желѣзнодорожныхъ забастовокъ и скопленія грузовъ на почтѣ.

Редакція.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гегге въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ новѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) влччательно“. Свящ. І. Арсеньова.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Омирова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статья объ антихристѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руув“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія мизизма“ Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матеріалъ, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Липницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. П. И. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шихтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Спегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщались были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и совращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.